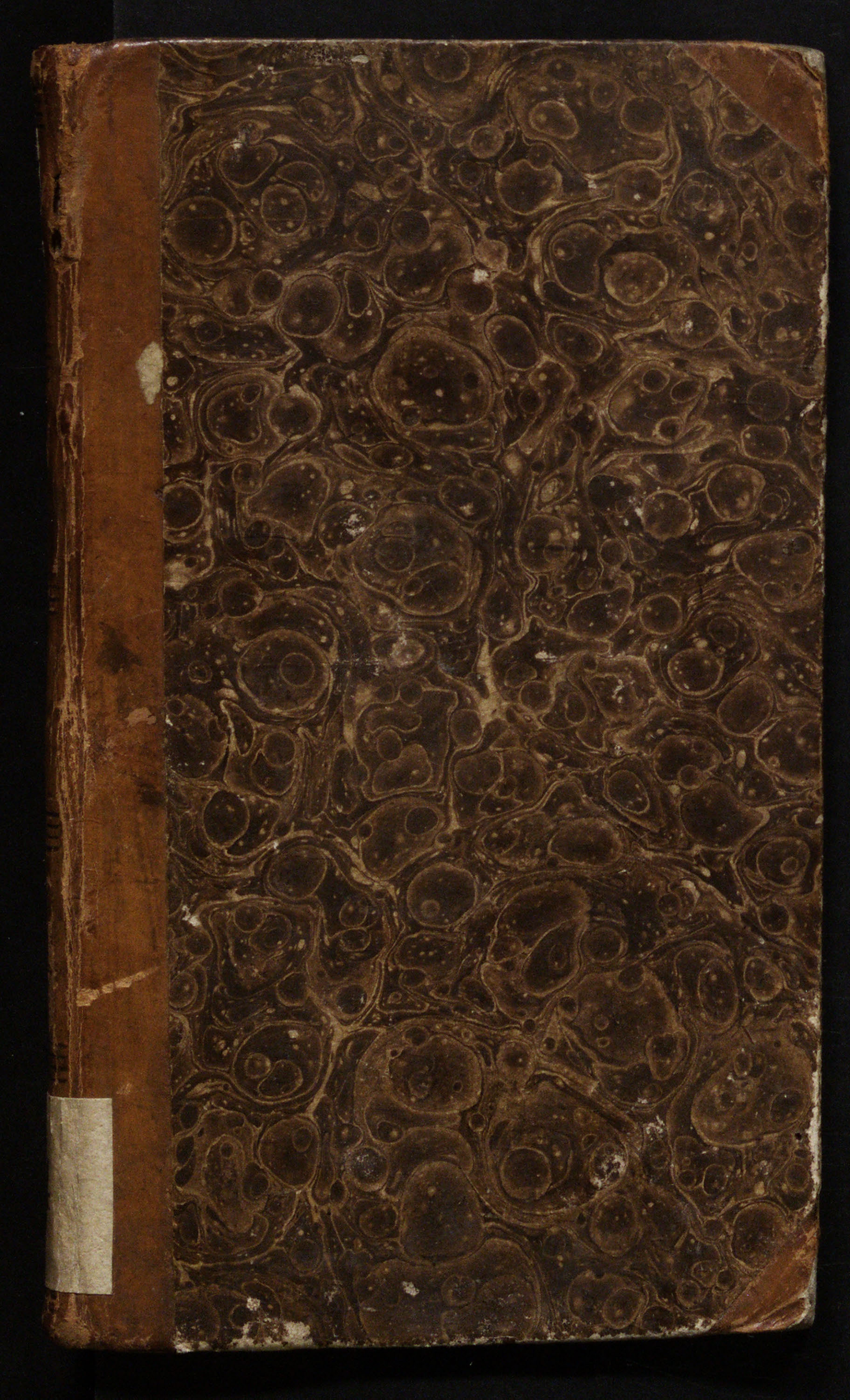
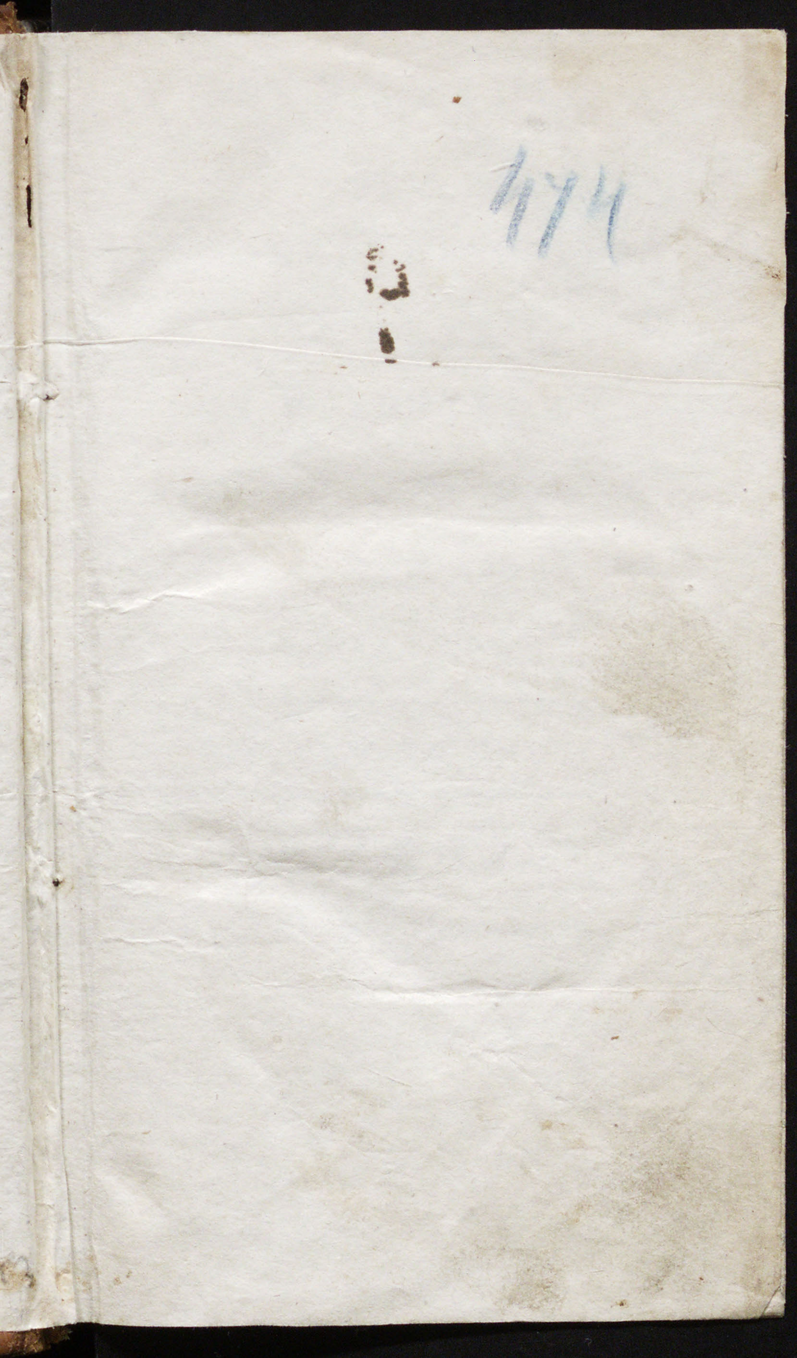
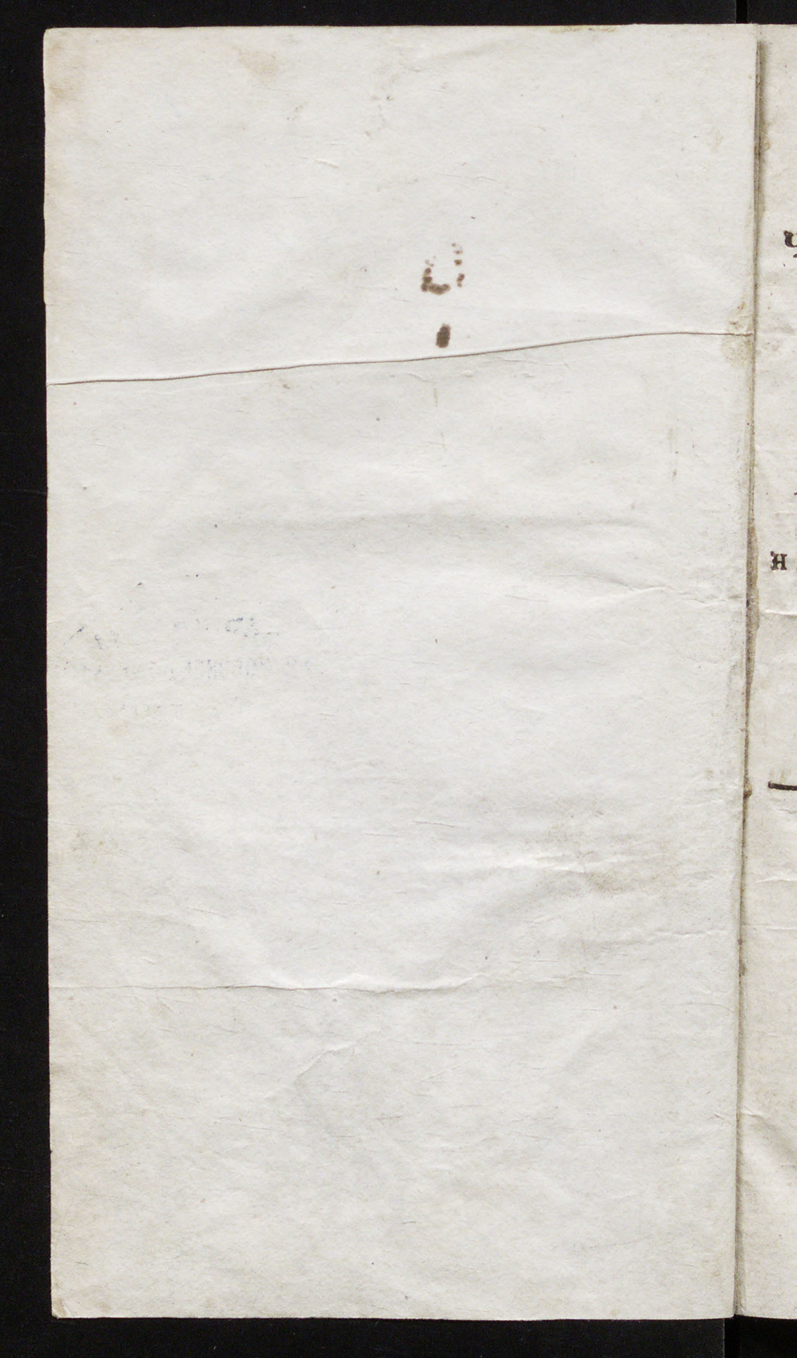

РАЗСУЖДЕНІЯ

о томъ,

ЧТО МОЖЕТЪ НРАВИТЬСЯ

И

НЕ НРАВИТЬСЯ

ВЪ СВѢТСКОМЪ ОБРАЩЕНІИ,

НАПИСАННЫЯ Г. АББАТОМЪ

БЕЛЛЕГАРДОМЪ.

Переведены съ Французскаго.

МОСКВА,

въ типографіи Пономарева.

1795.

Съ Указнаго дозволенія.

ЕЯ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

МИЛОСТИВОЙ ГОСУДАРЫНѢ,

АННѢ ПЕТРОВНѢ

ВОЛКОВОЙ

Всеусерднѣйшее приношенiе.

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Беллегардовы разсужденiя о томъ, что можетъ нравиться и не нравиться въ свѣтскомъ обращенiи, безъ сомнѣнiя должны быть полезны, особливо для начинающихъ знакомиться съ свѣтомъ. Усердствуя моимъ соотчичамъ, я перевелъ оныя на Россiйской языкъ, и переводъ свой осмѣливаюсь посвятить Вашему Высокопревосходительству; тѣмъ паче, что разговаривающiе тутъ двое искренныхъ друзей имѣютъ великое сходство съ Вашимъ характеромъ: они оба съ самыми благородными чувствованiями, съ самымъ лучшимъ сердцемъ и добродѣтельны въ высочайшей степени. Щастливымъ почту себя, ежели сiе приношенiе удостоите принять благосклонно въ знакъ моего высокопочитанiя къ особѣ Вашей, въ знакъ безпредѣльной при-

знательности и преданности; кои усугубляются во мнѣ поминутно рѣдкою добротою Вашей души и Вашими милостями, и которыя сохраняя, за особливую честь себѣ вмѣняю быть и именоваться во всю жизнь,

Милостивая Государыня!

Вашего Высокопревосходительства

всепокорнѣйшимъ слугою.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Всѣ люди желаютъ нравиться и быть пріятными тѣмъ, съ которыми имѣютъ обращеніе, или нѣкоторое знакомство. Хотя всякой человѣкъ тщится пріобрѣсть искуство нравиться, но мало такихъ, которые въ томъ успѣваютъ; у каждаго поступки заключаютъ въ себѣ всегда нѣчто непріятное; и ни въ комъ нѣтъ всѣхъ тѣхъ хорошихъ качествъ, которыя дѣлаютъ человѣка любезнымъ, и заставляютъ признавать его достоинства.

Ежели такъ мало успѣвающихъ въ искуствѣ нравиться, то происходитъ сіе отъ того, что недовольно стараются замѣчать въ людяхъ совершенныхъ, чѣмъ отличаются они отъ обыкновеннаго, а въ не нравящихся, что имѣютъ противнаго.

Школа свѣта болѣе всякой другой вещи можетъ образовать умъ, и впечатлѣвать слабое понятїе о вѣжливости, которая снискивается, смотря часто на людей обходительныхъ, и сообразуясь ихъ примѣру.

Ибо дѣйствительно недовольно того къ содѣланїю себя свѣдущими въ обращенїи, чтобъ только видѣть учтивыхъ людей: дѣлающїе много посѣщенїй дѣлаютъ ихъ часто безъ размышленїя; они проводятъ всю свою жизнь въ хорошихъ компанїяхъ, но чрезъ то не становятся честнѣе и прїятнѣе; изъ чего видно, что они не хотятъ брать на себя труда узнавать свои недостатки.

Сїи разсужденїя могутъ быть великимъ пособїемъ для толико нерадивыхъ: въ нихъ описаны во-

обще добрыя и худыя качества людей, и описанія весьма легко можно принаравливать къ себѣ, когда кто узнаетъ себя въ которомъ мѣстѣ.

Хотя сіи разсужденія могутъ служить людямъ всякаго состоянія; однакожъ, надобно признаться, большая часть наставленій въ нихъ заключающихся, относится болѣе къ употребленію тѣхъ, которые видятъ большой свѣтъ, и находятся часто въ хорошихъ компаніяхъ. Сіи наставленія, говорю, будутъ для нихъ гораздо полезнѣе, нежели для особъ, ведущихъ жизнь уединенную, или неимѣющихъ почти участія въ свѣтскомъ обращеніи.

Молодые люди, можетъ быть, найдутъ тутъ что позаимствовать, естьли захотятъ принять на себя

трудъ читать оныя со вниманіемъ: одни они были въ мысляхъ, когда писаны сіи наставленія, способствующія ко внушенію имъ правилъ честности, и къ образованію въ нихъ ума. Начинающіе входить въ свѣтъ должны учиться съ величайшимъ стараніемъ, какъ поставить себя на ногѣ честныхъ людей, и пріобрѣсть доброе имя.

Большая часть разсужденій, тутъ помѣщенныхъ, взята съ натуры; и естьли бы позволено было именовать при критикованіи, то можетъ быть нашлось бы, что они довольно много сходны съ своими подлинниками.

Тутъ всякаго рода картины представлены, дабы всѣ, что на счетъ чей сказано, могли находить, сравнивая оныя съ собою, и упо-

требляя правило сатирическаго стихотворца, которой сказалъ весьма забавно: ты смѣешся, но естьли перемѣнить имя, то сказанное будетъ къ тебѣ относиться. По моему мнѣнїю это есть самый кратчайшїй путь сдѣлаться честнымъ человѣкомъ: замѣчая сумазбродства другихъ, можно брать предосторожности, дабы самому не впасть въ оныя. Когда кто разсуждаетъ, сколько смѣшонъ необходительный человѣкъ, то научается самъ быть обходительнымъ. Тѣ, которые имѣютъ въ обращенїи грубыя и дикїя поступки, кажутся намъ весьма несносными и противными; а по тому должны мы отдавать себѣ справедливость, и быть увѣрены, что всѣ сїи пороки, ежели въ насъ находятся, производятъ такоеже дѣйствїе въ умахъ другихъ.

При семъ надобно также быть увѣреннымъ и въ томъ, что хотя бы мы впрочемъ имѣли тысячу хорошихъ качествъ, но въ состоянiи одинъ порокъ затмить все наше достоинство. Сiе столь справедливо, что есть многiе умные люди и собою весьма стройные, которые весьма бы желали нравиться, однакожъ не нравятся; потому что недовольно старались истребить въ себѣ нѣчто, я не знаю, такое, которое разливается по всему, что они ни дѣлаютъ. Мы судимъ о людяхъ по наружностямъ, и когда видимъ такихъ, которые отваживаются дѣлать поступки, оскорбляющiя насъ, мы не можемъ удержаться, чтобъ не уменьшить по тому наше къ нимъ почитанiе. Итакъ должно всегда быть осто-

рожнымЪ, и смотрѣть за собою, чтобЪ ничего не вымолвить не кстати.

Разсуждать о сей матеріи почтено за лучшее вЪ видѣ разговоровЪ между двоими; сей образЪ кажется не столь скученЪ и сухЪ, какЪ естьли бы преподавать наставленія по главамЪ. ТутЪ введены двое искреннихЪ, честныхЪ и добродѣтельныхЪ друзей, между которыми не распутство сдѣлало связь, но одни благородныя склонности. Они представлены свѣдущими обо всемЪ, что происходитЪ вЪ свѣтѣ, по знакомству ихЪ со всѣми знатными и достойными особами, и по ихЪ старанію, какое они имѣли о томЪ, чтобЪ узнать обращеніе людей.

Хотя Евфимій и Феогенъ довольно скромнаго характера, но они не пропускаютъ случаевъ, сказывать весьма забавныя вещи, и шутить, когда матерія того требуетъ: однакожъ всегда возвращаются къ чувствованіямъ благоразумія; даже и въ матеріяхъ, которыя кажутся довольно веселыми, соблюдаютъ весьма строгую нравственность; никто не можетъ укорять ихъ, что они слабы въ чувствованіяхъ.

Они съ величайшимъ стараніемъ избѣгали того, чтобъ показать себя учеными, и приводить мѣста, исполненныя учености; потому что сіе ни къ чему не служитъ, и люди, для которыхъ сіи наставленія сдѣланы, не имѣютъ надобности ни въ Греческомъ языкѣ,

ни въ Латинскомъ. Однакожъ они не пренебрегли ничего, относящагося къ матеріямъ, о которыхъ предпріяли разговаривать, и представили всѣ свои разсужденія, какія можно только сдѣлать, просто, не затрудняясь чрезмѣрно, и не заводя ихъ слишкомъ вдаль.

Евфимій и Ѳеогенъ не допущены также и до того, чтобъ имъ между собою спорить; разговоры, гдѣ они кажется спорятъ, непріятны; и хотя они не всегда одинаковаго мнѣнія, такъ какъ на примѣръ въ первомъ разговорѣ, гдѣ спрашивается, прилично ли поправлять друзей нашихъ, когда они дѣлаютъ ошибки; но они приняли на себя видъ спорящихъ единственно для того, чтобъ болѣе войти въ матерію, которая не мало-

важна, и можетъ имѣть великое употребленіе въ свѣтскомъ обращеніи.

Нѣкоторыя особы весьма просвѣщенныя, но степеннаго нрава, коимъ читаны всѣ сіи разговоры, нашли, что слишкомъ много вмѣшано въ нихъ маленькихъ исторій; и желали, чтобъ онѣ вовсе были выброшены, какъ безполезныя или тщетныя вещи. Подлинно онѣ очень не великой важности, и расказывая ихъ не мыслили, чтобъ расказывалось что нибудь отмѣнное, или стоющее великой цѣны; но естьли они не служатъ ни малымъ украшеніемъ, то по крайней мѣрѣ отдохновеніемъ. Всѣ, читая, любятъ давать отдохновеніе уму: историческій предметъ, изъясненный въ короткихъ словахъ, и удобный къ удержанію въ памяти, доставляетъ

удовольствïе людямъ; въ противномъ случаѣ тотъ, кто не любитъ маленькихъ исторïй, и не находитъ удовольствïя въ такихъ мѣлочахъ, можетъ ихъ пропустить при чтенïи.

Другïя особы почли за дурное то, что помѣщено около двадцати наставленïй знающаго обращенïе человѣка; но безъ нихъ не льзя было обойтись: потому что, оставя излишнюю скромность, можно сказать, что они составляютъ самое лучшее во всѣхъ разговорахъ; даже ихъ и не перемѣнили никакъ, они писаны чистымъ и натуральнымъ слогомъ. Положить сïи наставленïя всѣ сряду, найдено не кстати; и для того дали имъ такïя мѣста, которыя имъ болѣе приличествуютъ, и гдѣ они имѣютъ лучшее дѣйствïе; также не захотѣли

напечатать ихъ особыми буквами, такая разнота была бы непрiятна. Естьли бы старались производить въ дѣйство все то, чему научаютъ оныя наставленiя, то всякой сдѣлался бы скоро знающимъ въ искуствѣ нравиться: они исполнены благородныхъ чувствованiй, и содержатъ въ краткости всю нравственность честныхъ людей.

Разсужденiя, какiя сдѣланы о говорящихъ въ публикѣ и о всѣхъ ихъ хитростяхъ, употребляемыхъ для прiобрѣтенiя себѣ похвалъ, не должны оскорблять никого; всѣ сiи изображенiя суть общiя. Замѣчены пороки, въ которые люди могутъ впадать, и чрезъ то самое всякой извѣщенъ, чтобъ принималъ предосторожности. Самые великiе

люди имѣютъ маленькїя слабости, и дѣлаютъ ошибки. Они весьма часто дѣлаютъ ихъ, неразмысливши; но публика по злости своей не прощаетъ имъ того. Занимающие знатныя мѣста съ трудомъ терпимы; всѣ восхищаются, естьли замѣтятъ въ нихъ какую нибудь слабую сторону, по которой можно дѣлать ихъ смѣшными, и умалять то доброе мнѣнїе, котораго они достойны.

Разсужденїя о ихъ поступкахъ представлены не по досадѣ и не по тщеславїю, но по тому праву, которое имѣютъ всѣ говорить о показывающихся въ публику, и критиковать нехорошїе стихи, когда находятъ ихъ дурными, и когда сочинитель оставилъ ихъ на произволъ ихъ судьбѣ.

По томуже самому праву представлены многія другія картины въ разсуждении другихъ матерій, и изысканы рачительно всѣ пороки, дѣлающіе людей смѣшными во всякомъ родѣ состояній; но сіи описанія падаютъ прямо на пороки, а не на людей: потому что главное намѣреніе въ томъ состоитъ, чтобъ нравы исправлять, а не людей оскорблять.

Тоже самое должно сказать о критикѣ, сдѣланной на нѣкоторыхъ женщинъ, о притворствѣ выдающихъ себя слишкомъ скромными, о кривляньѣ ложно набожныхъ, о запальчивости и злословіи кокетокъ, о жеманствѣ тѣхъ дѣвицъ, которыя чрезвычайно собою заняты. Тѣ, которыхъ совѣсть ничѣмъ изъ сказаннаго не упрекаетъ, не будутъ

имѣть причины жаловаться: а которыя найдутъ себя описанными, тѣ не должны говорить ни слова по одному благоразумiю, опасаясь, чтобъ не подумали, что онѣ говорятъ, вступаясь за свою честь.

Все старанiе употреблено, чтобъ не именовать авторовъ, изъ которыхъ взяты мысли, не означены также и мѣста ихъ сочиненiй, откуда тѣ мысли заимствованы, потому что такiя означенiя по большой части запутываютъ читающихъ; онѣ гораздо свойственнѣе большимъ сочиненiямъ, долженствующимъ содержать въ себѣ какую нибудь науку, нежели прiятельскимъ разговорамъ, гдѣ не помышляютъ о томъ, чтобъ высокiя мысли заключались въ высокихъ словахъ.

Нѣкоторыя выраженїя взяты изъ нынѣшнихъ авторовъ, которыхъ книги всякой въ рукахъ имѣетъ, а именовать сихъ авторовъ не разсуждено за благо; они означены подъ именами остроумнаго, честнаго человѣка и славнаго сочинителя; вездѣ почти дано знать, ежели гдѣ помѣщались ихъ мысли или выраженїя, а естьли гдѣ и упущено оное, то сїе не значитъ, будтобъ хотѣли похищать у нихъ имъ принадлежащее: но причиною тому, что порядокъ и правильность разговора того не позволили, и что таковыя приведенїя слишкомъ частыя, прерывая нить разговора, испортили бы самыя хорошїя мѣста Иной читатель теряетъ охоту читать, когда останавливаютъ его въ чтенїи, или обращаютъ его

мысли на другое. Одинъ благоразумный критикъ сдѣлалъ замѣчаніе, что ничто такъ не нравится основательному уму, какъ сопряженіе мыслей, въ естественномъ порядкѣ одна за другою слѣдующихъ: мысли, расположенныя по своимъ мѣстамъ, производятъ всегда хорошее дѣйствіе, а малѣйшій безпорядокъ отнимаетъ у нихъ красоту и пріятность.

Разсужденіе сего ученаго человѣка причиною того, что въ нѣкоторыхъ разговорахъ выброшено, что сказано въ другихъ: многіе припишутъ сіи повторенія нерадѣнію, но лучше приписать затруднительности; потому что, говоря тоже самое, должно перемѣнять

слова, и давать тѣмъ же мыслямъ новую ясность и новыя украшенія. Истинная причина, для чего тоже самое въ разныхъ разговорахъ было повторяемо, есть та, что естественной порядокъ того требовалъ. При сочиненіи первое стараніе должно имѣть о томъ, чтобъ мысли приведены были въ хорошій порядокъ, и расположены по свойственнымъ имъ мѣстамъ. Ничто другое не способствуетъ болѣе къ правильности и къ чистотѣ въ сочиненіяхъ; и такъ, какъ мы иногда принуждены бываемъ повторять одно слово въ выраженіи, чтобъ оно было яснѣе, то позволительно также сказать два раза одну вещь, дабы тѣмъ дать связь мыслямъ.

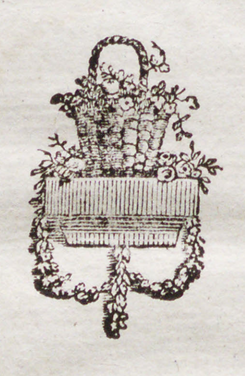
Не многїе разсуждаютЪ о семЪ такЪ, когда пишутЪ или читаютЪ; а кто умѣетЪ мыслить, и привыкЪ приводить вЪ порядокЪ, что мыслитЪ, тотЪ довольно понимаетЪ, что я говорю. Ежели что дѣлаетЪ, что не можно соскучить, слушавши человѣка говорящаго вЪ публикѣ; то это то, когда онЪ имѣетЪ искуство соединять свои мысли однѣ сЪ другими, и располагать ихЪ такЪ, чтобЪ онѣ слѣдовали естественнымЪ порядкомЪ. Самые грубые и непросвѣщенные тѣмЪ плѣняются, хотя не знаютЪ тому причины; они чувствуютЪ, я не знаю, что-то такое, которое имЪ нравится чрезвычайно, и котораго изЪяснить не могутЪ.

Напротивъ того нѣтъ ничего несноснѣе, какъ видѣть человѣка, которой оставя одну мысль, стремится искать другой весьма далеко; всякой устанетъ, слѣдуя за нимъ, и совершенно удивится, увидѣвъ себя вдругъ въ неизвѣстной странѣ.

Тѣ, которые читаютъ, должны, читая, замѣчать, что имъ болѣе приличествуетъ и принимать его, такъ какъ бы то былъ преподаваемый имъ совѣтъ. Ненадобно быть слѣпу въ разсужденіи своихъ недостатковъ, ни искать причинъ извинять себя. Есть люди, которые, узнавъ свои несовершенства, нерадятъ о поправленіи ихъ по причинѣ какихъ нибудь хорошихъ качествъ, кои въ себѣ считаютъ. Льстить

себѣ, что имѣемъ великія достоинства, и нравимся всѣмъ, есть смѣшное тщеславіе; и когда книга описываетъ насъ таковыми, каковы мы дѣйствительно, то не должно закрывать глаза, боясь себя узнать, ни огорчаться, видя, что нѣсколько распространено на нашъ счетъ: но надобно стараться поправить себя, и воспользоваться тѣми добрыми совѣтами, которые намъ преподаются, дабы вознаградить нѣкоторымъ образомъ то, въ чемъ рожденіе или щастіе намъ отказало; а въ утѣшеніе себя должно помнить всегда, что видъ честной, совершенная во всемъ справедливость, доброе и готовое къ услугамъ сердце, мнѣніе, что имѣемъ истинныя достоинства и

хорошія поступки, приносятъ намъ гораздо болѣе чести и удовольствія, нежели все то, что можетъ доставлять рожденіе или щастіе.

РАЗСУЖДЕНІЯ
о томъ, что можетъ нравиться или не нравиться въ свѣтскомъ обращеніи.

ОБРАЩЕНІЕ ДРУЗЕЙ.

Разговоръ первый.

Евфимій и Ѳеогенъ удаляются въ деревню въ прекрасное время; они издавна весьма хорошіе друзья: оба знатнаго происхожденія, и имѣнія ихъ соотвѣтствуютъ ихъ рожденію. Ѳеогенъ ростомъ великъ и станомъ хорошъ; онъ имѣя тихой и постоянной нравъ, даетъ видъ и оборотъ неподражаемой всему, что ни дѣлаетъ. Тѣ, съ кѣмъ онъ знакомъ, признаются чистосердечно, что

это человѣкъ придворной, которой совершенно свѣдущъ въ обхожденіи, имѣетъ свободной разумъ, и къ великой своей учености присоединяетъ весьма пріятныя поступки.

Евфимій заключаетъ въ своей особѣ всѣ знаки необыкновеннаго ума; лобъ у него широкой и возвышенной, глаза блистательныя и полны огня; онъ судитъ о сочиненіяхъ съ чрезвычайною справедливостію, однакожъ не мечтаетъ много о себѣ; никогда почти не сказываетъ своего мнѣнія, ежели къ тому его не принуждаютъ, а когда и скажетъ, то весьма скромно и тонко.

Нечаянной случай соединилъ Евфимія и Ѳеогена, когда они странствовали: они были вмѣстѣ въ самыхъ лучшихъ Европейскихъ дворахъ, и съ того времени не разлучались одинъ съ другимъ.

Изнеможеніе нѣкотораго роду, угрожавшее здоровью Ѳеогена, принудило его ѣхать въ свое помѣстье, находившееся близъ Парижа, дабы побыть тамъ на свѣжемъ воздухѣ. Евфимій послѣдовалъ ему, и они тамъ были посѣщаемы отъ нѣкоторыхъ искреннихъ своихъ

друзей. Какъ они прожили уже два мѣсяца въ деревнѣ со всею прiятностiю, каковую могутъ вкушать вмѣстѣ двое искреннихъ и добродѣтельныхъ друзей; то Евфимiй спросилъ у Феогена, скоро ли онъ полагаетъ возвратиться въ Парижъ, потому что здоровье его было совершенно возстановлено. По томъ говорилъ онъ ему, какая тому причина, любезный мой Феогенъ, что съ нѣкотораго времени такъ мало трогаютъ тебя прелести двора, и что ты не заботишся о возвращенiи туда послѣ двухъ мѣсяцевъ отсутствiя; ты, которой прежде не могъ провождать дней своихъ, какъ только въ большомъ свѣтѣ и въ большихъ собранiяхъ.

Когда кто съ тобою, отвѣчалъ съ ласковостiю Феогенъ, то онъ легко забываетъ весь свѣтъ; и естьли мы оба вмѣстѣ, то я неимѣю ни малѣйшаго желанiя искать другой компанiи. Ты слишкомъ учтивъ, сказалъ Евфимiй, но при всемъ томъ мнѣ кажется, что твой вкусъ много перемѣнился; я не вижу болѣе въ тебѣ того сильнаго стремленiя, которое ты имѣлъ къ

посѣщеніямъ, къ новымъ знакомствамъ, къ большимъ кругамъ и къ большимъ бесѣдамъ.

Ежели ты хочешь, любезный Евфимій, чтобъ я говорилъ чистосердечно, то это правда, что я имѣлъ сильную страсть къ отмѣннымъ компаніямъ; старался искать такихъ людей, кои болѣе могли доставлять мнѣ удовольствія; испыталъ всѣхъ, кто почитается умѣющимъ жить и обращаться лучшимъ образомъ въ большомъ свѣтѣ, и не нашелъ почти ни одного, ктобы напослѣдокъ не былъ въ тягость. Ты долженъ согласиться со мною, что мало такихъ, которые нравятся долгое время; даже и тѣ самые, которые считаютъ себя принятыми вездѣ хорошо, часто бываютъ огорчены во второе посѣщеніе, и ихъ терпятъ съ трудомъ.

Откуда же происходитъ, спросилъ Евфимій, что въ вѣкѣ толико просвѣщенномъ, каковъ нашъ, находится столь мало людей пріятныхъ, которые бы такъ были привлекательны въ обхожденіи, что заставляли бы желать себя вездѣ.

Мы давно обѣщали сказать одинъ другому, что каждой думаетъ въ разсужденіи сего, и вмѣстѣ посудить о томъ, что можетъ нравиться или оскорблять въ свѣтскомъ обращеніи, дабы достичь до основательнаго свѣдѣнія о матеріи, которая должна быть наукою для всѣхъ честныхъ людей.

Это справедливо, отвѣчалъ Θеогенъ, что жизнь была бы весьма пріятна, ежели бы всѣ способствовали къ услажденію ея горести: общество имѣетъ великія прелести, когда кто попадетъ въ хорошія руки; но не стараются достичь до совершенства въ наукѣ нравиться, либо для того, что не хотятъ принять на себя труда, или что очень трудно найти въ одномъ и томъ же человѣкѣ всѣ тѣ хорошія качества, какія нужны къ составленію характера нами искомаго.

Какими дорогами должно итти, спросилъ Евфимій, чтобъ сдѣлаться пріятнымъ въ свѣтскомъ обращеніи; или лучше сказать, любезный Θеогенъ, какимъ образомъ ты пріобрѣлъ свои

пріятности, для которыхъ всѣ желаютъ быть тебѣ друзьями.

Я не столько тщеславенъ, отвѣтствовалъ Ѳеогенъ, чтобъ могъ себя почитать хорошимъ примѣромъ въ наукѣ нравиться; и не смѣю льстить себѣ, что будто я довольно способенъ рѣшить твою задачу во всемъ ея пространствѣ. Но такъ какъ мы между собою откровенны, то по окончаніи нашей прогулки скажу безъ церемоніи все, что мнѣ придетъ въ умъ въ разсужденіи матеріи тобою предлагаемой; и въ замѣну моей малой проницательности, сообщу тебѣ нѣкоторыя замѣчанія, присланныя ко мнѣ отъ одного изъ моихъ друзей. Они писаны съ великою тонкостію, я ихъ знаю всѣ наизусть, и перескажу тебѣ отъ слова до слова, дабы они не потеряли ни мало своей пріятности. Естьли кто захочетъ исполнять все то, что сіи наставленія содержатъ въ себѣ, то не понадобится болѣе ничего къ тому, чтобъ быть свѣдущимъ въ наукѣ нравиться.

Естьли тебѣ непротивно, сказалъ тогда Евфимій своему другу, то сядемъ

здѣсь на короткое время, и надосугѣ разсмотримъ всѣ красоты сего водопада; я хожу смотрѣть его всякой день, и теперь плѣняюсь имъ также, какъ былъ плѣненъ, когда въ первой разъ его увидѣлъ. При томъ я считаю, что мы довольно имѣемъ времени, непрїятнаго ничего здѣсь не находимъ; и я уповаю, что прежде, нежели оставимъ сїе прекрасное уединенїе, не буду больше имѣть никакого сомнѣнїя въ томъ, что я предложилъ тебѣ.

Дабы судить здраво о томъ, что можетъ нравиться въ свѣтскомъ обращенїи, то должно сказать, говорилъ Ѳеогенъ, что правила не столько полезны, сколько практика и опыты; надобно прїучать себя разсуждать о поступкахъ людей, которыми они насъ плѣняютъ, и о недостаткахъ, которыми оскорбляютъ насъ; а сверхъ сего скажу тебѣ и то, что естьли кто хочетъ нравиться людямъ хорошаго вкусу, то онъ долженъ вездѣ выдерживать характеръ честнаго человѣка, и никогда самому себѣ не противорѣчить.

Вотъ и рѣшено все однимъ словомъ, отвѣчалъ Евфимій, усмѣхаясь; правило твое весьма надежное, но нѣкоторымъ образомъ слишкомъ всеобщее, я прошу тебя войти въ подробность: на примѣръ, скажи мнѣ, какъ долженъ честный человѣкъ вести себя въ обращеніи съ друзьями, чтобъ имъ нравиться, и быть всегда пріятнымъ; а послѣ сего мы разсмотримъ другія должности гражданской жизни.

Я съ охотою на сіе согласенъ, сказалъ Ѳеогенъ, и всегда готовъ дѣлать угодное для тебя, такъ какъ я обязанъ; но прежде, нежели станемъ разсуждать о взаимныхъ должностяхъ друзей, думаю, должно поговорить нѣсколько о томъ, какъ надобно выборъ ихъ дѣлать: ибо онъ гораздо труднѣе, нежели объ немъ мыслятъ, и когда кто хочетъ войти въ связь, то нужно ему узнать нравъ людей, которымъ предается.

Я скажу тебѣ въ разсужденіи сего одно правило того честнаго человѣка, о которомъ я тебѣ говорилъ; посмотри, какъ онъ справедливо думаетъ, и какъ тонко выражаетъ то, что мыслитъ.

другъ, что называютъ совершенный, искреннїй, нѣжный, вѣрный и безопасный, есть сокровище въ жизни, прїобрѣтенїе его есть дѣйствїе фортуны; и естьли кто столь щастливъ, что найдетъ его, то обязанъ за то возсылать благодаренїя на небо, откуда таковые дары для насъ нисходятъ: но я считаю, что не должно спѣшить слишкомъ въ исканїи, потому что поспѣшность и нетерпѣливость прїобрѣсть то, чего желаешь, дѣлаетъ иногда, что мы обманываемся; и случается весьма часто, что нашъ разумъ, обольщенный нѣкоторою особливою наружностїю, мнитъ, что нашелъ то, чего онъ искалъ страстно. Когда кто ввѣряется навсегда, то долженъ остерегаться, чтобъ не ввѣрить себя худо.

Что думаешь ты о семъ наставленїи, спросилъ Өеогенъ у друга своего? Нахожу его прекраснымъ, отвѣчалъ Евфимїй, и не знаю, чему я долженъ болѣе удивляться, чувствованїямъ ли, или выраженїямъ: такой свободной и натуральной образъ мыслей свойственъ только совершенно честному человѣку.

Ты дѣлаешь описанїе его, не думая о томъ, и его не зная; но ты не менѣе удивишься сему, что хочу тебѣ сказать: я исключаю, продолжалъ онъ, изъ сего правила щастливыя встрѣчи, случающїяся иногда между двумя душами которыя небо, кажется, произвело одну для другой, которыя бываютъ соединены, не будучи еще между собою знакомы; когда при такой симпатїи находится добродѣтель и достоинство, то это будетъ тотъ союзъ, котораго скоро составить не можно; и хотѣть слишкомъ разсматривать благо, даруемое намъ столь милостиво природою, значитъ оказывать къ оной обидную недовѣрчивость.

Я весьма хвалю это правило, и испыталъ его самъ собою. Такъ, любезной мой Ѳеогенъ, примолвилъ онъ, увидѣвъ тебя въ первый разъ, я почувствовалъ совершенно дѣйствїе той щастливой встрѣчи, о которой ты теперь говорилъ; и не медлилъ почти нисколько, вступить съ тобою въ связь, которая не пресѣчется во всю мою жизнь; съ того

времени я не перестаю воздавать благодаренїе небу за ниспосланный мнѣ отъ него даръ.

Ты сими словами, отвѣтствовалъ Өеогенъ, обязываешь меня столь много, что почти не можешь уже болѣе льстить мнѣ: ибо хорошїй другъ безцѣненъ, и надобно употребить цѣлой вѣкъ, чтобъ найти его съ твоимъ характеромъ. Истинные друзья очень рѣдки, и въ нихъ весьма часто обманываются: потому что, какъ говоритъ одинъ изъ нашихъ авторовъ, притворная дружба походитъ много на истинную, мы видимъ въ семъ случаѣ великихъ актеровъ; ничто въ свѣтѣ столь необыкновенно, какъ постыдное употребленїе притворной дружбы.

Что касается до меня, прервалъ Евфимїй, то я думаю, что надеждное правило, для распознанїя истинныхъ друзей съ ложными, есть судить объ нихъ по дѣламъ; потому что мы каждодневно видимъ людей, которые сначала клянутся быть вѣчно нашими друзьями, подходятъ къ намъ съ великою важностїю, и истощаютъ себя всѣхъ въ

словахъ. Они плѣняютъ насъ честною наружностїю, и обязательными разговорами, которыми намъ льстятъ; обѣщаютъ оказывать свои услуги, естьли только случай къ тому встрѣтится; а когда сей случай выдетъ, то они удаляются, и насъ оставляютъ: весь ихъ великой жаръ обращается въ поразительную холодность, и вся дружба кончится ничѣмъ.

Сїи люди разсуждаютъ весьма худо, они думаютъ сдѣлаться прїятными чрезъ свои комплементы, и чрезъ предложенїе услугъ, но сей ихъ блескъ ослѣпляетъ только однихъ слишкомъ легковѣрныхъ: человѣкъ, ищущїй одного имени хорошаго друга, не можетъ долгое время обманывать особъ разумныхъ, они тотчасъ узнаютъ его невѣрность и несправедливость. А какъ ты думаешь, спросилъ Ѳеогенъ, о людяхъ другаго характера, которые хвастаютъ своимъ распутствомъ, поставляютъ его себѣ въ достоинство, и почитаютъ его лучшимъ средствомъ сдѣлать себя прїятными своимъ друзьямъ? Я думаю, отвѣчалъ Евфимїй, что должно бы изгнать

ихъ совсѣмъ изъ общества честныхъ людей; потому что я не ставлю въ истинную дружбу таковыхъ обращенїй, коихъ побудительною причиною есть распутство, и въ которыхъ нравы портятся совершенно.

Честной человѣкъ не долженъ входить въ связь съ людьми столь явнаго распутства, съ которыми не льзя быть знакому, не теряя нѣсколько добраго имени. Я не разумѣю однакожъ здѣсь того, чтобъ не можно было говорить съ ними ни въ какихъ случаяхъ, особливо ежели обязанность по дѣламъ заставляетъ насъ иногда видѣться съ людьми не очень порядочными; равномѣрно не говорю о тѣхъ, кто по своему званїю обязанъ выслушивать всякой сортъ людей, дабы исполнить должность своего служенїя.

Изключаю также изъ сего правила посѣщенїя, дѣлаемыя въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ по одной церемонїи, отъ которыхъ не льзя свободить себя честнымъ образомъ: но говорю о связи, какая бываетъ между людьми, друзьями именуемыми; я утверждаю, что у нихъ

справедливость должна быть основанïемъ и узломъ такого обращенïя.

Подлинно, примолвилъ Ѳеогенъ, что не льзя почти отвѣчать за себя и за свои добродѣтели; когда сдѣлана связь съ людьми безчестными. Мы становимся участниками въ ихъ страстяхъ, въ ихъ ссорахъ и несправедливостяхъ. По сей безразсудной приверженности, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы видѣли, что нѣкоторые жертвовали своею жизнïю для друзей, влекшихъ ихъ на побоище подъ видомъ защищенïя, расприи въ несправедливыхъ поединкахъ, кои по щастïю въ нынѣшнее царствованïе уничтожены.

Сïе самое бываетъ при томъ источникомъ величайшихъ несправедливостей въ судилищахъ, гдѣ долженствуетъ обитать правосудïе: ибо слабые и политику наблюдающïе судьи покорствуютъ во всемъ своенравïю другихъ, отъ коихъ зависятъ, какъ то отъ любви женщины или власти какого нибудь знатнаго, которого они не смѣютъ огорчить, и для котораго из-

мѣняютъ святѣйшимъ своимъ должностямъ.

Сказанное теперь тобою, подхватилъ Евфимїй, привело мнѣ на память одно прекрасное мѣсто, читанное мною недавно въ церковномъ писателѣ, котораго сочиненїя я люблю страстно. Онъ описываетъ привязанность, какую имѣлъ онъ къ своимъ друзьямъ въ то время, когда страхъ Господень не управлялъ еще его дѣянїями. Тогда, говоритъ онъ, едва я не погубилъ бѣднаго Алипїуса; я любилъ его съ нѣжностїю, и онъ также отвѣчалъ мнѣ взаимною дружбою, ввѣрялъ ему всѣ мои тайны и всѣ любовныя дѣла; и хотя имѣлъ онъ въ себѣ твердое основанїе природной доброты, однако я прїучилъ его такъ хорошо ко всѣмъ безпутнымъ разговорамъ, что его добродѣтель совершенно была близка къ паденїю, или отъ того, что не могъ онъ сносить колкихъ насмѣшекъ моихъ, дѣланныхъ по причинѣ его сомнѣнїй, или что я мало помалу разрушалъ такими гнусными своими разговорами чистоту и нѣжность его совѣсти.

Это правда, присовокупилъ Ѳеогенъ, что довѣренность есть величайшее очарованїе въ дружбѣ, чрезъ нее познается всякой, каковъ онъ дѣйствительно: мы обнаруживаемъ свои желанїя, свои страсти, свои слабости, не имѣемъ никакой осторожности передъ другомъ, и ничего не скрываемъ отъ него, потому что полагаемся на него во всемъ; а недовѣрчивы мы передъ тѣми, съ кѣмъ мы равнодушны, и сїе самое препятствуетъ имъ проницать въ насъ, но предъ друзьями не должно употреблять хитростей, ежели кто хочетъ быть имъ всегда прїятенъ. Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ, дружба начинается почтенїемъ къ особамъ, которыхъ мы видимъ, и знаемъ ихъ достоинства; и она еще только началась, когда находится единственно въ умѣ, надобно, чтобъ доходила даже до сердца, куда она поселяется чрезъ взаимную довѣренность. Дружба еще слаба между тѣми, которые не дошли до сей точки взаимной откровенности; и естьли они до нее не достигнутъ, то обращенїе ихъ будетъ безъ вся-

кой пріятности, и не продлится долгое время.

Я бы прервалъ все съ искреннимъ другомъ, говоритъ упомянутой мною честной человѣкъ, естьли бы скрылъ онъ отъ меня тайну, трогающую его въ особенности; напротивъ того остался бы въ одинакомъ положеніи съ такимъ, съ коимъ я не столь тѣсно соединенъ; ибо, такъ какъ самъ не хочу довѣрять сему сорту людей, какъ только до нѣкоторой степени, то было бы несправедливо требовать и отъ нихъ полной довѣренности.

Слѣдовательно имѣть къ своимъ друзьямъ, отвѣтствовалъ Евфимій, взаимную довѣренность, которая бы заставляла открывать имъ все, что лежитъ на сердцѣ, есть существенный долгъ истинной дружбы. Однакожъ должно нѣсколько ограничить твое правило; ибо естьли тайны оныя могутъ вредить третьему какому либо лицу, то не надобно, думаю, пересказывать ихъ своимъ друзьямъ, да и они не должны досадовать, когда примѣтятъ, что оныя скрываются отъ нихъ. Многіе

каждодневно дѣлаютъ таковую ошибку, какъ скоро что вѣрено имъ будетъ, или узнаютъ какую важную новость, требующую молчанія, то пересказываютъ ее своимъ друзьямъ, немедля ни сколько. Они весьма несправедливы, отвѣтствовалъ Ѳеогенъ, когда поступаютъ такимъ образомъ; они не больше располагать могутъ тайнами, какъ имѣніемъ своихъ друзей безъ ихъ согласія и позволенія; и какъ ты теперь только говорилъ, друзья не должны считать дурнымъ того, что не будутъ участвовать въ таковыхъ тайнахъ. Не надобно быть излишно чиннымъ, не надобно желать вмѣшиваться во все; друзья обязаны открывать намъ свои тайны, но не могутъ сообщать чужихъ, не нарушая справедливости. При всемъ томъ надлежитъ взирать на обращеніе, какое кто имѣетъ съ нами; ибо естьли наши друзья слишкомъ скрытны, мы должны обходиться съ ними такъже, какъ они съ нами обходятся; иначе мы бы сами себѣ сдѣлали несправедливость, естьли бы стали ввѣряться имъ болѣе, нежели они намъ ввѣряются.

Вотъ можетъ быть, прервалъ Евфимій, та причина, по которой мы видимъ столь мало друзей истинныхъ; мы слишкомъ много печемся о собственной пользѣ, а о пользѣ своихъ друзей слишкомъ мало. Не видимъ мы больше свойствъ и твердости Давида и Іонафана, которые подаютъ намъ примѣръ дружбы совершенной, искренной, нѣжной и безкорыстной. Сіи два Принца совершенно были преданы одинъ другому. Ненависть и негодованіе Сауловы, вмѣсто того, чтобъ раздѣлить ихъ, усугубили въ нихъ взаимную привязанность. Вѣрный Іонафанъ оставилъ самопроизвольно дворъ своего отца, дабы скрываться въ пещерахъ во время неблагополучія Давидова. Нѣтъ, говорилъ онъ ему въ восторгѣ, которой былъ дѣйствіемъ истинной дружбы, я не помню больше, что я Королевской сынъ, жертвую для тебя всѣмъ моимъ щастіемъ, и буду довольно благополученъ, занимая второе мѣсто, естьли ты только станешь любить меня. Ты будешь царствовать надъ Израилемъ, а я останусь по тебѣ второй.

Вотъ подлинно, сказалъ Ѳеогенъ, знаки величайшей дружбы, коей примѣры рѣдки; едва въ древности сыщется изъ два или три, а въ нашихъ временахъ, можно утверждать, совсѣмъ ихъ нѣтъ. Вѣкъ, въ коемъ мы живемъ, не есть Орестовъ и Пиладовъ, ниже тѣхъ героевъ въ дружбѣ, которые забывали сами себя совершенно, съ тѣмъ, чтобъ помышлять только о своихъ друзьяхъ. Мы едва можемъ выдерживать дружеское обращенїе нѣсколько дней, даже не достаетъ въ насъ и нѣжности въ отношенїи къ оному; вмѣсто вѣрности и искренности, мы находимъ единственно хитрость, притворство, а часто и вѣроломство.

Вѣроломство между друзьями, подхватилъ Евфимїй, есть самое гнусное и черное дѣянїе; оно есть пятно, котораго не можно смыть, и знакъ природнаго злаго характера. Ежели измѣняютъ друзья, по ничѣмъ почти не льзя утѣшить себя; и я въ семъ случаѣ Агезилаева мнѣнїя, которой говорилъ, что онъ не опорочивалъ вдававшихся въ обманъ со стороны друзей,

но не могъ прощать обманутыхъ непріятелями, ибо на друзей всегда должно полагаться, а непріятелямъ никогда не довѣрять.

Одинъ Италіанской писатель весьма остро сказалъ: я прошу Бога, дабы сохранилъ меня отъ друзей моихъ, а отъ непріятелей самъ себя сохраню.

И такъ должно изгнать изъ обращенія друзей двоесмысленность, обиняки, притворство, излишно великую осторожность, служащую препятствіемъ довѣренности и откровенности.

Должно еще, присовокупилъ Ѳеогенъ, изгнать порокъ противоположенный излишной осторожности, а именно излишнее фамиліарство: ибо оно, какъ извѣстно, всегда раждаетъ презрѣніе и чрезъ то разрушаетъ самые твердые узлы дружбы; напротивъ почтеніе много способствуетъ къ сохраненію того уваженія, безъ котораго не можетъ быть постоянной дружбы. Умѣренное употребленіе слова *ты*, и названій означающихъ связь, или другое что нибудь почтительное непротивно дружбѣ, но не во всякомъ мѣстѣ, и не вся-

кому сорту людей благопристойно и позволительно. Признаюсь тебѣ, что ничто не можетъ быть для меня непріятнѣе, какъ видѣть между полированными людьми такое обращеніе, которое непростительно и поселянамъ. Обращающіеся съ своими друзьями такъ равнодушно и такъ небрежительно, довольно показываютъ, что они ни сколько почти не заботятся о непотеряніи ихъ. Сіе приводитъ мнѣ на память слова, сказанныя весьма кстати нѣкогда Августомъ. Онъ обѣдалъ довольно часто у гражданъ, дабы уловить умы, и пріучить оныхъ нечувствительно къ несенію ига его царствованія. Въ одно время данъ былъ ему столъ очень посредственной и мало приличной достоинству владѣтеля свѣта; онъ за то не негодовалъ, но при выходѣ угощавшему его сказалъ: я не думалъ, чтобъ я жилъ съ тобою такъ пріятельски.

Справедливо, примолвилъ Евфимій, для достиженія того, о чемъ мы говорили, надобно неотмѣнно имѣть много уваженія и вѣжливости къ своимъ друзьямъ; благоразумнымъ людямъ не

пріятно никогда вольное обращеніе, а хотя и бываютъ случаи, въ коихъ небольшое фамиліарство ничего не портитъ, но сіе тогда, ежели надобно попенять другу заблуждающемуся: ибо не должно быть столь жестокосерду, чтобъ оставить его въ заблужденіи; должность вѣрнаго и безкорыстнаго человѣка требуетъ, чтобъ онъ открылъ глаза своему другу, невсегда имѣющему нужныя свѣденія, какъ вести себя.

Это самый скользкій шагъ, прервалъ Ѳеогенъ, трудно очень понравиться людямъ, дѣлая имъ выговоры, рѣдкіе совѣты бываютъ не противны, и вотъ правило совсѣмъ противное твоему. Дабы сохранить свой покой въ жизни, то не должно вмѣшиваться, какъ только въ собственныя дѣла, или уже много въ дѣла искреннихъ друзей, ежели мы надеждны, что они примутъ то хорошо. Не надлежитъ давать никому наставленій, а надобно быть увѣреннымъ, что всякой довольно выразумѣлъ свое дѣло, чтобъ видѣть то, что мы въ немъ видимъ.

Я не совсѣмъ твоего мнѣнія въ разсужденіи сего, сказалъ Евфимій, дружба обязываетъ насъ, чтобъ мы непремѣнно помогали друзьямъ своимъ нашими совѣтами, когда они имѣютъ въ нихъ нужду; но они имѣютъ ее всегда, какъ только сдѣлаютъ какую нибудь важную ошибку.

Но естьли они примутъ наставленія въ худую сторону, то что тогда дѣлать должно?

Надобно, отвѣтствовалъ Евфимій, сдѣлать какой нибудь оборотъ, надобно огорчителной совѣтъ одѣть въ слова исполненныя нѣжности; можно исподоволь скромнымъ образомъ показать имъ опасность, въ которой находятся: а дабы заставить ихъ войти самихъ въ себя, можно изобразить имъ, что они стоятъ на косогорѣ весьма покатомъ; можно представить, что они недовольно осторожны въ своемъ поведеніи, и подаютъ тысячу поводовъ людямъ къ переговорамъ и къ оскорбленію.

Все это выдумано прекрасно, сказалъ Ѳеогенъ, но они всѣхъ тѣхъ, кои преподаютъ имъ столь полезные

совѣты, называютъ сумозбродами, и жалуются, что свѣтъ несправедливъ, и судитъ ихъ весьма строго.

Я уже тебѣ сказалъ, подхватилъ Евфимій, что надобно тутъ много осторожности; надобно, чего бы то ни стоило, быть искреннимъ, иначе не льзя заслужить имя друга, но искренность, о которой говорю, не должна быть безразсудная и нескромная: надлежитъ узнавать свойство людей, и съ нимъ сообразно поступать; надлежитъ умягчать выговоръ словами лестными и пріятными, иначе онъ, вмѣсто хорошаго дѣйствія, ничего не произведетъ, кромѣ ожесточенія.

Должно поступать, прибавилъ онъ, такъ, какъ Нафанъ съ Давидомъ, онъ не иначе говорилъ ему, какъ фигурами, и въ словахъ сокрытыхъ. Нѣкто, сказалъ ему сей пророкъ, имѣлъ все свое богатство въ одной овцѣ, которую онъ вскормливалъ съ великимъ стараніемъ, и она составляла все его утѣшеніе. Богачь щадя свои стада, похитилъ ту овцу, а съ нею и все увеселеніе

сего бѣднаго человѣка. Это гнусное преступленіе, вскричалъ Давидъ, я вамъ клянусь, что дамъ повелѣніе судить его за оное. А! Государь, подхватилъ тотчасъ пророкъ, я теперь сдѣлалъ вашъ портретъ, и вы обвиняете сами себя. Вы, забывъ всѣ Божія благодѣянія, ниспосылаемыя вамъ по вашему желанію, принесли въ жертву вашей страсти невиннаго Урія, и похитили въ глазахъ вашего двора Версавію; но Господь не оставитъ безъ отмщенія таковое сугубое злодѣяніе. Царь слушая пророка, тронутъ былъ живымъ раскаяніемъ, предался соболѣзнованію и пощенію, и сказалъ Нафану: согрѣшихъ предъ Господемъ.

Что касается до меня, сказалъ Өеогенъ, то признаюсь тебѣ, что я не бывъ вдохновенъ, какъ сей пророкъ, не отважился бы огорчать друзей своихъ совѣтами, которые обыкновенно остаются безполезны: это бы была дружба самая жестокая, при томъ никто не любитъ долгое время тѣхъ людей, коихъ любовь походитъ на ненависть.

Ты вѣрно не о томъ думаешь, продолжалъ Евфимій, съ небольшимъ движенiемъ. Какъ, Ѳеогенъ? любимый тобою человѣкъ, говоришь ты, имѣетъ немаловажные пороки, которыхъ можетъ быть онъ въ себѣ не примѣчаетъ: ты ихъ видишь, знаешь, что надъ ними смѣются; однакожъ вмѣсто того, чтобъ поправить его человѣколюбивымъ и искреннимъ увѣщанiемъ, будешь льстить ему?

О! Боже мой! быть столь искреннимъ, сказалъ Ѳеогенъ, уже не въ обыкновенiи въ большомъ свѣтѣ; таковое чистосердечiе нынѣ совсѣмъ въ посмѣянiи, и человѣкъ столь великаго усердiя дѣлается нѣсколько тягостнымъ.

Нѣтъ нужды, отвѣчалъ Евфимій, оставлять въ молчанiи пороки нашихъ друзей не надобно; и я одного мнѣнiя съ мудрымъ политикомъ, которой, когда у него спросили, какое его правило на то, чтобъ хорошо управлять собою, отвѣчалъ, позволять друзьямъ своимъ подавать себѣ совѣты. Алфонсъ, Король Аррагонскiй, былъ тогоже самаго мнѣнiя, когда говорилъ, что Государь не мо-

жетъ льститься имѣть друзей довольно отважныхъ, которые бы стали говорить искренно; и потому считалъ, что для всякаго Государя лучшїе совѣтники книги, они объявляютъ ему свои истинны безъ страха и безъ ласкательства.

Какъ бы то нибыло, продолжалъ Ѳеогенъ, я не легко увѣрюсь, чтобъ свойство критика могло быть прїятно; мало любятъ тѣхъ людей, которые стараются истреблять наши склонности. Мы не только не имѣемъ къ нимъ никакой привязанности, но даже съ трудомъ ихъ терпимъ; а чтобъ имъ понравиться, надобно узнать ихъ нравъ, и съ нимъ сообразоваться изъ угожденїя. Какое же средство быть довольнымъ такими друзьями, которые всегда находятъ поводы къ выговорамъ въ разсужденїи нашего поведенїя? При томъ я считаю, что это есть знакъ посредственной дружбы, ибо не прощаютъ ничего тѣмъ, кого ненавидятъ, а въ искренно любимыхъ особахъ извиняютъ тысячу ошибокъ.

Чтожъ принадлежитъ до меня, сказалъ Евфимій, то по моему мнѣнію это есть самый высочайшій степень дружбы. Я бы очень немного сталъ уважать того друга, которой бы былъ столько слабъ, чтобъ оставилъ меня коснѣть въ дурномъ поведеніи. Хотѣть подлаживаться къ людямъ на счетъ искренности и чистосердечія, для меня кажется низостію; и тотъ не заслуживаетъ имени друга, кто не имѣетъ силы показать намъ нашихъ заблужденій. Мы всегда послѣдніе замѣчаемъ наши безпорядки; проступки наши сдѣлались уже публичными, а мы почитаемъ ихъ весьма сокрытыми. Дурное въ своемъ домѣ обыкновенно мы узнаемъ послѣдніе; намъ неизвѣстны пороки домашнихъ такіе, о которыхъ всѣ сосѣди кричатъ.

Во всемъ этомъ есть нѣкоторой родъ судьбы, ибо тѣже самые люди, кои подаютъ другимъ весьма спасительные совѣты, слѣпы въ относящемся къ нимъ: они льстятъ себѣ, что никто не имѣетъ ничего, чѣмъ бы упрекать ихъ, и усматриваютъ уже свое

злополучїе тогда, когда нѣкоторые ихъ поступки подвергнутъ ихъ потерянїю чести. Тутъ предаются они отчаянїю и мрачнымъ размышленїямъ, заставляющимъ кончить жизнь въ соболѣзнованїи, но уже нѣтъ больше спасенїя. Теперь я спрошу у тебя, что приличнѣе, подлаживаться ли къ нимъ, льстя въ ихъ заблужденїи, или избавить ихъ отъ толикихъ печалей посредствомъ искреннихъ и человѣколюбивыхъ совѣтовъ.

Нѣтъ способа устоять противъ тебя, сказалъ Ѳеогенъ усмѣхаясь, всѣ твои доводы чрезвычайно справедливы; и я теперь увѣренъ, что долгъ честнаго человѣка есть, на истинный путь наставлять своихъ друзей, когда увидитъ, что они заблуждаются. Для окончанїя портрета хорошаго друга, продолжалъ онъ, мнѣ кажется, остается только придать ему добродѣтельное и благородное сердце, которое бы побуждало его жертвовать всѣмъ, дабы оказать друзьямъ своимъ услугу, гдѣ только нужна будетъ его помощь.

Конечно, отвѣчалъ Евфимій, безъ этого мы ни къ чему не годимся, и другъ, неимѣющій мужества напрягать силы въ пользу своихъ друзей, не иначе долженъ почитаться, какъ постороннею особою. Надобно нѣсколько имѣть свойства того Императора, которой ежедневно приносилъ благодареніе богамъ за порученіе ему Имперіи, по причинѣ той, что онъ могъ быть полезенъ своимъ друзьямъ; онъ все свое удовольствіе поставлялъ въ томъ, чтобъ обязывать друзей, и былъ чрезмѣрно печаленъ, ежели проходилъ день такъ, что не сыскивалъ случая оказать имъ знаки своихъ милостей. Какой бы щастливой успѣхъ ни имѣлъ во всемъ прочемъ, онъ считалъ то за ничто, ежели щедрая его рука не излила благодѣяній. Друзья мои! мы потеряли день.

Естьли бы всѣ друзья, сказалъ Ѳеогенъ, имѣли такія благотворительныя сердца, то не было бы имъ нужды въ долговременномъ ученіи, какъ нравиться своимъ друзьямъ, они слѣдовали бы только врожденной склонности: душа добродѣтельная имѣетъ такія

прелести, противъ которыхъ трудно устоять; но надобно отъ природы быть щедролюбиву и великодушну, чтобъ выдержать долгое время сей характеръ. Кто же благотворителенъ притворно, или естьли можно сказать такъ, принужденно, тотъ неуйдетъ далеко, и нечувствительно возвратится къ своему настоящему свойству. Вотъ для чего толь часто измѣняютъ своимъ друзьямъ, когда имъ величайшая нужда въ помощи.

Для сего также, присовокупилъ Евфимій, теснѣйшія дружбы продолжаются столь мало, ибо нѣтъ ничего чувствительнѣе, какъ видѣть себя оставлена отъ друзей; это такая вещь, которая никогда чистосердечно прощена быть не можетъ; какой бы видъ показыванъ ни былъ, всегда остается въ сердцѣ сокрытая горкость; за нею послѣдуютъ укоризны, по томъ холодность, а наконецъ и явный разрывъ.

Не должно однакожъ дѣлать изъ дружбы такого обращенія, коего бы основаніемъ была единственно корысть. Весьма подло будетъ, естьли станемъ

уважать людей только для того, что они могутъ дѣлать намъ услуги, а еще подлѣе, ежели станемъ пренебрегать ими совершенно; для того только, что они намъ безполезны, и что наше щастїе привело насъ въ такое состоянїе, гдѣ ненужна намъ ихъ помощь, или что нещастїе ихъ въ дѣлахъ, поставило ихъ въ необходимость просить у насъ пособїя.

Тутъ-то мы, сказалъ Ѳеогенъ, узнаемъ подлинно, какую надежду надобно полагать на своихъ друзей, въ сїе-то время обнаруживается хорошїй другъ, каковъ онъ есть. Корыстолюбивый другъ употребляетъ во зло нещастїе своихъ друзей, съ тѣмъ, чтобъ изъ онаго получить себѣ выгоды. Хотя онъ и показываетъ наружно, будто помогаетъ друзьямъ, но съ нѣкоторымъ варварствомъ, убивающимъ ихъ подъ видомъ вспоможенїя, и ввергающимъ въ погибель, подъ тѣнїю простиранїя руки для извлеченїя ихъ изъ пропасти. Это политика нѣкоторыхъ людей, продающихъ свои благодѣянїя весьма дорого, и подающихъ неправед-

ныя условія, которыя другіе по худому состоянію дѣлъ принуждены бываютъ принимать, какое бы противоборствованіе въ томъ ни имѣли.

Этого недовольно, подхватилъ тутъ Евфимій, чтобъ только одолжать своихъ друзей, и услуживать имъ всѣми силами въ случаяхъ, гдѣ нужно для нихъ наше пособіе; надобно еще одолжать съ удовольствіемъ, и услаждать дѣлаемое добро честнымъ образомъ дѣланія. Всякой человѣкъ натурально имѣетъ сокрытую гордость, дѣлающую ему затрудненіе въ томъ, чтобь рѣшиться просить; и для души благородной великимъ наказаніемъ есть, видѣть себя принужденною испрашивать пособія у другаго. И такъ надобно утолять, сколько возможно, маленькую досаду, и беречься, дабы не увеличить ее противными поступками; не должно показывать огорченнаго лица, а паче сожалѣнія, что дѣлаемъ одолженіе. Въ соглашеніи на прозьбу, такъ какъ и въ отказываніи, есть искуство; тысячи человѣкъ давая то, чего у нихъ просятъ, не только не обязываютъ, но еще за-

ставляютъ чувствовать противъ себя негодованіе, потому что дѣлаютъ оное съ видомъ неудовольствія; другіе же отказывая не оскорбляютъ, они умягчаютъ свои отказы нѣкоторыми услажденіями и такою искренностію, что не льзя быть недовольну, хотя они и не соглашаются на прозьбы.

Позволительно ли въ какомъ нибудь случаѣ, прервалъ Ѳеогенъ, отказывать своимъ друзьямъ, когда они о чемъ просятъ?

Надобно, отвѣчалъ Евфимій, чтобъ правила благопристойности опредѣляли границы нашей дружбѣ; ибо въ семъ, такъ какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, надлежитъ избѣгать ложной благопристойности. Долгъ честнаго человѣка есть вступаться за своихъ друзей, стараться о ихъ выгодахъ и благосостояніи, и дѣлать для нихъ все, чего не запрещаютъ честность, справедливость и совѣсть. Нѣтъ надобности отказывать въ услугѣ другу, когда можно сдѣлать оную честнымъ образомъ; но не должно имѣть къ нему слѣпой приверженности, выступающей изъ мѣры. Это такая погрѣшность молодыхъ людей,

отъ которой стыдливость въ состоянїи бы ихъ удержать; они преступаютъ правила своей должности таковымъ слишкомъ великимъ угожденїемъ, и доходятъ наконецъ до той точки, гдѣ кажется уже не въ ихъ волѣ отказать даже въ вещахъ заставляющихъ краснѣть; но они думаютъ, что тѣмъ отъ часу болѣе обязываютъ своихъ друзей пещись взаимно о ихъ пользѣ.

Какъ мыслишь ты, сказалъ Ѳеогенъ, о тѣхъ людяхъ, которые безпрестанно твердятъ о самыхъ малѣйшихъ своихъ услугахъ, друзьямъ оказанныхъ? Помните ли вы, говорятъ они имъ, что я то и то сдѣлалъ для васъ въ такомъ-то случаѣ, что я выпуталъ васъ изъ самаго опаснаго дѣла; но это мнѣ стоило великихъ старанїй.

Они теряютъ всю цѣну своихъ благодѣянїй, отвѣчалъ Евфимїй, и облагодѣтельствованные не должны имъ ни чѣмъ послѣ такого упреку. Не надобно никогда говорить о томъ, что сдѣлано для друзей; дѣлающїй одолженїе другому долженствуетъ забыть оное тотчасъ, а прїемлющїй сохранять вѣчно въ памяти.

чтобы ты сдѣлалъ, прервалъ Θеогенъ, естьлибы ты оказалъ благодѣянїе неблагодарному?

Я бы тотчасъ принялъ свои мѣры, отвѣчалъ Евфимїй, почелъ бы удовольствїемъ для себя то, что сдѣлалъ доброе дѣло.

Ты великой Стоикъ, подхватилъ Θеогенъ усмѣхаясь; но какой бы ты философъ ни былъ, я думаю, приключенїе, бывшее нѣсколько тому лѣтъ назадъ со мною, привело бы тебя въ немалое замѣшательство.

Я далъ одному человѣку заимообразно весьма знатную сумму денегъ на его честность; и какъ мы были издавна великїе друзья, то я ввѣрилъ ему тайну весьма немаловажную. Онъ неблагодарной мнѣ измѣнилъ, денегъ, которыми я его ссудилъ, заставилъ меня лишиться, а въ тайнѣ моей сдѣлалъ довѣренность одной изъ своихъ прїятельницъ, которая разсказала оную всѣмъ.

Поступокъ этотъ гнусенъ, прервалъ Евфимїй, и я знаю, что твои

друзья сдѣлали, чтобъ отмстить сему безчестному человѣку. Они надѣлали много шуму, чѣмъ я былъ очень не доволенъ, отвѣчалъ Ѳеогенъ; я извинялъ его нескромность, по причинѣ его слабости къ той женщинѣ, а деньги заплатить мнѣ, можетъ быть, привела его въ несостоянїе разстройка его дѣлъ.

Не льзя имѣть чувствованїй благороднѣе сихъ, сказалъ Евфимїй, они тебя достойны, любезный Ѳеогенъ; и ты ежеминутно дѣлаешь такїе поступки, которые могутъ только происходить отъ великой души и отъ лучшаго въ свѣтѣ сердца. Но обратимся къ тому, о чемъ мы говорили, я думаю, что тотъ, кто дѣлаетъ людямъ услуги, долженъ рѣшиться получать часто въ заплату неблагодарность. Благодѣянїя налагаютъ родъ ига, отъ котораго неблагодарные рады освободиться; и одинъ нашъ стихотворецъ весьма кстати о семъ сказалъ:

S' il falloit condamner
Tous les ingrats qui sont au monde,
A qui pourroit-on pardonner.

Ежели бы обвинять должно было всѣхъ неблагодарныхъ, которые въ свѣтѣ находятся, то кому можно бы было прощать.

Подлинно не должно много полагаться на признательность людей, присовокупилъ Ѳеогенъ, а надобно поступать такъ, чтобъ всегда быть нужнымъ. Политики говорятъ, что лучше имѣть дѣло съ людьми зависящими, нежели съ признательными, потому что благодарность можетъ забыть, а надѣянїе никогда. Какъ бы то ни было, но неблагодарность есть великое пятно и знакъ подлой души, или худаго воспитанїя. Александръ Великїй, которой имѣлъ всѣ склонности очень благородныя, говаривалъ часто, что онъ бы желалъ быть владѣтелемъ всего свѣта, дабы возблагодарить тѣмъ, которые ему служили. И потому онъ сдѣлалъ шутку надъ философомъ Ксенократомъ, онъ приказалъ дать ему пятдесятъ талантовъ; сей философъ не хотѣлъ ихъ принять, говоря, что тѣ деньги для него безполезны. А! что, сказалъ Александръ, развѣ у тебя нѣтъ никакого

друга, которому бы ты ихъ отдалъ, или человѣка, котораго ты взаимно могъ бы обязать за оказанныя тебѣ услуги? Для меня злата, сколько его есть на земли, не довольно къ вознагражденiю моихъ друзей; а сей человѣкъ совсѣмъ своимъ остроумiемъ, не знаетъ, куда употребить пятдесятъ талантовъ.

Самые великiе философы, сказалъ Евфимiй, не всегда бываютъ самые разсудительные въ свѣтѣ люди; я читалъ въ исторiи совершенно подобной поступокъ философа Анакреона. Принцъ приказалъ дать ему весьма знатную сумму денегъ; но сей философъ вскорѣ послѣ отдалъ оную ему обратно, потому что онъ не могъ больше спать, и видъ денегъ обезпокоивалъ его столько, что онъ не могъ болѣе думать о другихъ вещахъ. Я мыслю, присовокупилъ Өеогенъ, что таковая секта совершенно уничтожилась, и нынѣшнiе философы не столько сомнительны. Оставимъ ихъ въ покоѣ, сказалъ Евфимiй, и обратимся къ тому, о чемъ мы говорили.

Не думаешь ли ты, что позволительно прервать все знакомство съ неблагодарнымъ? Это послѣднее средство, отвѣчалъ Ѳеогенъ, къ которому должно прибѣгать, а прежде, не доходя еще до него, надобно испытать всѣ способы, чтобъ привесть друга къ его должности, и ежели они будутъ безуспѣшны, то можно его оставить при его злонравіи. Вотъ какъ о семъ думаетъ тотъ, о комъ я съ тобою говорилъ многократно. Разрывъ, каковый иногда случается между нашими друзьями, или между другими людьми, знакомыми намъ, которыхъ мы хотѣли бы поберечь, есть нещастіе и безпокойство, а ласкательство слабость.

Ты привелъ мнѣ на память, прервалъ Евфимій, то, что сдѣлалъ нѣкоторой бойкій человѣкъ. Онъ пріѣхалъ къ одному изъ своихъ друзей, поздравить его съ недавно полученнымъ достоинствомъ. Сей, гордясь чрезвычайно своимъ возвышеніемъ, спросилъ, кто онъ таковъ; тотъ, не показавъ удивленія, взялъ свои мѣры, перемѣнилъ тонъ, и сказалъ, что онъ пріѣхалъ

изъявить сожалѣнїе о приключившемся ему нещастїи, что для него очень больно видѣть его глухимъ и слѣпымъ, такъ какъ онъ не узнавалъ болѣе лучшихъ своихъ друзей, и можетъ быть съ великимъ трудомъ узнавалъ самого себя.

Мнѣ кажется, сказалъ Ѳеогенъ, онъ имѣлъ причину поступить такимъ образомъ. Надобно однакожъ, не доходя до явнаго разрыву брать мѣры, чтобъ выдержать характеръ честнаго человѣка. Должно давать время на обостороннее изъясненїе, и считать, что потеря друга не можетъ почти ничѣмъ вознаградиться. Часто дѣлаютъ разрывъ по однимъ весьма легкомысленнымъ видамъ, и не зная точно, для чего хотятъ разрыву; нѣсколько холодный взглядъ, слово, котораго смыслъ худо понятъ, лице слишкомъ скрытное, отказъ въ довѣренности, которой не льзя сдѣлать не измѣня третьему, все сїе, такъ какъ роковый ножъ, пресѣкаетъ нить долговременной дружбы, и таковыхъ ссоръ не было бы, ежели бы разбирали оное надлежащимъ образомъ. Надобно

иногда поступать въ сихъ случаяхъ такъ, какъ поступили два кавалера, которые когда были готовы драться по причинѣ своихъ гербовъ, то одинъ изъ нихъ, нелюбившій кровопролитія, спросилъ своего сопротивника, какое у него будетъ оружіе, бычачья голова, отвѣчалъ другой; и такъ, подхватилъ первой, наша ссора кончена, ибо мое будетъ коровья голова.

Вотъ прекрасная уловка выдраться изъ хлопотъ, сказалъ Евфимій, смѣючись; я считаю, что онъ весьма разумно поступилъ; правда, пахнетъ оное нѣсколько хвастовствомъ, но нашелъ онъ за лучшее раздѣлаться такимъ образомъ, нежели драться. Подлинно, говорилъ Феогенъ, не всегда должно доходить до крайности; надобно искусно притворяться, когда непрямо обижаютъ насъ: ибо трудно скрыть неудовольствіе тогда, когда дѣлаютъ намъ оскорбленіе по выбору и хладнокровно, также когда пренебрегаютъ нами въ такихъ случаяхъ, въ коихъ не хотѣли бы мы быть забыты; или когда говорятъ объ насъ то, что повреждаетъ наше доброе имя,

когда осмѣиваютъ насъ относительно къ недостаткамъ тѣла и ума, и относительно къ происхожденію; или когда слишкомъ упорно опровергаютъ наши чувствованія, или измѣняютъ намъ, и явно противъ насъ вооружаются тѣ люди, которыхъ мы почитали на своей сторонѣ. Размышленіе обо всемъ ономъ причиняетъ намъ досаду, что мы видимъ себя презрѣнными, обманутыми и оставленными; и ежели кто не имѣетъ самъ надъ собою полной власти, то нѣтъ ничего, чтобы онъ не въ состояніи сдѣлать для отмщенія.

Безъ сомнѣнія, прервалъ Евфимій, надобно быть рождену нечувствительнымъ, чтобъ сохранять въ такихъ случаяхъ хладнокровіе; но сіе было бы славною побѣдою, естьли бы могли мы получать оную надъ собою, потушая всѣ чувствованія досады, происходящей отъ сдѣланнаго намъ оскорбленія. Я читалъ жизнь Платона, и помню прекрасный примѣръ таковой воздержности. Одинъ изъ его учениковъ ругалъ его предъ цѣлымъ свѣтомъ, и

Платонъ при всемъ своемъ благоразумїи раздраженъ былъ тѣмъ публичнымъ поношенїемъ. Я бы наказалъ тебя жестоко, сказалъ онъ своему ученику, естьли бы былъ спокоенъ; но боюсь, чтобъ наказывая тебя, не сдѣлать чего нибудь непристойнаго, по причинѣ досады, въ которой нахожусь.

Все это достойно Платона, сказалъ Ѳеогенъ, и нельзя менѣе ожидать отъ человѣка совершенно божественнаго. Чтобъ принаровить сей примѣръ къ нашему разговору, то не надобно никогда жестоко поступать съ своими друзьями, когда они огорчаютъ насъ чѣмъ нибудь. Должно укрѣпиться духомъ противъ непрїятныхъ произшествїй, могущихъ съ нами повстрѣчаться, противъ насмѣшекъ, укоризнъ, противъ презрѣнїя и вѣроломства; должно прїучить себя забывать охотно обиды по великодушїю, свойственному честному человѣку, которой ведетъ себя иначе, нежели чернь; должно еще приводить себѣ на мысль, что тѣ, кои насъ оскорбляютъ, часто дѣлаютъ сїе, не

думая о томъ, и неимѣя злости: и такъ надобно прощать ихъ тѣмъ охотнѣе, что не было ихъ намѣренія.

Въ таковомъ случаѣ весьма благосклонно поступилъ Пизистратъ, тиранъ Аѳинскій. Онъ имѣлъ дочь красавицу, которую любилъ смертельно одинъ молодой дворянинъ. Сей повстрѣчался съ ней нѣкогда, какъ она шла во храмъ, и поцѣловалъ ее публично въ щеку. Жена тиранна, взбѣсившаяся отъ таковой вольности, которую она почитала за безчестіе сдѣланное ея дочерѣ, хотѣла наказать за то смертію, но Пизистратъ только разсмѣялся, и сказалъ: Ахъ! сударыня, ежели мы станемъ умерщвлять тѣхъ, которые насъ любятъ, то какъ будемъ поступать съ тѣми, кои насъ ненавидятъ.

Сей поступокъ весьма согласенъ съ здравымъ разумомъ, говорилъ Евфимій, но я бы желалъ знать точно, какъ должно поступать съ тѣми людьми, коихъ мы любили, когда дурныя ихъ дѣянія въ отношеніи къ намъ заставили насъ дойти до явнаго разрыву, въ какихъ границахъ должно себя держать.

Я прошу тебя, Феогенъ, сказать мнѣ, какъ о семъ думаешь; хотя ты не учитель въ этомъ, но я буду держаться твоего рѣшенія. Моя мысль тебѣ изъяснена, сказалъ Феогенъ: естьли бы довольно въ насъ было твердости ума, такъ, что бы мы могли ставить себя выше таковыхъ нещастій, то имѣли бы мы самый ближайшій путь къ спокойствію. Постыдно переходить вдругъ изъ одной крайности въ другую, и ненавидѣть того, кого мы любили, для того только, что онъ сдѣлалъ намъ нѣкоторое оскорбленіе; а поносить вездѣ его, вооружать всѣхъ противъ его поведенія, и навлекать ему непріятелей, или искать, кто бы помогъ намъ въ отмщеніи, еще непозволительнѣе. Я перескажу тебѣ прекрасный отвѣтъ, какой далъ нѣкогда одинъ изъ славныхъ Греческихъ полководцевъ. Онъ тысящекратно жертвовалъ собою для спасенія своего отечества, и послѣ однакожъ толикихъ знаменитыхъ услугъ осужденъ на смерть, по величайшей въ свѣтѣ несправедливости; ибо все его преступленіе состояло въ томъ, что имѣлъ слишкомъ

много достоинствъ. Тотъ, кто принесъ ему ядъ, спросилъ у него, не имѣетъ ли онъ чего приказать своему сыну, шествовавшему уже по стопамъ своего отца, и могущему когда нибудь отмстить за него. Я прошу его, отвѣчалъ оный герой, забыть обиду, дѣлаемую мнѣ отъ Аѳинянъ, и простить имъ мою смерть; также чтобъ онъ былъ вѣренъ республикѣ, и делалъ бы для нее всякія услуги, какія только въ состояніи будетъ.

Всѣ сіи чувствованія велики, сказалъ Евфимій, но весьма трудно сохранять ихъ долгое время, когда кто чрезвычайно раздраженъ; и Дарій былъ совсѣмъ розныхъ мыслей съ твоимъ Аѳинскимъ полководцемъ, ибо онъ далъ приказаніе Пажу своему кричать по временамъ: Помните ли, Государь, что Аѳинская республика васъ огорчила; столь онъ боялся, чтобъ не забыть свою обиду, или чтобъ не оставить принятаго имъ намѣренія, отмстить за оную когда нибудь.

Какъ бы то нибыло, отвѣчалъ Ѳеогенъ, для меня бы немалаго труда

стоило, рѣшиться дѣлать зло другу, съ которымъ я прервалъ все знакомство, хотя бы онъ худо соотвѣтствовалъ мнѣ въ томъ послѣ разрыву. Ибо мщенїе я почитаю слабостью, означающею пораженїе на нашей сторонѣ, а на сторонѣ непрїятеля побѣду; вмѣсто сего есть другой благородной образъ мщенїя, а имянно показывать, будто не видимъ дѣлаемыхъ намъ оскорбленїй, или что твердость наша поставляетъ насъ выше оныхъ.

Я бы хотѣлъ, прервалъ Евфимїй, чтобъ молодые люди узнали все изящество сего правила; они не столько стали бы дѣлать всякой день сумозбродствъ, чрезъ кои думаютъ они сдѣлаться страшными, и заслужить наименованїе мужественныхъ. Они очень далеки отъ того, присовокупилъ Ѳеодоръ, и все то, что они дѣлаютъ, показываетъ больше слабость, нежели истинное мужество. Я скажу тебѣ въ разсужденїи этого прекрасную мысль Сенекину. Мщенїе, говоритъ сей философъ, есть знакъ продолжающейся досады, а господствовать надъ собою до-

пускаютъ эту страсть одни только слабоумные. Даже видно, я не знаю, что-то смѣшное и дѣтское въ обыкновенномъ образѣ мщенія; человѣкъ сдѣлалъ намъ огорченіе, сказываемъ мы, и для того не станемъ съ нимъ больше говорить; ругаемъ его повсюду, не смотря, что недѣля тому назадъ, какъ мы приписывали ему величайшія похвалы; и человѣкъ тотъ, естьли намъ повѣрятъ, не имѣетъ больше ни ума ни достоинствъ, всѣ его добродѣтели исчезли. Таковой оборотъ мнѣ кажется смѣшнымъ. Мы удовольствіемъ себѣ считали одолжать его, съ охотою употребляли къ его услугамъ нашу довѣренность, наши старанія и нашихъ друзей, а теперь мыслимъ только о томъ, чтобъ очернить его; все это не означаетъ ни сколько великодушія, такъ какъ и питаемое отвращеніе ко всему тому, что принадлежитъ той особѣ, которую больше не любимъ, отвращеніе, по коему ненавистны для насъ стали и люди ея и дѣти и друзья, съ того времени, какъ сдѣлана намъ обида.

Но ежели мы не возмемъ предосторожности, продолжалъ Ѳеогенъ, то сія матерія заведетъ насъ слишкомъ далеко; солнце уже закатилось, и намъ пора кончить свою прогулку. Ибо я долженъ кое-что приказать людямъ, работающимъ на валу, которой я велѣлъ дѣлать на берегу канала; мнѣ чрезвычайно хочется привести къ концу эту работу въ короткое время, кое пробуду еще здѣсь. Лишь только выговорилъ онъ сіи слова, то пришли сказать, что двое его знакомцевъ пріѣхали посѣтить его, и онъ съ Евфиміемъ тотчасъ пошелъ домой для принятія ихъ.

Конецъ перваго разговору.

ИСТИННОЕ ДОСТОИНСТВО.

Разговоръ второй.

Евфимій и Өеогенъ проводя гостей, пріѣзжавшихъ посѣтить ихъ, пошли прохаживаться въ рощу, пресѣченную многими прекрасными аллеями, которыя дѣлали гулянье способнымъ и пріятнымъ. Признаюсь тебѣ, любезный мой Өеогенъ, сказалъ Евфимій, что я плѣненъ твоими двумя друзьями, я поднесь ничего не видалъ столь любезнаго. Скажи мнѣ чистосердечно, говорилъ Өеогенъ, которой изъ нихъ болѣе плѣняетъ тебя, и къ которому болѣе стремится твоя склонность? Я еще въ этомъ не рѣшился, отвѣчалъ Евфимій, но чувствую, что ежели буду совѣтоваться съ моимъ сердцемъ, то оно прилепится къ младшему. Это по тому, что его лѣта соразмѣрнѣе съ твоими, сказалъ Өеогенъ, а мы обыкновенно любимъ тѣхъ, кто имѣетъ сходство съ нами. Я не думаю, отвѣчалъ Евфимій, чтобъ это возбуждало во мнѣ склонность, которую къ нему

чувствую; для меня трудно изъяснить тебѣ что точно, но находится въ немъ, я не знаю, нѣчто такое, которому не могу противиться.

Я совсѣмъ другаго мнѣнія въ разсужденіи сего, прервалъ Ѳеогенъ, и хотя наши чувствованія довольно сходны во всемъ прочемъ, но я вижу, что мой выборъ преклоняетъ меня къ сторонѣ того, котораго ты не наименовалъ. Онъ слишкомъ важенъ, подхватилъ Евфимій, такой характеръ мало способенъ къ свѣтскому обращенію, и не многимъ людямъ нравится. Въ этомъ я не спорю, сказалъ Ѳеогенъ, но признайся также и ты, что его важность не имѣетъ угрюмости, и сколько онъ сначала ни показывается хладнокровнымъ, но найдешь въ немъ много живости, ежели будешь съ нимъ знакомъ нѣкоторое время.

Говори о немъ, что тебѣ угодно, подхватилъ Евфимій, но веселый нравъ другаго имѣетъ нѣчто гораздо утѣшнѣе; онъ не скажетъ ничего, чтобы не было хорошо выдумано, и исполнено пріятности. Замѣтилъ ли ты, съ какою

тонкостїю онъ критиковалъ стихи, которые мы читали ему? Наконецъ однимъ словомъ скажу, какъ я думаю о твоихъ друзьяхъ: они оба такого характеру, какого мы ищемъ; оба имѣютъ все нужное къ тому, дабы быть прїятными въ обращенїи большаго свѣта, и знаютъ совершенно искуство нравиться.

Ты уже почти не можешь болѣе хвалить ихъ, любезный Евфимїй, и я думаю, что не льзя сдѣлать выгоднѣе замѣчанїе о человѣкѣ, какъ, видя его нѣсколько времени, сказать, не входя въ подробность, что онъ честной человѣкъ, и имѣетъ истинное достоинство.

Давно, прервалъ Евфимїй, питаю я сильное желанїе знать, что такое есть истинное достоинство.

Легко можно въ немъ обманываться, отвѣчалъ Ѳеогенъ; большею частїю несправедливо объ немъ судятъ, и смѣшиваютъ истинное достоинство съ ложнымъ. Ибо недовольно быть знатнаго происхожденїя, поддерживаемаго блескомъ, какой даютъ богатства и должности, ниже имѣть прекрасную на-

ружность; недовольно также, при всемъ этомъ имѣть много ума, ежели онъ не будетъ обращаемъ такъ, какъ я себѣ воображаю.

Я не понимаю тебя, прервалъ Евфимїй: какъ знатной человѣкъ, имѣющїй прїятный видъ, довольно ума, не есть человѣкъ съ достоинствами? Я не говорю этого, отвѣчалъ Ѳеогенъ; особа, имѣющая все сказанное тобою, конечно съ достоинствами, но потребно еще нѣчто для усовершенствованїя оныхъ. Ахъ! сдѣлай милость, любезный Ѳеогенъ, скажи мнѣ все, что знаешь о семъ предметѣ; опиши мнѣ достойнаго человѣка сходно съ тою мыслїю, какую ты себѣ о немъ составилъ.

Это для меня будетъ нетрудно, отвѣчалъ Ѳеогенъ; я размышлялъ о сей матерїи долгое время, и узналъ ее основательно. Не стану говорить тебѣ о тѣхъ, кои ведутъ жизнь уединенную и удаленную отъ шума и коварствъ свѣта.

Такъ какъ мы ищемъ научиться тому, что можетъ нравиться въ жизни гражданской, то должно брать въ при-

мѣры людей въ половину отрекшихся отъ оной, и находящихся въ свѣтѣ, такъ какъ будто бы ихъ не было въ немъ; также и тѣхъ, которыхъ жизнь столь неизвѣстна, что не можетъ служить правиломъ для честнаго человѣка.

Мои слова будутъ относиться къ человѣку, которой добродѣтелями, породою и должностями отличился, и котораго званїе обязываетъ жить между знатными.

Это прекрасная школа для образованїя себя, когда кто имѣетъ къ тому природное расположенїе: ибо истинное достоинство состоитъ въ хорошемъ основанїи и въ щастливомъ естественномъ свойствѣ, обработанномъ и выполированномъ чрезъ обращенїе въ свѣтѣ. Сего не довольно, чтобъ быть способну нравиться людямъ благоразумнымъ, надобно присовокупить къ тому честныя поступки, которыя заставляютъ почитать и нѣкоторую угодливость, принаравливающуюся къ различнымъ нравамъ людей, съ коими мы обязаны жить. Честность, о которой говорю, не

должна быть ни поддѣланная ни притворная, таковая не будетъ существовать долгое время: тѣ, которые честны противъ своей склонности, не могутъ быть таковы во всѣхъ случаяхъ и со всѣми людьми.

Обращенїе и дѣлаемыя усилїя къ преодолѣнїю себя, могутъ исправить самой дурной нравъ, и впечатлѣть учтивство, составляющее всю прїятность истиннаго достоинства относительно къ наружнымъ качествамъ; но надобно стараться, сдѣлать себѣ основанїе изъ ненарушимаго праводушїя, которое бы удалялось отъ самой малѣйшей подлости. Вотъ для чего нужно имѣть во всѣхъ своихъ дѣлахъ справедливость, которая бы никогда не уклонялась отъ пути истинны; по тому что добродѣтель есть, какъ душа или пружина истиннаго достоинства. Не должно однакожъ, чтобъ добродѣтель была не обычайная и отвратительная, ежели мы хотимъ нравиться; но чтобъ была она сопровождаема прїятностїю и вѣжливостїю, и происходила отъ

благороднаго сердца, любящаго должность, и старающагося единственно о томъ, дабы дѣлать всѣмъ удовольствїе. Первое попеченїе честнаго человѣка остерегаться, чтобъ никогда никого не оскорблять; для сего долженствуетъ онъ стараться, быть господиномъ самому себѣ, своимъ словамъ, и своимъ страстямъ, а паче всего воздерживаться отъ подлой зависти, которая не можетъ терпѣть достоинства другихъ.

Ради совершеннаго описанїя истиннаго достоинства, должно прибавить скромность, чтобъ не говорить намъ ничего о себѣ, ни о хорошихъ качествахъ, которыя находимъ въ себѣ; не льстить себѣ, и не давать увѣриться въ оныхъ, не дѣлать ничего, что бы означало, что мы себя знаемъ, и довольны своимъ достоинствомъ. Когда публика не отдаетъ намъ справедливости, то не надобно огорчаться, ни винить людей въ томъ; а должно прїучать себя къ великодушїю, которое бы поставляло насъ выше переговоровъ людскихъ.

Я думаю, что истинное достоинство, о которомЪ ты говоришь, сказалЪ Евфимїй, улыбаясь, имѣетЪ нѣкоторое сходство сЪ Платоновыми мыслями. Ты требуешь для него много, и трудно найти вЪ одномЪ и томже человѣкѣ всѣ тѣ качества, которыя ты теперь означилЪ. ТотЪ, кто имѣетЪ отЪ природы хорошїй нравЪ, не старается очистить его обращенїемЪ сЪ людьми, безЪ чего поступки его не могутЪ быть вѣжливы и прїятны. Совершеннаго праводушїя и справедливости, которыхЪ ты требуешь, не достаетЪ во многихЪ; не находимЪ мы никого, ктобЪ не забывался никогда, и не дѣлалЪ низостей. Самые величайшїе умы иногда бываютЪ неспособны кЪ обращенїю, они слишкомЪ тщеславны и горды; и для насЪ часто труднѣе всего вЪ свѣтѣ ихЪ сносить.

Я не отвергаю, отвѣчалЪ ѲеогенЪ, что истинное достоинство рѣдко, большая часть людей его не знаетЪ, или не старается о сниканїи его, а иные дѣлаютЪ изЪ него худое употребленїе; ибо ежели ты замѣтишь, то чтобЪ

нравиться, недовольно имѣть достоинство, а надобно еще умѣть его хранить; и такъ, какъ я тебѣ сказалъ теперь, не надобно тщеславиться своимъ достоинствомъ, а надлежитъ стараться всячески, отдавать справедливость достоинствамъ другихъ.

Человѣкъ, желающїй нравиться обязанъ знать различныя вѣжливости, какїя онъ долженъ дѣлать всякаго сорту людямъ, по различнымъ ихъ характерамъ; ибо обходиться со всѣми одинаково, и имѣть такую же почтительность къ бездѣльнику, какую къ честному человѣку, будетъ противъ благопристойности.

Не должно однакожъ раздражать людей, какъ бы они дурны ни были, ни слишкомъ униженно съ ними обходиться; а надобно держать нѣкоторую средину между подлымъ снисхожденїемъ и презирающею гордостїю. Человѣкъ, будучи отъ природы честенъ, безъ труда прїобрѣтетъ почтенїе отъ всѣхъ; но большая часть людей честны единственно чрезъ хитрость, вся ихъ честность только притворная, а для сего

самаго она оставляетъ ихъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ они имѣютъ въ ней величайшую нужду.

Сїе особливо оказывается, когда говорятъ имъ что нибудь оскорбительное; они безпрестанно разгорячаются, не сносятъ ничего равнодушно, и обнаруживаютъ все притворство ложной своей честности. Не надобно дѣлать великихъ усилїй, прервалъ Евфимїй, чтобъ быть честнымъ у людей кроткаго нрава, которые соглашаются на всякое наше своенравїе, и уступаютъ намъ во всемъ; но должно много имѣть искуства обходиться съ людьми своеобычными, которые слѣдуютъ только стремленїю гордаго и необузданнаго нрава.

Ты судишь очень хорошо, сказалъ Ѳеогенъ, это знакъ природной способности и отмѣннаго достоинства, когда кто безпрестанно господствуетъ надъ самимъ собою, надъ своими страстьми, и полагаетъ надлежащїе предѣлы различнымъ движенїямъ, какїя въ насъ случаются; для сего необходимо нужно великодушїе, твердость и свѣдѣнїя выше

общенародныхъ, дабы всегда принимать хорошія мѣры.

Сіе не означаетъ неспособности къ принятію различныхъ образовъ и видовъ, по различнымъ свойствамъ людей, съ которыми мы обязаны жить, дабы удовлетворить всѣмъ, не преступая правила своей должности, и не ослабѣвая ни мало въ точномъ праводушіи. Люди ограниченнаго достоинства, не умѣющіе приводить умы къ своей цѣли, часто бываютъ принуждены употреблять обороты, подлаживаться и прибѣгать къ хитрости; но рано или поздно откроется ихъ душа, не будутъ больше имъ вѣрить, и станутъ презирать ихъ.

Это правда, сказалъ Евфимій, что не уважаютъ ни сколько людей, въ которыхъ нѣтъ праводушія, и кои не имѣютъ совѣсти даже въ малѣйшихъ вещахъ. Сверхъ сего они не должны надѣяться, что будутъ притворяться долгое время; выдутъ отъ нихъ какіе нибудь поступки, которые ихъ откроютъ. Несправедливость ихъ хитро скрытую напослѣдокъ узнаютъ; дѣло,

гдѣ они кривляли, обнаружитъ ихъ свойство. Это почти также какъ скупые, которые иногда захотятъ выдать себя щедрыми, дабы смыть пятно скупости; въ томъ самомъ, что они дѣлаютъ ради своего оправданія, оказываются всегда нѣкоторые замашки ихъ характера, подтверждающіе нашу объ нихъ мысль. Мы живемъ въ вѣкѣ столь просвѣщенномъ и столь коварномъ, отвѣчалъ Θеогенъ, что не льзя допустить себя такъ грубо обмануть. Однакожъ многіе, надѣясь обманывать, не стараются о пріобрѣтеніи истиннаго достоинства, а помышляютъ только о томъ, чтобъ ослѣплять. Они любятъ добродѣтель только для того, что она доставляетъ доброе имя, и бываютъ весьма довольны собою, естьли сыщутъ, кого легко могутъ увѣрить, что они имѣютъ достоинство. Нѣкоторые изъ нихъ получаютъ успѣхъ на время сею дорогою, имъ вѣрятъ по ихъ словамъ, особливо ежели есть въ нихъ что нибудь такое, которое поражаетъ и бросается въ глаза; посредственные умы тотчасъ ими плѣняются, но разсуди-

тельные не дѣлаютъ такихъ скорыхъ шаговъ, они не долго и удивляются, сколь бы они удивительны ни казались. Не надобно однакожъ стараться низвергать ихъ, и поднимать на смѣхъ, пусть наслаждаются своимъ благополучїемъ; честный человѣкъ долженъ поставлять себя выше сей свойственной достойнымъ людямъ страсти, чтобъ приводить глупцовъ въ безславїе, сколько возможно, и отдѣлять ихъ отъ основательныхъ, не смотря, что считаютъ сїе дѣломъ полезнымъ. Ибо недостойные не прїобрѣтутъ себѣ уваженїя нигдѣ, кромѣ простяковъ, въ чемъ не должно имъ слишкомъ завидовать, и не должно сожалѣть, что глупцы обманываются; а тѣ, которые имѣютъ разсудокъ, удобно отличаютъ ихъ всегда, безъ всякаго нашего старанїя о показанїи, каковы они.

Я считалъ, сказалъ Евфимїй, что и самые проницательные люди бываютъ иногда обмануты; слыша многократно отъ человѣка, что онъ имѣетъ достоинство, наконецъ мы убѣждаемся, и совѣстимся ему не вѣрить. Я ежедневно

нахожу такихъ, которые весьма благосклонны къ себѣ самимъ, думаютъ, что они на землѣ, какъ идолы, коимъ всѣ должны покланяться, почитаютъ себя отдѣленнымъ родомъ отъ другихъ людей, и не включаютъ себя въ безчисленность рода человѣческаго. При всемъ этомъ они говорятъ о себѣ смѣло, и нигдѣ не пропускаютъ случая, пересказывать нѣкоторыя мѣста изъ описанія своей жизни. Надобно не имѣть никакого вѣроятія, чтобъ усумниться о ихъ достоинствѣ.

Ты шутишь, сказалъ Θеогенъ, я не нахожу тебя такимъ, чтобы ты такъ легкомысленно могъ вѣрить; ты столь тонокъ въ сужденіяхъ, что не допустишь ослѣпить себя ложнымъ блескомъ Сверхъ того отличать истинное достоинство отъ ложнаго также легко, какъ хорошее золото отъ мѣди. Ибо истинное достоинство не состоитъ ни въ важномъ видѣ при расказываніи чего нибудь, ни въ величественныхъ поступкахъ, ни въ громкихъ словахъ, все сіе можно имѣть притворное; но такъ какъ уже я тебѣ говорилъ, оно

заключается въ естественно добромъ основанїи, которое приводится къ совершенству чрезъ обращенїе въ свѣтѣ и при Дворѣ. Тутъ-то прїобрѣтается все познанїе учтивства, которымъ возвышается безпредѣльно природное свойство, какъ бы оно ни было всѣмъ богато одарено. Для того-то люди, мало обращающїеся въ большомъ свѣтѣ, лишены всегда той нѣжной, прїятной и врожденной ловкости, которая снискивается чрезъ обхожденїе съ честными людьми. Живущїе въ провинцїяхъ имѣютъ всегда въ себѣ нѣчто грубое и принужденное, когда не пользуются никакимъ пособїемъ, кромѣ доставляемаго Государемъ; и часто самые тѣ, коихъ отмѣнно хвалили, и почитали за чудо, оказываются съ весьма невеликимъ достоинствомъ, такъ что оно не можетъ выдержано быть передъ людьми, употребляющими справедливую и благоразумную разборчивость.

Это обыкновенная участь большой части тѣхъ, которые въ провинцїи ослѣплены похвалами: они думаютъ, отвѣчалъ Евфимїй, что будутъ имѣть

такой же успѣхъ при Дворѣ, какой имѣли на мѣстѣ своего рожденія. Они, упоенные своимъ достоинствомъ, и исполненные смѣшной гордости, пріѣзжаютъ къ оному, и какъ ни жалуются на злость вѣка, не отдающаго имъ справедливости, но принуждены бываютъ, отягченные стыдомъ вмѣсто славы, которой ожидали, оттуда удалиться.

Какое средство, спросилъ Ѳеогенъ, должно употребить, чтобъ они утѣшились, и поступили по примѣру того славнаго игрока на лютнѣ, котораго въ старости болѣе не хотѣли слушать. Сей игрокъ ходилъ играть предъ кумирами боговъ, и такимъ образомъ утѣшалъ себя въ презрѣніи, которое оказываемо было его особѣ. Но шутки въ сторону, а огорчаться не должно, когда мы думаемъ, что не отдается намъ справедливость, и заслуга наша худо награждается. Я вспомнилъ на сей случай прекрасный отвѣтъ, сказанный нѣкогда однимъ Спартанскимъ гражданиномъ. Спартанецъ сей неспоримо былъ изъ знатнѣйшихъ въ городѣ, однакожъ не включили его въ число

трехъ сотъ долженствовавшихъ управлять республикою. Онъ не изъявилъ никакой досады за сдѣланную ему несправедливость, и возвратясь домой, сказалъ, что онъ чрезвычайно радуется, что нашлось столько гражданъ лучше его.

Люди такимъ образомъ поступающїе очень щастливы; воздержность сїя поправляетъ нѣсколько вредъ, претерпѣваемый ими отъ неудачи въ дѣлахъ. Всегда должно стараться, поставлять себя выше всякихъ успѣховъ, и устроять себѣ покой въ злополучїяхъ съ нами встрѣчающихся. По томъ безъ смущенїя должно искать способовъ и оборотовъ, могущихъ сдѣлать наши дѣла благоуспѣшными, и помнить, что печаль и безпокойство никогда не поправляютъ дѣлъ.

Я нахожу сїе правило весьма прекраснымъ, отвѣчалъ Евфимїй, и считаю, что поставлять себя выше всякихъ огорченїй, безпокоющихъ слабые умы, есть знакъ великаго достоинства. Надобно еще, примолвилъ онъ, презирать съ такою же твердостїю переговоры

людскіе, и не трогаться укоризнами, какія могутъ причиняемы быть отъ людей, только чтобы совѣсть наша не укоряла насъ ни въ чемъ. Такъ какъ Платонъ далъ нѣкогда отвѣтъ объявлявшимъ ему, что объ немъ сплетали глупыя росказни: это меня не безпокоитъ, сказалъ онъ, по тому что образомъ жизни своей заставлю зависть молчать, и я не сомнѣваюсь, что росказнямъ не будутъ вѣрить.

Такъ точно, говорилъ Ѳеогенъ, должны поступать люди основательнаго ума, но сія воздержность превышаетъ малыя души, составляющія себѣ химеры изъ ничего незначущихъ бездѣлицъ. Они увеличиваютъ въ мысляхъ своихъ обиды, которыя, думаютъ, имъ сдѣланы; темнота нощная представляетъ имъ привидѣнія, которыя они питаютъ тысячею ложныхъ предубѣжденій; и естьли станутъ выводить ихъ изъ заблужденія, то они досадуютъ на истинну, которую хотятъ имъ показать. Они воображаютъ, что хорошо воспалятся и изъявлять великой гнѣвъ; однако, ежели бы они могли

разсуждать о сумозбродствахъ, въ которыя впадаютъ, когда находятся въ семъ состоянiи, то не нужны бы были другiя средства къ укрощенiю стремленiя ихъ страсти.

Я весьма хвалю, продолжалъ онъ, политику той благоустроенной республики, въ которой, для образованiя ума въ юношахъ, и для вперенiя имъ боязни къ страстямъ, показывали имъ рабовъ тѣми самыми страстьми волнуемыхъ; поили ихъ допьяна, дабы возбудить отвращенiе въ молодыхъ людяхъ къ этому глупому распутству, и производили въ однихъ противъ другихъ злобу, дабы дать выразумѣть, какъ человѣкъ мало походитъ на человѣка, когда предается гнѣву.

Очень разумно дѣлали, подхватилъ Евфимiй, ибо нѣтъ ничего смѣшнѣе и презрительнѣе человѣка, которой отдался во власть своимъ страстямъ, и котораго малость выводитъ изъ обыкновеннаго положенiя. Но ежели замѣчать, то слабые умы тому болѣе подвержены, нежели другiе. Сiю истинну могутъ подтвердить престарѣлые, бол-

ные и нещастливые; ихъ самая безделица огорчаетъ, и какъ они мало уже господствуютъ надъ своими страстями, то и видны въ нихъ движенія оныхъ. Мнѣ кажется, слабые умы такъ какъ изнуренныя или ослабѣвшія тѣла, для которыхъ малѣйшее безпокойство вредно, напротивъ того свѣжее и крѣпкое здоровье не столь удобно перемѣняется; равномѣрно слабые умы раздражаются во мгновеніе, и дѣлаютъ тысячу дурачествъ.

Это, что ты говоришь, прервалъ Ѳеогенъ, приводитъ мнѣ на память слова, сказанныя нѣкогда однимъ весьма честнымъ человѣкомъ. Онъ былъ преслѣдуемъ нѣкоторымъ досадителемъ, кой дѣлалъ ему обиды, и не давалъ совсѣмъ покою. Дай Богъ, сказалъ онъ ему, чтобъ надъ своимъ языкомъ былъ я такой же господинъ, какой надъ ушами! Все, что ты ни говоришь, не трогаетъ меня, и ты не думай, чтобъ я разсердился на тебя. Я желалъ бы, отвѣчалъ Евфимій, чтобъ многіе, которыхъ знаю, были нѣсколько такого же сердца; они бы не предавались своей запальчивости, лишающей ихъ мнѣнія,

каковое имѣли всѣ о ихъ достоинствѣ. Одинъ разумный человѣкъ уподобляетъ сихъ людей зимнимъ днямъ, которые скучны и темны, и въ которые всегда надобно опасаться бури; или, говоритъ онъ, они имѣютъ при себѣ Демона, коего должность только въ томъ, чтобъ разсѣвать повсюду несогласіе и раздоры.

Какъ бы то ни было, сказалъ Ѳеогенъ, а такіе люди весьма безпокойны и непріятны; они дѣлаютъ себѣ тысячу досадъ, потому что они не властны въ томъ, что говорятъ; и часто одно неосторожно молвленное слово въ состояніи причинить имъ вѣчныя раскаянія. Сіе самое случилось съ Императоромъ Ѳеодосіемъ, который былъ нраву довольно кроткаго и склоннаго къ милости, но онъ забылся нѣсколько при одномъ приключеніи, гдѣ бы надлежало ему себя умѣрить. Убили одного изъ Полководцевъ его, и нѣкоторыхъ солдатъ, дѣлавшихъ наглости на театрѣ во время публичныхъ игръ; до него дошла жалоба, и онъ повелѣлъ тотчасъ наказать за once тяжкое

преступленіе; приказаніе о томъ дано было разъяреннымъ солдатамъ, которые произвели ужасное кровопролитіе, убивая бѣдныхъ гражданъ въ Ѳессалоникѣ. Ѳеодосій объятъ былъ страхомъ, когда пересказывали ему эту плачевную исторію, и столько сожалѣлъ о своей запальчивости, что приказалъ исполненіе подобныхъ приговоровъ отлагать до третьяго дня.

Онъ весьма благоразумно поступилъ, отвѣчалъ Евфимій: ибо какъ бы велики достоинства чьи ни были, одно подлое дѣяніе можетъ лишить чести; и тѣ, кои не укрощаютъ своихъ страстей, впадаютъ часто въ величайшіе безпорядки. Знаешь ли ты, присовокупилъ онъ, что сдѣлалъ нѣкогда Александръ Великій въ своей запальчивости? Онъ чрезвычайно былъ тронутъ смертію Эфестіона, котораго любилъ горячо; жаловался онъ на всѣхъ боговъ, произносилъ тысячи оскорбительныхъ словъ, и даже приказалъ сжечь храмъ Эскулапія, которой былъ богъ здоровья, какъ бы въ отмщеніе, что не спасъ его любимца.

Все это ни мало не достойно Александра В. отвѣчалъ Θеогенъ : естьли бы онъ ничего не сдѣлалъ въ жизни своей кромѣ сего , то потомство не стало бы почитать его память столько, и не дало бы названія *великій*. Изъ всего онаго должно заключить, что желающіе пріобрѣсть истинное достоинство, дабы нравиться въ свѣтскомъ обращеніи, должны стараться умѣрять свою вспыльчивость , и скрывать ее. Сего не льзя ожидать отъ многихъ, сказалъ Евфимій; ибо всѣ страстны къ славѣ, и потому малѣйшее подозрѣніе пренебреженія приводитъ людей въ бѣшенство. На примѣръ, человѣкъ, хвастающійся знаніемъ , и выдающій себя за ученаго, ежели увидитъ , что не довольно высокую мысль имѣютъ о его достоинствѣ, онъ никогда этой обиды не проститъ. Человѣкъ надменный своимъ дворянствомъ, ежели сочтетъ, что сомнѣваются о его знатности, или ежели женщина, выдающая себя красавицею, примѣтитъ, что ей предпочитаются другія: то сіи слабые виды столько поражаютъ ихъ воображеніе , что они

отъ того едва могутъ опамятоваться; а еще пуще, ежели злонамѣренные люди примѣшиваютъ къ тому ядъ своихъ злобныхъ разсужденій, и давъ замѣтить, что тѣмъ или тою сказано то и то объ нихъ въ такомъ-то случаѣ.

Въ разсужденіи сего надобно быть осторожну, отвѣчалъ Ѳеогенъ, не должно быть переносчикомъ худыхъ вѣстей: чрезъ это ежедневно дѣлается тысяча огорченій, и такая роля недостойна честнаго человѣка. Вотъ правило, котораго въ точности надобно держаться; чтобъ быть пріятнымъ въ свѣтскомъ обращеніи, надобно умѣть жить со всѣми сортами людей, и не оскорблять никогда никого съ намѣреніемъ. Нѣтъ ни одного столь безсильнаго непріятеля, которой бы не могъ вредить, и былъ не въ состояніи причинить на нѣсколько часовъ досаду. Но какія мѣры ты примешь, подхватилъ Евфимій, ежели кто, чтобъ угодить тебѣ, станетъ говорить что нибудь могущее очернить передъ тобою тѣхъ, которые ему не изъ числа пріятелей, и отъ которыхъ ты самъ получилъ неудовольствіе? Я при-

му дурно все то, что онъ ни скажетъ, отвѣчалъ Ѳеогенъ, не повѣрю вдругъ его словамъ; и снисхожденіе, которое могу ему сдѣлать, будетъ состоять только въ томъ, что не покажу явно, что онъ мнѣ не нравится.

Я всегда держу въ памяти то, что дѣлалъ Александръ В. въ такихъ случаяхъ. Когда приносили ему жалобу на кого нибудь, то онъ зажималъ у себя одно ухо, говоря, что бережетъ его для выслушанія того, на кого жаловались. Надобно быть точнымъ, справедливымъ, и удовлетворять всѣмъ, сколько возможно; надобно разсматривать различныя побужденія, по которымъ люди дѣйствуютъ и говорятъ: не предубѣждены ли они какими сокрытыми выгодами говорить то, что говорятъ, не имѣютъ ли какого нибудь пристрастія, и усердіе ими оказываемое не есть ли сокрытое желаніе вредить тѣмъ, кого они не любятъ.

Порокъ этотъ, подхватилъ Евфимій, совершенно недостоинъ честнаго человѣка, и противенъ совсѣмъ тому великодушію, которое составляетъ

часть истиннаго достоинства. Люди ищущїе нравиться должны убѣгать его, какъ чудовища; ничто по моему мнѣнїю не дѣлаетъ человѣка толь презрительнымъ, и не означаетъ такъ дурнаго его свойства, какъ оный. Справедливо, сказалъ Өеогенъ, такїе люди всегда имѣютъ въ душѣ, я не знаю, что-то низкое и подлое, ихъ безпокоитъ то, что другимъ дѣлаетъ удовольствїе; ибо злость сей страсти такова, что они меньше соболѣзнуютъ, когда лишаются какой нибудь вещи, которую желали имѣть, нежели когда узнаютъ, что другїе получили желаемый успѣхъ. Многїе не неогорчались бы тѣмъ, что не удалось имъ какое дѣло, естьли бы не имѣли досады видѣть соискателей своихъ щастливыми. Они смотрятъ на благодѣянїе, которое оказано другимъ, такъ какъ на покражу сдѣланную у нихъ самихъ, и для того-то никогда не имѣютъ покою; потому что они столько же мучатся нещастїями имъ приключающимися, сколько хорошими успѣхами ближняго. Они всегда имѣютъ свои завистливые глаза, устремленные

на благополучїе другаго, которое для нихъ несносно, и на которое взираютъ не иначе, какъ съ досадою.

Я не думалъ, говорилъ Евфимїй, чтобъ своеобычїе этой глупой страсти такъ далеко простиралось: легко можно уподобить оныхъ людей нѣкоторымъ, насѣкомымъ, кои не могутъ сносить свѣта, и бываютъ всегда сокрыты въ тѣни или въ темнотѣ. Ты можешь сравнить ихъ, подхватилъ Евфимїй, съ чѣмъ тебѣ угодно, и все еще описанїе ихъ не будетъ довольно гнусно; но странно то, что эта страсть сама за собою влечетъ свое наказанїе, мы видимъ ихъ погружающихся въ глубокую печаль и задумчивость черную и смутную. Малѣйшїе успѣхи ихъ непрїятеля оскорбляютъ ихъ жестоко, такъ что они бы менѣе почувствовали ударъ кинжала; и отъ того вся ихъ жизнь проходитъ въ сердечныхъ прискорбїяхъ и въ безпрестанномъ безпокойствѣ духа. Да кажется, присовокупилъ Евфимїй, что зло сїе и неизцѣлимо, потому что, прежде нежели укротится временемъ и врачествомъ, начинаетъ оно

опять свирѣпствовать. Одно нещастіе другаго доставляетъ имъ нѣкоторый покой и удовольствіе, въ чемъ они сами себѣ со стыдомъ признаются, а прочее все огорчаетъ, и возбуждаетъ въ нихъ досаду.

Забавно смотрѣть, подхватилъ Ѳеогенъ, на смятеніе, въ которомъ они находятся, когда кто станетъ пересказывать какую новость въ похвалу чью нибудь. Сначала они показываютъ видъ, будто не вѣрятъ пересказываемому, и выдумываютъ тысячу острыхъ отговорокъ, дабы сдѣлать новость мало правдоподобною; послѣ винятъ пересказывающихъ, или упрекаютъ ихъ легковѣріемъ. А когда общее согласіе изторгнетъ изъ устъ ихъ противъ ихъ воли истинну, и принудитъ ихъ отдать справедливость достоинству, признанному цѣлымъ свѣтомъ; тогда не могутъ уже они удержаться, чтобъ не показать своего безпокойства, унижая, сколько возможно, цѣну хвалимой особы, и убѣждая съ нѣкоторымъ видомъ гордости и презрѣнія, что не должно такую малость толь много уважать.

Этого для нихъ не довольно, присовокупилъ Евфимій; нѣтъ злости, къ которой бы они не обратились, чтобъ вредить людямъ, противъ коихъ они одинъ разъ ожесточились; они выдумываютъ различныя злословія и клеветы, дабы ихъ обезславить. Ежели человѣкъ близокъ къ тому, чтобъ получить знатный чинъ, или важную должность; то они маракотъ его доброе имя, уменьшаютъ его достатокъ, и помрачаютъ честь всего роду. Они устремляются еще далѣе, простираютъ свое злорѣчіе въ прошедшіе вѣки, даже на прахъ его предковъ, дабы тамъ сыскать, что говорить, и составить изъ того предлогъ своихъ сатиръ; ибо ничто не скрывается отъ пытливости ихъ завистливыхъ глазъ, ничто не избѣгаетъ злобы ядовитаго ихъ языка.

Повѣришь ли ты, сказалъ Θеогенъ, что эта нещастная страсть обитаетъ не между одними непріятелями? Нѣтъ столь твердой дружбы, которую бы она не погашала въ короткое время; а болѣе всего дѣлаетъ она похищенія между особами, кои соединены взаим-

ными выгодами или товариществомъ. Ибо никто почти не подумаетъ устремить зависти на того, кого не знаетъ, или съ кѣмъ не имѣетъ никакого дѣла; но люди, которыхъ мы болѣе любимъ, и самые наши нѣжнѣйшїе друзья становятся для насъ менѣе любезны, когда усматриваемъ въ нихъ нѣчто такое, которое возвышаетъ ихъ предъ нами. Благополучїе ихъ огорчаетъ и безпокоитъ насъ, наше обхожденїе и взаимная откровенность простываютъ; мы не въ состоянїи простить щастїю всѣхъ благосклонностей, оказываемыхъ имъ особѣ, которую мы любимъ.

Это порокъ придворныхъ, подхватилъ Евфимїй; они бываютъ въ отчаянїи отъ возвышенїя своихъ соискателей. Это порокъ всѣхъ людей, отвѣчалъ Ѳеогенъ, всѣхъ временъ и всякаго возраста; старики смотрятъ завистливыми глазами на раждающееся щастїе тѣхъ, которые ихъ моложе: человѣкъ, отличившїйся въ наукахъ, или въ войнѣ, не можетъ терпѣть успѣховъ и достоинства другихъ, которымъ щастїе благопрїятствуетъ: молодые люди, у коихъ

такія же притяжанія, взирають на оное косо; самые даже младенцы, которые еще не знають, что такое есть страсть, всасывають съ молокомъ своихъ кормилицъ ядъ зависти. С. Августинъ объявляетъ въ разсужденіи сего весьма достойное замѣчанія происшествіе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Я не могъ, говоритъ сей мужъ, довольно надивиться, видя двоихъ маленькихъ дѣтей, сосавшихъ одно и тоже молоко, изъ которыхъ одного кормилица любила и ласкала больше, нежели другаго; не могъ надивиться, усматривая въ нихъ маленькія зависти, которыя всякой день мгновенно возрастали, такъ что каждой разъ, когда болѣе любимое дитя приближалось къ грудямъ, то другое изъявляло крикомъ и дѣтскимъ бѣшенствомъ свою досаду, какую отъ того имѣло; и сіе распространилось такъ далеко, что оно сохло повседневно, и умерло наконецъ отъ злости, что было меньше ласкаемо, нежели другое.

Этотъ примѣръ чрезвычаенъ, сказалъ Евфимій, со всѣмъ тѣмъ я прощаю

дѣтямъ или женщинамъ, что они имѣютъ зависть, но немогу простить того честному человѣку; одно это въ состоянїи привести его совершенно въ безславїе, и больше ничего не надобно для отравленїя его достоинства. Когда сїя подлая страсть владѣетъ кѣмъ, то уже не возможно, чтобъ онъ прїятенъ былъ въ обращенїи; и я въ отчаянїи, видя, что всѣ придворные употребляютъ толико средствъ, ради воспрепятствованїя намѣренїямъ своихъ сверстниковъ.

И такъ ты думаешь, отвѣчалъ Ѳеогенъ, что одни придворные заражены завистью? Я увѣряю тебя, любезный Евфимїй, что ложные богомолы со всѣми своими ужимками подвержены оной также, какъ и другїе, и ихъ зависть еще гораздо опаснѣе.

Вы сдѣлали теперь прекрасной портретъ, сказалъ Евфимїй, улыбаясь; однакожъ, я увѣренъ, никто не захочетъ походить на него. Боже мой, какое набоженство! Я не выдаю себя за человѣка слишкомъ совѣстнаго, но я бы не пожелалъ быть набожнымъ на такомъ счету. Шутки на сторону,

присовокупилъ онъ, зависть не должна имѣть мѣста въ благородной душѣ; нѣтъ такой подлости и гнусности, къ которой бы человѣкъ не былъ удобенъ, когда сія страсть имъ управляетъ. Но я прошу тебя, окончимъ описанїе истиннаго достоинства.

Тѣ, которые подлинно желаютъ пріобрѣсть истинное достоинство, отвѣчалъ Ѳеогенъ, должны во всякомъ случаѣ остерегаться, чтобъ не сдѣлать чего подлаго и гнуснаго, какая бы прозьба ни была о томъ, и въ какомъ бы званїи ни находились люди, которые просятъ. Я помню въ разсужденїи сего прекрасное мѣсто въ исторїи нѣкотораго великаго владѣтеля. Одинъ изъ придворныхъ его убѣждалъ прозьбою долгое время, дабы онъ сдѣлалъ для него нѣчто такое, которое не очень было справедливо, и Король всегда отговаривался. По томъ спросилъ у придворнаго, какое участїе имѣетъ онъ въ дѣлѣ, о которомъ толь часто говорилъ? Сей признался предъ нимъ, что ему обѣщана знатная сумма денегъ, ежели дѣло получитъ желанной успѣхъ. О! очень

хорошо, сказалъ ему Король, я лучше соглашусь самъ дать тебѣ оную, нежели сдѣлать несправедливость.

Онъ сдѣлалъ доброе дѣло, подхватилъ Евфимїй, такая совершенная честность означаетъ благородную душу и хорошее основанїе; ничто столь недостойно Государей, какъ подобные поступки, являющїе ихъ щедрость. Поелику они поставлены выше прочихъ людей, то надобно, чтобъ все было велико въ ихъ особахъ, и все соразмѣрно окружающему ихъ величеству. Обыкновеннаго достоинства, коего довольно бы было для простолюдима, недовольно для тѣхъ, кои управляютъ другими; потому что всѣ на нихъ взираютъ, и они должны собою подавать народу примѣръ: они обязаны соблюдать всякую благопристойность съ величайшею строгостїю; для нихъ гораздо лучше все потерять, нежели сдѣлать что либо непристойное ихъ званїю. Молодой Помпей долженствуетъ служить имъ въ этомъ образцомъ. Въ то время, какъ между имъ, Августомъ и Маркомъ Антонїемъ происходила распря объ Импе-

ріи, постановленъ былъ у нихъ нѣкоторой родъ перемирія; и какъ они согласились на него по доброй совѣсти, то попеременно давали столы. Въ одинъ день, когда Августъ и Антоній пировали на галерѣ Помпея, то нѣкоторый изъ его полководцевъ, отозвавъ его въ сторону, сказалъ ему, что ежели онъ дастъ ему волю, то будетъ тотчасъ владѣтелемъ свѣта. Вотъ рѣшительный поступокъ, примолвилъ онъ, щастіе вамъ благопріятельствуетъ; естьли вамъ угодно, то въ четверть часа не останется у васъ болѣе непріятелей, я истреблю сихъ двухъ человѣкъ, коихъ судьба оставила въ вашихъ рукахъ. Помпей не захотѣлъ на то согласиться: они пришли ко мнѣ, полагаясь на мою честность, сказалъ онъ, и я лучше сохраню свое слово, нежели стану повелѣвать всею вселенною.

Вотъ самыя благородныя чувствованія, подхватилъ Θеогенъ, вотъ поступокъ совершенно геройской и приличной Римлянину! Многимъ бы таковая великая точность мало сдѣлала за-

труждения, искушение было тонко; онъ имѣлъ хорошее средство кончить войну, но поступилъ, какъ должно было поступить честному человѣку. Лучше все подвергнуть опасности, нежели не сохранить доброй вѣры, и согласиться на какую нибудь подлость. Сіи великіе примѣры долженствуютъ научать и посредственнаго состоянія людей, какъ имъ вести себя въ различныхъ случаяхъ, которые съ ними встрѣчаются. Не надобно соблюдать своихъ частныхъ выгодъ на счетъ доброй вѣры и искренности, которыми мы обязаны всѣмъ людямъ; ибо какое можно имѣть уваженіе къ тѣмъ, которые не знаютъ другихъ законовъ, кромѣ внушаемыхъ имъ собственнымъ высокомѣріемъ, и которые дѣлаютъ величайшія въ свѣтѣ несправедливости, ради ничего незначущей выгоды?

Трудно, прервалъ Евфимій, предписать себѣ надлежащія границы въ сихъ случаяхъ: ибо вѣкъ, въ которомъ мы находимся, весьма лукавъ и злостенъ; умы, дабы не сказать плутоваты, такъ гибки и такъ хитры, что

ежели ни сколько не будешь отступать отъ сей непоколебимой справедливости, то ежеминутно станешь подвергать себя опасности быть обманутымъ. Нѣтъ нужды, подхватилъ Ѳеогенъ, лучше быть обмануту отъ всего свѣта, нежели согласиться когда нибудь самому кого обмануть; и я съ моимъ нравомъ, ежели бы сдѣлалъ хотя малѣйшую несправедливость, то никогда бы не могъ себѣ того простить. Самые разумные и самые справедливые люди, отвѣчалъ Евфимій, иногда дѣлаютъ оныя, особливо естьли гдѣ не употребятъ всего вниманія, къ каковому они способны. Ты знаешь, что случилось нѣкогда съ Филиппомъ? Онъ въ одинъ день, выпивши нѣсколько излишно вина, лишилъ несправедливо нѣкоторую госпожу иску по дѣлу; я недовольна рѣшеніемъ Филиппа, сказала она, когда онъ пришелъ самъ въ себя; и сей Государь, увидя на другой день несправедливость, которую сдѣлалъ, вознаградилъ совершенно потерю госпожи.

Это значитъ, сказалъ Ѳеогенъ, что самые великіе люди могутъ дѣлать

ошибки; но они тотчасъ возвращаются опять къ своему характеру. Когда сдѣланъ несправедливой поступокъ, то не должно домогаться защищать его упорно; чѣмъ кто скорѣе признается въ ономъ, тѣмъ лучше: одни посредственные умы почитаютъ себя безъ погрѣшностей. Они очень дурно дѣлаютъ, что такъ льстятъ себѣ, подхватилъ Евфимій, ибо должности гражданской жизни столь многочисленны, что надобно долгое время заниматься размышленіями, чтобъ узнать ихъ. Надобно также много преодолѣвать себя, присовокупилъ Ѳеогенъ, чтобъ въ точности оныя исполнить.

Однакожъ одно есть средство сдѣлать себя пріятнымъ, и достичь до той точки, которой мы ищемъ. Я хочу сказать тебѣ правило, которое заключаетъ въ себѣ почти все нравоученіе честнаго человѣка. Чтобъ сдѣлать себя на вкусъ всѣхъ людей, то должно отдавать всякому, чего требовать отъ насъ онъ имѣетъ право: вышніе наши требуютъ отъ насъ почтенія, отличности и повиновенія, равные учтивости

и ласки, родственники дружбы, друзья нѣжности и довѣренности, а весь свѣтъ доброй вѣры, и услугъ, которыя для насъ возможны, въ случаяхъ, гдѣ нужна наша помощь: надобно помогать бѣднымъ изъ великодушія, а непріятелямъ изъ любви къ ближнему. Все это должно быть исполняемо безъ принужденности, безъ притворства, безъ надменности и ласкательства; потому что показывать себя желающимъ пріобрѣсть любовь отъ всѣхъ, и бояться навлечь себѣ хлопоты, есть подлость, за которою всегда послѣдуетъ презрѣніе.

Сіе правило, подхватилъ Евфимій, въ немногихъ словахъ содержитъ многое, въ немъ подлинно, какъ ты сказалъ, состоитъ все нравоученіе честнаго человѣка; но вѣришь ли ты, присовокупилъ онъ, что хотябы кто исполнялъ все оное, но трудно еще ему было бы удовольствовать всѣхъ людей? Признаюсь тебѣ, что я держусь мнѣнія фолософа Хризиппа, которой не хотѣлъ ни во что вмѣшиваться, и всегда отказывался входить въ управленіе

республикою; потому что, говорилъ онъ, ежели я буду поступать дурно, сдѣлаюсь противенъ богамъ, ежели хорошо, не понравлюсь людямъ. И такъ, какія бы кто достоинства ни имѣлъ, не можетъ онъ надѣяться угодить различному вкусу людей. Я знаю, отвѣчалъ Ѳеогенъ, что въ этомъ довольно затрудненій, но не должно ими скучать; тебѣ извѣстно, какой отвѣтъ одинъ изъ учениковъ сего самаго Хризиппа сдѣлалъ ему въ приведенномъ теперь тобою случаѣ, естьли вы, сказалъ онъ, будете поступать хорошо, вы пріятны будете богамъ, а естьли дурно, угодите людямъ.

Я не говорю однакожъ, что должно брать смѣлость дѣлать дурныя дѣла, напротивъ того должно предписать себѣ правила ненарушимаго праводушія, и стараться устроить основаніе истиннаго достоинства. Естьли мы видимъ мало людей, отличающихся своими хорошими качествами, то сіе происходитъ отъ того, что они болѣе пекутся иначе показывать свои пороки, и укрывать свои недостатки, нежели

исправлять ихъ. Не заботятся о томъ, чтобъ быть честнымъ человѣкомъ, а стараются только казаться таковымъ; хитрость и притворство заступаютъ мѣсто истинныхъ добродѣтелей, и тѣ, которые искуснѣе во внушенiи къ себѣ почтенiя, считаются самыми достойными, хотя внутренно не имѣютъ никакихъ правилъ добродушiя.

Это правда подхватилъ Евфимiй, что большая часть людей ведетъ себя, такъ какъ комедiанты, которые представляютъ разныхъ сортовъ лица, и платье перемѣняютъ смотря поролямъ, какiя имъ велятъ играть. Въ томъ же самомъ состоитъ искуство обманщиковъ, они все свое старанiе употребляютъ на то, чтобъ быть сокрытыми, дабы ослѣплять слабые умы, кои считаютъ ихъ честными людьми, хотя вся ихъ честность не иное что есть, какъ только притворство. Я увѣряю тебя, присовокупилъ Ѳеогенъ, что они обманываютъ часто самыхъ ученнѣйшихъ, и самые хитрые дѣлаются предъ ними простаками. Сколько женщинъ,

почитающихся въ свѣтѣ за совершенно цѣломудренныхъ, единственно по тому, что выставляется ими всегда на показъ притворная скромность, ради сокрытія потаенныхъ своихъ непотребствъ; онѣ показываютъ видъ, что тревожатся въ публикѣ отъ одного слова, нѣсколько смѣло сказаннаго, а наединѣ предаются самымъ безчестнымъ вольностямъ; сіи лицемѣрки ругаютъ въ другихъ ничего незначущіе поступки, тогда, когда совѣсть ихъ укоряетъ ихъ крайнимъ распутствомъ. Не однѣ женщины умѣютъ притворяться, сказалъ Евфимій, не менѣе почти лукавы и мущины, я не говорю, только простые люди, но и самые знатные; тѣ, которые въ самыхъ высокихъ достоинствахъ, которые, какъ Государи, располагаютъ доброю славою, благосостояніемъ и жизнію другихъ. Чего бы мы не увидѣли, естьли бы могли прочитать въ совѣсти того человѣка, который слыветъ судіею исполненнымъ непорочности, естьли бы могли узнать всѣ побужденія, заставляющія его дѣйствовать, всѣ лукавства, коими закрываетъ онъ

свои несправедливости, и всѣ корыстолюбивые виды, которые имѣетъ, когда принужденъ бываетъ отдавать справедливость, не смотря на злыя свои намѣренія. Таковый носитъ имя добраго человѣка, потому что показываетъ себя ревностнымъ, дабы достать себѣ какое нибудь знатное мѣсто, какъ онъ его ни недостоинъ; онъ тайно ищетъ того пронырствами у сильныхъ, которые, будучи ослѣплены благовидною наружностію, предпочтутъ его безъ сомнѣнія людямъ гораздо большихъ достоинствъ.

Смотри, сказалъ Ѳеогенъ, смѣючись, не заведи ссоры съ этими людьми; они никогда не прощаютъ, и такъ какъ уже ты нѣсколько поссорился съ судьями, то тотчасъ можетъ начаться у тебя дѣло. Но дабы возвратиться къ тому, о чемъ ты говорилъ, присовокупилъ онъ, то скажу, что лукавство людей гораздо далѣе простирается, нежели ты думаешь; они столь хорошо закрываютъ самыя грубыя свои погрѣшности, что можно принять ихъ за похвальныя дѣянія. Расточительный

человѣкъ пересказываетъ о себѣ, что онъ великодушенъ и щедръ; упрямый, закоренѣлый въ своихъ мнѣнїяхъ, хочетъ слыть проницательнымъ; безразсудное усердїе относительно къ религїи считается вообще подъ именемъ святости; потому что небольшое притворство, и хорошо приноровленныя ухватки, въ состоянїи обольстить слабые умы.

Это точно, сказалъ Ѳеогенъ, поведенїе Еретиковъ, которые всегда почти прибѣгаютъ къ сей хитрой выдумкѣ, чтобъ уполномочить свое ученїе. Они принимаютъ на себя видъ скромный и благочинный, которой осуждаетъ и малѣйшее ослабленїе въ благочестїи; а чтобъ придать вѣсу своимъ заблужденїямъ, то закрываютъ ихъ завѣсою строгости; но въ то время, когда они обманываютъ другихъ, говоря единственно о глубокомъ нравоученїи, они, я думаю, сами себя стыдятся; потому что совѣсть ихъ дѣлаетъ имъ упреки, относительно къ ихъ жизни, которая совсѣмъ противна благочестному виду, употребляемому ими ради обольщенїя всѣхъ бѣгающихъ за ними.

Я знаю многихъ, сказалъ Өеогенъ, которые подлинно не Еретики; но имѣютъ довольно описанныхъ теперь тобою дарованій. Они пріучили себя такъ хорошо поддѣлываться подъ добродѣтельныхъ людей, что думаютъ, будто въ самомъ дѣлѣ стали таковы; и поелику обманутые считаютъ ихъ такими, то они полагаясь на сіе, воображаютъ, что остается имъ только оное поддерживать. Я не опорочиваю старанія о сохраненіи наружнаго виду; ибо что бы такое было, естьли бы публика извѣстна была обо всемъ, что происходитъ во внутренности сердецъ? Какимъ бы образомъ осмѣлились мы показаться въ свѣтъ, естьли бы сокровенныя наши чувствованія сдѣлались явны? И такъ надобно сохранять наружности, но не надобно тѣмъ довольствоваться. Не надобно поступать такъ, какъ тѣ, которые желаютъ имѣть добрую славу, какую доставляетъ добродѣтель, но не хотятъ употребить трудовъ, какихъ требуетъ пріобрѣтеніе ея.

Что должно дѣлать, прервалъ Евфимій, дабы разобрать наружный видъ съ истин-

ною, и отличить истинное достоинство отъ ложнаго? Сїе отличенїе нѣсколько затруднительно, сказалъ Ѳеогенъ; со всѣмъ тѣмъ истинное достоинство имѣетъ нѣкоторые знаменитые поступки, которыми заставляетъ познавать себя, когда оно хочетъ быть обнаружено. На примѣръ всегдашнее обязыванїе друзей безъ притворства и безъ принужденїя; сердце прямое, искренное, благотворительное и некорыстолюбивое; образъ въ дѣланїи добра всегда одинаковый и постоянный; спокойствїе и разсудокъ въ великихъ нещастїяхъ, какїя случаются: все сїе не можетъ произойти отъ сердца исполненнаго лицемѣрїемъ, и быть плодомъ простаго достоинства. Вотъ еще другой способъ, присовокупилъ онъ, дѣлать то отличенїе, о которомъ ты говоришь. Люди посредственнаго достоинства главнымъ своимъ дѣломъ поставляютъ нѣкоторую тѣнь доброй славы, за которою они гоняются; и когда въ томъ не успѣваютъ, то тотчасъ утомляются, и такъ сказать, раскаиваются въ своей добродѣтели. Истинное же достоинство само себя

поддерживаетъ, и ежели не получаетъ одобренія, то тѣмъ не огорчается; потому что прямо достойные люди, ни за что считаютъ толки и славу: они подобно нѣкоторымъ рѣкамъ, протекающимъ подъ землею, скрываются отъ очей свѣта, и довольствуются свидѣтельствованіемъ своей совѣсти.

Все сіе, что ты мнѣ говоришь, перехватилъ Евфимій, подаетъ мнѣ идею о совершенномъ достоинствѣ, и вразумляетъ меня, сколько трудно достигать до такого высокаго степени; ибо, такъ какъ ты замѣтилъ, тутъ нѣтъ заботы о пріобрѣтеніи добраго имени, которое сопутствуетъ достоинству. Я усматриваю сказанное тобою каждый день въ большой части тѣхъ женщинъ, которыя при приближеніи старости предаются благочестію, будто въ отмщеніе свѣту, ихъ оставляющему. Онѣ, когда считали въ себѣ довольно достоинствъ, чтобъ поддержывать себя, и заставить искать въ себѣ, то говорили, что набожность есть удѣлъ нещастныхъ, немогущихъ болѣе быть по вкусу свѣта; а когда сами впали

въ тоже нещастїе, то слѣдуютъ образу жизни оныхъ, но всячески стараются, чтобъ публика то знала, употребляютъ все, что можетъ ихъ отличать, какъ то поступки, разговоры, и прочее имѣющее видъ благоговѣйный.

Сїя хитрость мало имъ служитъ, прервалъ Өеогенъ, никто не вѣритъ, чтобъ они были добродѣтельны для одной добродѣтели, но болѣе дабы показать чрезъ сїе въ свѣтѣ свое достоинство, и вознаградить то, что теряютъ съ другой стороны. Для нихъ очень трудно отстать отъ прежнихъ привычекъ, которыя заставляютъ думать, что онѣ перемѣнились только по наружности. Въ одномъ мѣстѣ ихъ дому мы видимъ комнату образную, и церковь богато убранную, въ другомъ находимъ всѣ знаки мирскаго тщеславїя, великолѣпныя украшенїя и всякїя картины, которыя ни сколько немогутъ внушать набожности. Они поступаютъ почти также, какъ упоминаемая святымъ Августиномъ въ книгѣ о ересяхъ Мар-

селина, которая ставила образъ сына Божія вмѣстѣ съ портретомъ Пиѳагоровымъ.

Видно эта госпожа любила легкую набожность, подхватилъ Евфимій, да большая часть и нашихъ госпожъ имѣютъ довольно сходный съ нею вкусъ: чтобъ онѣ ни говорили, естьли не имѣютъ ухватокъ и языка женщинъ, старающихся вселять къ себѣ любовь, то по крайней мѣрѣ имѣютъ всѣ ихъ склонности. Но дабы возвратиться къ тому, о чемъ ты говорилъ, присовокупилъ онъ, имъ нужно только соблюсти наружный видъ и сохранить добрую славу, а какимъ бы путемъ сіе ни было, онѣ о томъ не заботятся. Это тоже, что одинъ остроумный человѣкъ весьма забавно сказалъ: всякой, говоритъ онъ, охотно согласится быть трусомъ, дабы имѣть славу храбраго. Однакожъ для истиннаго достоинства недовольно имѣть храбрость въ превосходномъ степени, естьли не будешъ противоположной добродѣтели въ равной степени, такъ какъ у того славнаго Греческаго полководца, которой при

чрезвычайной храбрости оказывалъ чрезвычайное снисхожденіе. Большая часть нашихъ воиновъ, сказалъ Θеогенъ, совершенно несходны съ нимъ; въ нихъ довольно огня и пылкости, но не достаетъ часто хладнокровія.

Надобно, чтобъ я еще тебѣ сказалъ мысль, пришедшую мнѣ въ голову, подхватилъ Евфимій: я думаю, что естьли мы видимъ такъ мало людей достойныхъ, то это отъ того, что мало стараются узнавать, что прилично каждому званію, а нравиться иначе не льзя, какъ выдерживая свой собственной характеръ. Что хорошо для военнаго человѣка, то невсегда приличествуетъ статскому; и когда кто возведенъ на нѣкоторую степень высоты, не долженъ щеславиться такими вещами, которыя ниже его состоянія. Въ этомъ дѣлалъ нѣкогда выговоръ Филиппъ Мак: Александру Великому, которой былъ чрезвычайный охотникъ до музыки, и можетъ быть, для Принца слишкомъ искусенъ въ оной. Не стыдно ли тебѣ, что ты поешь такъ хорошо, сказалъ онъ, какъ будто для

того, чтобъ показать, что не должно утѣшаться такою малостїю.

Я нахожу сей выговоръ весьма основательнымъ, сказалъ Өеогенъ; человѣкъ опредѣленный для великихъ побѣдъ былъ бы неправъ, естьли бы ставилъ себѣ за честь считаться хорошимъ музыкантомъ. Надобно прибавить еще и сїе, что прилично въ молодыхъ лѣтахъ, то нейдетъ въ совершенныхъ. Что простительно Пажу, въ томъ не льзя извинить Полковника или Генерала армейскаго. Тысяча вещей есть, которыя не трогаютъ насъ въ иныхъ состоянїяхъ, и которыя кажутся несносными, когда мы перемѣнимъ родъ жизни. Смѣшно то, что люди отказавшїеся отъ свѣта входятъ въ происки и въ дѣла свѣтскїя, и оставляютъ при себѣ поступки свѣтскихъ людей; хвастаются посѣщенїями и хорошимъ знакомствомъ, выдаютъ себя любовниками и красавцами. Они не разсуждаютъ, что все это дѣлаетъ ихъ презрительными, и когда они оборотятся спиною, то называютъ ихъ сумасшедшими. Я тоже самое скажу о молодыхъ людяхъ, имѣющихъ безстыд-

ныя лица, старающихся излишно веселять къ себѣ любовь, и говорящихъ съ чрезвычайно великою вольностїю о такихъ матерїяхъ, которыя имъ совсѣмъ не приличны. Всѣ удивляются, и весьма справедливо, видя ихъ въ ихъ лѣтахъ столь свѣдущими о такихъ вещахъ, которыхъ надлежало бы имъ совсѣмъ не знать; они должны помнить, что стыдливость и скромность есть ихъ удѣлъ. Они не могутъ иначе нравиться честнымъ людямъ, какъ только чрезъ оныя; слова слишкомъ вольныя, какъ бы они сокрыты ни были, оскорбительны чрезвычайно: хотя ихъ ласкатели и хвалятъ иногда оныя въ ихъ присутствїи, но вѣрно дѣлаютъ язвительныя насмѣшки, когда свободно открываютъ свои о томъ чувствованїя.

Что ты скажешь о тѣхъ женщинахъ, подхватилъ Евфимїй, которыя поставляютъ свою честь въ волокитствѣ, и на семъ основываютъ свое достоинство? Я взираю на нихъ, отвѣчалъ Ѳеогенъ, съ величайшимъ презрѣнїемъ, и не понимаю, какимъ образомъ не стыдятся онѣ показывать

себя въ публикѣ. Испорченность вѣка, и великое ихъ число не извиняетъ ихъ, и благовидныя наименованія, даемыя имъ, не уменьшаютъ безчестности ихъ обращеній; ибо естьли бы вмѣсто того, чтобъ сказать, это любовница такого-то, называли ихъ тѣмъ именемъ, которое онѣ заслуживаютъ, онѣ бы ужаснулись сами себя.

Я думаю, присовокупилъ Евфимій, что ты не болѣе будешь хвалить тѣхъ молодыхъ развратниковъ, которые считаютъ для себя достоинствомъ свое распутство, которые вооружаются противъ Бога, и которые стыдились бы сами себя, естьли бы еще имѣли въ себѣ нѣкоторые знаки благоговѣнія, каковое внушить имъ прилагаемо было стараніе. Они бы не стали говорить того, что говорятъ, отвѣчалъ Ѳеогенъ, ежели бы знали, какія дурныя дѣйствія производятъ ихъ разговоры между честными людьми: лучшіе ихъ пріятели тѣмъ скучаютъ, даже самые тѣ, которые живутъ, какъ они, не болѣе за то имѣютъ къ нимъ почтенія, и меньше на нихъ полагаются, нежели на людей

праводушныхъ. Хотя кто и признается чистосердечно, что онъ безбожникъ, не страшась обезчестить себя тѣмъ, однакожъ говоря сіе самымъ отважнымъ образомъ, не желаетъ, чтобъ вѣрили ему въ томъ, онъ дѣлаетъ сіе искренное признаніе съ тѣмъ, дабы оправдать себя.

Я еще имѣю нѣсколько сомнѣній предложить тебѣ о сей матеріи, о которой говоримъ, сказалъ Евфимій, послѣ чего мы уйдемъ; ночь уже приближается, и я боюсь, чтобъ не быть тебѣ въ тягость. Считаешь ли ты, что достойный человѣкъ долженъ безпокоиться людскими толками? Не надобно никогда дѣлать того, отвѣчалъ Ѳеогенъ, чтобы заслуживало общественное нареканіе: должно честному человѣку всегда быть одинакову; а когда мы дѣлаемъ то, что надлежитъ, то надобно дать свободу людямъ говорить, что хотятъ. Не должно также льстить себѣ, чтобъ всѣ хвалили наше поведеніе, хотя мы ничего не дѣлаемъ, что бы могло быть охуждаемо. Алцибіадъ былъ такого же почти мнѣнія, которое

я тебѣ сказалъ; онъ купилъ собаку за семь тысячь драхмъ, купя, приказалъ отрубить ей хвостъ, и пустить бѣгать. Придворные его, будучи удивлены его поступкомъ, сѣтовали, что онъ испортилъ такую прекрасную собаку. Алцибїадъ только разсмѣялся и сказалъ: я знаю вкусъ народа, онъ страненъ, надобно, чтобъ онъ безпрестанно ропталъ, и я весьма радъ, что подаю ему только пустыя причины, чѣмъ заниматься.

Когда сѣтуютъ понапрасну, сказалъ Евфимїй, то что должно дѣлать? Надобно утвердить себя въ своихъ добрыхъ намѣренїяхъ, отвѣчалъ Θеогенъ, и тѣмъ не совращаться съ своего пути. Человѣкъ, котораго упрекаютъ тѣмъ, чего онъ не сдѣлалъ, не болѣе долженъ оскорбляться, какъ естьли бы ему говорили, что онъ боленъ, когда онъ здоровъ.

Примѣть еще и то, присовокупилъ онъ, что сѣтующїе и охуждающїе дѣла другихъ обыкновенно не бываютъ честные люди; тѣ, коихъ совѣсть угрызаетъ самымъ жесточайшимъ образомъ,

первые начинают порицать поведеніе всего свѣта, но ихъ должно оставлять при ихъ маломъ достоинствѣ. Я очень мало забочусь, сказалъ одинъ благоразумный, о томъ, что думаютъ обо мнѣ развращенные люди, которыхъ правила и языкъ всегда сопряжены съ пороками ихъ жизни, я не такимъ людямъ желаю нравиться. Естьли бы Катонъ, присовокупилъ онъ, естьли бы мудрый Леліусъ, естьли бы другой Катонъ, естьли бы два Сципіона говорили обо мнѣ дурное, я бы дѣйствительно огорчился; но люди, потерявшіе честность и совѣсть, порицаютъ меня, это меня не безпокоитъ.

Я нахожу таковыя чувствованія весьма хорошими и достойными честнаго человѣка, отвѣчалъ Евфимій; однакожъ, я думаю, надобно много употреблять старанія, чтобъ поставить себя на хорошую ногу въ свѣтѣ, и пріобрѣсть доброе имя. Ты правду говоришь, сказалъ Θеогенъ, доброе имя есть родъ дани, которою мы должны добродѣтели. Лукреція, умирая, говорила, что она съ удовольствіемъ лишается жизни;

но она желала бы, чтобъ потомство отдало справедливость ея добродѣтели. Она присовокупила, что имѣетъ двухъ свидѣтелей своей невинности, кровь свою предъ людьми и свой духъ передъ Богами. Хотя доброе имя зависитъ отъ своенравія людей, которые даютъ его, и отнимаютъ, какъ имъ угодно; но всегда должно дѣлать то, чрезъ что можно пріобрѣсть оное, и отвращать всякой поводъ къ злословію; не должно однакожъ, чтобъ это одно было побужденіемъ нашей добродѣтели. Софисты были въ особенности злодѣи, и дѣлали добро только на зрѣлищахъ; а я не люблю такой чрезмѣрной жадности къ славѣ, для меня лучше быть по вкусу пятерыхъ или шестерыхъ честныхъ людей, имѣющихъ справедливую разборчивость, нежели нравиться множеству глупцовъ, которые судятъ наизворотъ.

Молодой Плиній твоего мнѣнія, прервалъ Евфимій, онъ чрезвычайно былъ тронутъ смертію одного изъ своихъ друзей, имѣвшаго великое достоинство. Я потерялъ Корнелія, сказалъ онъ, сіе нещастіе для меня тягостно; я со-

жалѣю о его зломъ рокѣ, по любви къ нему и по любви къ самому себѣ; ибо не стало у меня одного достойнаго свидѣтеля моей жизни. Большая часть людей столько злостны, что не хотятъ отдавать справедливости истинному достоинству, или не имѣютъ столько разума, чтобъ его узнавать. Отказывать въ почтенїи особѣ, которая заслуживаетъ оное, присовокупилъ Ѳеогенъ, есть дѣйствїе подлой злобы. Думаешь ли ты, сказалъ Евфимїй, что должно много хвалить людей великаго достоинства? Ихъ характеръ, отвѣчалъ Ѳеогенъ, столь великъ, и они гораздо выше всего того, что можно объ нихъ сказать, такъ что, естьли говорить объ нихъ много, то это будетъ помрачать ихъ славу, должно оное дѣлать только слегка.

Признаюсь тебѣ, для меня досадно, когда слышу, что нѣкоторые люди безпокоятся, выхваляютъ великаго проповѣдника, плѣняющаго двадцать лѣтъ Дворъ и все государство, и на первыхъ говорятъ ежеминутно, что онъ сказываетъ проповѣди хорошо. Я не больше

прощаю и тѣмъ, которые съ жаромъ утверждаютъ, что сей неподражаемый сочинитель, выпустившїй въ свѣтъ весьма прекрасныя проповѣди, и много другихъ хорошихъ книгъ, говоритъ прїятно. Это справедливо, что штиль его есть образецъ хорошаго языка, такъ какъ и вся его особа примѣръ истиннаго достоинства, но онъ не имѣетъ нужды въ защитникахъ. Столько же люблю, когда толкуютъ, что Цицеронъ, человѣкъ великаго ума, и Виргилїй отмѣнный стихотворецъ. Это такїе извѣстные умы, которые столь превыше обыкновенныхъ, что нужно только наименовать ихъ, и они довольно будутъ похвалены.

Человѣкъ, имѣющїй истинное достоинство, долженъ ли означать своими дѣянїями, что онъ нѣсколько доволенъ собою, спросилъ Евфимїй? Естьли бы онъ сталъ показывать надменность, и хотя малѣйшую гордость, отвѣчалъ Ѳеогенъ, онъ бы заслуживалъ только презрѣнїе, какое бы достоинство ни имѣлъ. Надобно, чтобъ всѣ его чув-

ствованія были смиренномудренны, и чтобъ онъ самъ избѣгалъ во всѣхъ случаяхъ виду тщеславія и довольства. Сверхъ сего, любезный Евфимій, есть-ли ты хочешь, чтобъ я говорилъ тебѣ искренно, до какой бы точки совершенства мы ни достигли, всегда находится въ насъ тысяча несовершенствъ, которыя въ равновѣсіи съ тѣмъ, что имѣемъ хорошаго. Дабы утѣшить себя, сказалъ Евфимій, должно смотрѣть на себя съ хорошей стороны, и отвращать взоры отъ того, что можетъ унижать насъ.

Надобно быть въ разсужденіи себя справедливыми, отвѣчалъ Ѳеогенъ, и знать, каковы мы дѣйствительно. Должно приносить благодареніе небу, что оно даровало намъ нѣчто такое, которымъ мы возвышаемся предъ прочими людьми, но для сего самаго не надобно цѣнить себя больше. Тѣ, кои хорошо знаютъ себя, мало уважаютъ свое достоинство; и когда кто разбиралъ до основанія бѣдствіе человѣческое, онъ не захочетъ питать чувствованій гордости.

Мы появляемся на земли, какъ молнїя, которая продолжается одно мгновенїе, и сїе мгновенїе исполнено бѣдствїй, слѣдующихъ одни за другими. Для сего самаго, можетъ быть, мы начинаемъ жизнь свою плачемъ; и первое наставленїе, преподаваемое намъ отъ природы, есть научить насъ оплакивать злоключенїя, которымъ мы прирожденїи подвергаемся. Первыя лѣта мы проводимъ въ жалкомъ слабоумїи, переносимъ тысячу различныхъ болѣзней, будучи не въ состоянїи отвратить ихъ, ни требовать того, въ чемъ имѣемъ нужду: другаго утѣшенїя не знаемъ, какъ только плакать, вся выгода такого жалостнаго положенїя въ томъ, что тогда не достаетъ еще въ насъ разсудку, чтобъ чувствовать все бремя своихъ нещастїй. Лѣта совершенныя проходятъ въ заботахъ и безпокойствахъ объ устроенїи своего щастїя: мы колеблемъ свою жизнь безчисленными предпрїятїями, которыя часто кончатся ничѣмъ; а хотя и вкушаемъ иногда какїя удовольствїя, но прямыми никогда не наслаждаемся, горькость, отравляющая

ихъ, отнимаетъ у нихъ всю прïятность. Вотъ какъ протекаетъ вся наша жизнь, и мы почти нечувствительно приближаемся къ старости, въ которой возобновляются всѣ немощи младенчества. Въ сихъ послѣднихъ лѣтахъ мы не иное что въ свѣтѣ, какъ безполезное время; мы тутъ должны помышлять только о томъ, чтобъ оставить оной.

Шутишь что ли ты надо мною, прервалъ Евфимïй сердито? или хочешь говорить мнѣ проповѣдь? Мой нравъ въ разсужденïи сего довольно тебѣ извѣстенъ со времени происшествïя, случившагося со мною, когда я слышалъ при Дворѣ сего великаго проповѣдника, о которомъ ты теперь только говорилъ. Онъ такъ сильно перепужалъ меня, и столько досадилъ, что я съ того времени не смѣю подвергать себя подобному замѣшательству. Впрочемъ я прощаю тебѣ все, что ты мнѣ сказалъ, по причинѣ выраженïй, которыя ты употреблялъ, и можетъ быть, естьли бы всѣ проповѣдники такъ говорили прïятно, какъ ты, то я бы примирился съ ними. Но я употреблю ваши

выраженія, какъ давно разбирали вы до основанія бѣдствія человѣческія, и къ чему все это служитъ? Чтобъ лучше знать себя, любезный Евфимій, и отречься отъ гордости. Такъ какъ говорить о предкахъ человѣку низкаго состоянія, мечтающему о себѣ много, и приводить ему на память, изъ какого званія онъ произошелъ, есть средство, весьма дѣйствительное къ укрощенію его наглости; равномѣрно приводить на память людямъ, кто они таковы, есть средство весьма сильное къ укрощенію наглости въ душахъ надменныхъ.

Твое нравоученіе нѣсколько слишкомъ плачевно, сказалъ Евфимій, и ежели ты не остережешься, ты сдѣлаешься унылымъ; ты, которой считался самымъ веселымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Я вижу, что продолжительная твоя болѣзнь заставляла тебя дѣлать много разсужденій о другой жизни. Скажи мнѣ правду, боялся ли ты смерти? Весь свѣтъ долженъ ее бояться по многимъ причинамъ, отвѣчалъ Ѳеогенъ, и въ этомъ случаѣ не служитъ ни къ

чему хвастаться ложною неустрашимостію. Самые храбрые люди, показавшіе много мужества въ различныхъ случаяхъ, съ трудомъ остаются неустрашенными, когда хладнокровно взираютъ на смерть; по тому что оное чувствованіе всѣмъ свойственно. Я не говорю однакожъ, чтобъ я боялся очень, и еще, чтобъ я не былъ такъ тщеславенъ, какъ Монтань, которой увѣрялъ, что онъ не раскаивался ни въ чемъ, что сдѣлалъ въ продолженіи своей жизни, хотя имъ довольно сдѣлано такого, которое не слишкомъ похваляется отъ всѣхъ. Я признаюсь тебѣ, что довольно сохранялъ свое спокойствіе въ то время, когда думалъ, что оставалось мнѣ жить только одно мгновеніе; а дѣланныя мною тогда размышленія произвели то, что меня не могутъ столько трогать, какъ прежде, безчисленныя вещи, коими утѣшаются люди нашихъ лѣтъ.

Два дни тому назадъ, я читалъ въ жизни одного Императора весьма сходное съ тѣмъ. Что ты говоришь, подхватилъ Евфимій; онъ провелъ всю

свою жизнь въ войнахъ, и былъ всегда очень щастливъ. Послѣ многихъ побѣдъ онъ боялся, чтобъ успѣхи его не ослѣпили, и для того приказалъ показывать себѣ всякой день урну, въ которой по смерти должно положить его прахъ. Вотъ, твердилъ онъ, воздыхая, чѣмъ кончится вся слава Императора, которой всегда побѣждалъ.

Таковое его разсужденіе мнѣ очень нравится, сказалъ Ѳеогенъ, потому что оно основано на истиннѣ: и мы должны заключить, что какія бы достоинства мы не имѣли, какъ бы щастіе намъ ни благопріятствовало, и на какую высокую степень мы бы ни были возведены по природѣ своей или по должностямъ, намъ не надобно никогда мечтать много о себѣ; каковое чувствованіе кротости не можетъ обитать, какъ только въ доброй душѣ, и оно есть знакъ истиннаго достоинства.

Конецъ втораго разговору.

ОСЛѢПЛЕНІЕ.

Разговоръ третій.

Одинъ изъ друзей Евфимія и Ѳеогена приказалъ построить весьма прекрасный домъ въ сосѣдственной имъ деревнѣ. Когда убрали совершенно, то просили многихъ знатныхъ особъ изъ Парижа, и изъ окрестности, пріѣхать въ сей домъ. Такъ какъ хозяинъ его человѣкъ очень пышный и обходительный, то онъ далъ всей компаніи праздникъ, состоящій изъ игоръ, музыки, зрѣлищъ и изъ всѣхъ увеселеній, какія только можно имѣть въ деревнѣ, которая не въ дальномъ разстояніи отъ Парижа.

Евфимій и Ѳеогенъ были приглашены на сей праздникъ; имъ показали весь домъ въ розбивку, представили сдѣланные рисунки для украшенія его и для заведенія садовъ и насыпей. Они сказывали свои мысли обо всемъ, что имъ было предлагаемо, и сказывали ихъ со всею проницательностію и со всею

скромностїю, какїя только имѣютъ люди не тщеславящїеся ничѣмъ.

Компанїя при семъ праздникѣ была отмѣнна и многочисленна; не щадили ничего для ея увеселенїя, и не было никого, кто бы не казался весьма доволенъ прїятностїю мѣста и великолѣпїемъ стола. Когда все кончилось, Евфимїй и Ѳеогенъ распрощались со всѣми, и сѣвши одни въ карету, поѣхали домой.

Какъ они съ давняго времени стараются узнавать то, что можетъ нравиться въ свѣтскомъ обращенїи, то они много размышляли о различныхъ характерахъ людей, которыхъ видѣли, и пересказывали безъ околичностей одинъ другому сдѣланныя заключенїя. Они тщились замѣтить въ однихъ тѣ сокровенныя прїятности и нѣжную привлекательность, по которымъ нравится человѣкъ съ перваго разу всѣмъ, кто можетъ смотрѣть на него безъ зависти; въ другихъ, которые не нравятся, замѣчали они, я не знаю, нѣчто такое, которое дѣлаетъ ихъ непрїятными. Хотя сего рода люди въ знати, хотя

всегда въ большомъ свѣтѣ, но неимѣютъ они той пріятности въ словахъ и поступкахъ, которая отличаетъ обходительнаго человѣка отъ другихъ; всегда находится въ ихъ особахъ нѣчто худо расположенное, а то, что они имѣютъ хорошія качества, производитъ въ нихъ высокое о себѣ мечтаніе. Они кажутся слишкомъ ослѣплены своимъ достоинствомъ, и это ослѣпленіе дѣлаетъ ихъ смѣшными.

Я очень давно, сказалъ Евфимій Ѳеогену, нетерпѣливо желалъ узнать Дамиса, искалъ его вездѣ, и не могъ еще видѣть его, какъ только мимоходомъ и во множествѣ. Все, что я ни слышалъ объ немъ, раждало во мнѣ желаніе быть въ числѣ его друзей; я разсматривалъ его съ великимъ вниманіемъ, нашелъ его совершенно по моимъ мыслямъ, и признаюсь тебѣ чистосердечно, что все объ немъ говоренное не сравненно ниже того, что онъ заслуживаетъ.

Какъ я радъ, любезный Евфимій, подхватилъ Ѳеогенъ, что вижу въ тебѣ благоразумныя и добродѣтельныя мысли!

Я бы былъ въ великой досадѣ, естьли бы нашелъ тебя удобнымъ къ той подлой злости, примѣченной во многихъ людяхъ, которые вдругъ устремляются на обезславленіе честнаго человѣка, имѣющаго доброе имя, и которые не могутъ простить ему его достоинства. Съ которой стороны ни посмотри на Дамиса, онъ все имѣетъ, что нужно, дабы отличить себя въ свѣтѣ, сдѣлать свое щастіе, и быть пріятнымъ въ ономъ.

Но повѣришь ли ты, что я не меньше почитаю Клеонта, которой тебѣ показался хорошаго нраву? Какъ ни любезенъ Дамисъ, а другой имѣетъ веселой характеръ, возвышающій все, что онъ говоритъ, и что оставалось бы ни чѣмъ, ежели бы другой говорилъ. Это правда, отвѣчалъ Евфимій, я также, какъ ты, удивлялся тонкости его ума и нѣкоторой гибкости; посредствомъ коей принимаетъ онъ всѣ виды, какіе хочетъ, сообража́ясь различнымъ обстоятельствамъ. Все пріятно, что только онъ думаетъ, даже въ тонѣ его голоса есть нѣкоторое особенное

согласіе. Я никогда ничего не слыхивалъ, чтобы столько понравилось мнѣ, какъ его разсказываніе, заслужившее одобреніе отъ всей компаніи. Мнѣ извѣстны уже были нѣкоторыя обстоятельства сей исторіи, но я не думалъ, чтобъ особа, о которой говорятъ, могла вести себя такимъ образомъ.

Не должно сему удивляться, подхватилъ Θеогенъ; лице, которое она играетъ въ свѣтѣ, поставляетъ его въ безопасности отъ всякаго подозрѣнія; а герой этой любовной повѣсти человѣкъ весьма низкаго происхожденія, и столь мало чести дѣлаетъ госпожѣ, что она употребила величайшее стараніе, дабы скрыть всѣ обстоятельства сего происшествія. Надобно, чтобъ какой нибудь духъ внушилъ ихъ Клеонту, перервалъ Евфимій, ибо онъ ихъ знаетъ даже до самыхъ малѣйшихъ подробностей; и я думаю, онъ прибавилъ еще и отъ себя нѣсколько новыхъ украшеній, которыя дѣлаютъ совершенною эту исторію. Но обратимся къ тому, о чемъ мы говорили, продолжалъ онъ, хотя много было честныхъ и

весьма прїятныхъ людей въ томъ мѣстѣ, откуда ѣдемъ, но надобно признаться, что Клеонтъ и Дамисъ помрачили большую часть другихъ.

Тутъ были иные такїе, сказалъ Ѳеогенъ смѣючись, которыхъ не очень трудно было помрачить, не смотря на то, что они отличнаго званїя и чина, и что много думаютъ о своемъ высокоумїи. Примѣтилъ ли ты ту молодую особу, которая держала себя весьма прямо, которая обворожена своими голубыми глазами, и бѣлокурыми волосами, и которая знаетъ твердо, что она пригожа? Видно довольно изъ всѣхъ ея поступокъ, что она сїе твердо знаетъ, подхватилъ Евфимїй, но видно также и то, что она только это и знаетъ; едва можетъ она промолвить два слова, не производя ими жалости. Всѣ ея ласкатели расчивились было, насказали ей множество вѣжливостей и прїятныхъ выраженїй, но это не трогаетъ ее; она въ отвѣтъ на все смѣется тебѣ въ глаза, нѣжится глупо, вертитъ опахаломъ, и поправляетъ безпрестанно свой головной уборъ.

Въ этомъ мать ея невиновата, прервалъ Өеогенъ; я не знаю во всемъ государствѣ женщины свѣдущѣе ея или разумнѣе; она все дѣлаетъ, что только можетъ, для наученія своей дочери. Она связываетъ ее нѣсколько излишно, отвѣчалъ Евфимій, держитъ въ принужденности, которая стѣсняетъ ея способности, и потушаетъ совсѣмъ въ ней разсудокъ. Эта бѣдная дѣвица не смѣетъ глазъ поднять, не смѣетъ поклониться, не испрося на то позволенія; и когда отвѣтствовано ей да или нѣтъ, то ищетъ она на лицѣ своей матери одобренія или охужденія тому, что сдѣлала; потому что мать смотритъ на нее суровыми или ласковыми глазами, какъ ей когда за благо разсудится.

Нѣтъ ни одного человѣка, которой бы не былъ въ чемъ ослѣпленъ; женщины стараго времени, выдающія себя цѣломудренными, думаютъ, что не можно быть слишкомъ строгимъ; а таковая чрезмѣрная строгость, которою они ослѣплены, часто производитъ дурныя послѣдствія, она повреждаетъ молодые умы, кои становятся отъ того

слишкомъ боязливы, и чрезвычайно ненадежны на самихъ себя. Для сего-то они обыкновенно имѣютъ видъ стыдливый и принужденный, такъ что самая бездѣлица приводитъ ихъ въ замѣшательство.

Сказать тебѣ искренно, примолвилъ Ѳеогенъ, я прощаю молодости гораздо охотнѣе все то, что теперь тобою упомянуто, нежели излишнее высокомѣрїе и глупую надменность, которая есть знакъ смѣшной гордости. Сїи высокомѣрные мнятъ быть любезнѣе, возвышая себѣ цѣну, но вмѣсто того дѣлаются презрительными. Которые показываютъ, что довольны сами собою, тѣми вѣрно мало другїе довольны; а чтобъ получить одобренїе отъ всѣхъ, то не надобно скоро удостовѣрять себя, что мы заслуживаемъ оное. Это правда, подхватилъ Евфимїй, что ничто столько непротивно, какъ то высокое мнѣнїе, каковое нѣкоторые люди показываютъ во всемъ къ нимъ относящемся; они ищутъ радостныхъ восклицанїй, какъ скоро скажутъ какую бездѣлицу, и пренебрегаютъ тѣмъ, что

говорятъ другіе. Кажется, что все покорено самовластію ихъ рѣшеній, и они никому не оказываютъ своего благоволенія.

Это не есть способъ нравиться, примолвилъ Ѳеогенъ. Сколько не должно рукоплескать дурачествамъ, какъ безчисленно многіе дѣлаютъ, столько напротивъ надлежитъ уважать, что заслуживаетъ быть уважаемо. Не льзя удержать себя, чтобъ не чувствовать негодованія на тѣхъ людей, которые мнятъ, что все достоинство свѣта заключается въ ихъ особѣ. Кто умѣетъ жить, или кто бывалъ часто во Дворцѣ, прервалъ Евфимій, тотъ не такъ легко впадаетъ въ такія сумозбродства; чрезъ всегдашнее обхожденіе съ особами, кои въ уваженіи, мы нечувствительно пріучаемъ себя къ чувствованіямъ не столько горделивымъ. Живущіе въ провинціяхъ удобнѣе дѣлаются надменными, когда мыслятъ, что имѣютъ нѣкоторое достоинство. Они воображаютъ, что они всегда окружены толпою людей, которые имъ льстятъ, и ихъ обожаютъ. Дѣвица въ деревнѣ какъ скоро имѣетъ

бѣлый цвѣтъ лица, и хорошія руки, почитаетъ себя царицею красотъ. Я увѣряю тебя, любезный Евфимій, сказалъ Ѳеогенъ, что Парижскія дѣвицы въ разсужденіи сего одинакого вкусу съ провинціальными; то, что они прекрасны, вперяетъ имъ слишкомъ много высокаго о себѣ мечтанія.

Какъ бы прекрасна ни была женщина, отвѣчалъ Евфимій, и какое бы владычество ни имѣла надъ сердцами тѣхъ, которые ищутъ въ ней, она не должна то употреблять во зло, ни дѣлать безразсудныя требованія. Это обыкновенный порокъ красавицъ, онѣ думаютъ, что нѣтъ жертвы, которой бы не должно было для нихъ сдѣлать. Онѣ ласкаются, что всѣ мущины, видя ихъ, становятся влюбленными въ нихъ, онѣ часто принимаютъ на свой счетъ томленія и вздохи, которыхъ совсѣмъ не онѣ причиною.

Красавицамъ, подхватилъ Евфимій, я прощаю мнѣніе о себѣ, что ихъ любятъ, и что должно все дѣлать въ угодность ихъ: ибо красота, какъ говоритъ нѣкто остроумный, несравнен-

но важнѣе, нежели всякїя рекомендательныя письма. Не могу простить тѣмъ, которыя не имѣютъ никакой прїятности, но цѣнятъ себя также дорого, и ищутъ, какъ другїя, владычества надъ сердцами. О! подлинно, примолвилъ Евфимїй, ты очень забавенъ съ своимъ разсужденїемъ; естьли въ свѣтѣ хотя одна женщина, которая не находила бы въ себѣ красоты? Или по крайней мѣрѣ, ежели принуждена бываетъ признаться въ несовершенствѣ красоты своей, она считаетъ всегда, что довольно имѣетъ прелестей, чтобъ заслужить обожателей; потому что мы не отдаемъ себѣ справедливости, и не хотимъ ничего видѣть, что можетъ заставить насъ менѣе думать о себѣ.

Какъ бы кто ни былъ лишенъ хорошихъ качествъ, и какъ бы кто скареднымъ ни казался, но онъ не совсѣмъ скареденъ, онъ всегда имѣетъ нѣчто, я не знаю, не такъ противное, и это самое дѣлаетъ его довольнымъ. Мы бы не въ состоянїи были утѣшить себя, естьли бы ничего не имѣли въ себѣ прїятнаго, а что не всѣми прїят-

ностями снабжены, въ разсужденіи этого мы утѣшаемъ себя. Женщина, имѣющая большой и нестройной ротъ, не станетъ жаловаться на это безобразіе, только чтобы была какая нибудь пріятность въ ея глазахъ. Ежели она слишкомъ сухощава и отвратительна, но имѣетъ прекрасный станъ, она не будетъ о томъ безпокоиться. Ежели чрезвычайно дородна и тучна, такъ что тошно смотрѣть, она поставитъ это себѣ въ достоинство, когда ласкатели ея будутъ ей говорить, что все оное къ ней идетъ, и что она имѣетъ видъ знатныхъ.

Это правда, сказалъ Ѳеогенъ, что мы всегда очень замысловаты въ томъ, чтобъ обманывать себя самихъ, мы разсматриваемъ себя съ хорошихъ сторонъ, и стараемся показывать себя единственно съ оныхъ. Хотя мы довольно увѣрены, что тысяча недостатковъ въ насъ находится, но тѣмъ не огорчаемся; потому что считаемъ, что они вознаграждены другими совершенствами, которыя имѣемъ. Мы

еще больше льстимъ себѣ, присовокупилъ онъ, въ разсужденіи талантовъ ума, нежели въ разсужденіи наружныхъ пріятностей: бывалъ ли когда нибудь сочинитель столь ни къ чему годной, которой бы не имѣлъ снисхожденія къ своему достоинству? Находится ли во всемъ корпусѣ стряпчихъ такой обезславленной, которой бы не любовался собою, когда говоритъ судъ, и не искалъ бы въ глазахъ своихъ слушателей похвалъ, въ коихъ отказываетъ ему весь свѣтъ? Я никогда не позабуду того, что случилось съ однимъ человѣкомъ, говорившимъ нѣкогда проповѣдь въ Парижѣ предъ Королевою. Ему измѣнила память, онъ едва въ состояніи былъ окончить свою проповѣдь при величайшемъ затрудненіи, и пожелать слушателямъ вѣчной славы. Какъ я имѣлъ съ нимъ нѣкоторое знакомство, то по окончаніи его дѣйствія зашелъ къ нему въ комнату болѣе съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ утѣшить его, нежели поздравить; но я былъ чрезвычайно удивленъ, увидя сего человѣка, пересказывающаго лучшія мѣста своего слова, и ни сколь-

ко неогорчающагося о приключившемся ему нещастіи.

Изъ всего этого довольно видно, сказалъ Евфимій, что мы весьма много обманываемся въ своемъ достоинствѣ, но за то довольно и наказываемся; ибо вмѣсто того чтобъ пріобрѣсть почтеніе отъ публики, чрезъ всѣ тѣ глупыя снисхожденія, которыя имѣемъ къ самимъ себѣ, мы становимся смѣшными, показывая себя притворно такими, каковы мы не бываемъ, и употребляя слишкомъ великія старанія, чтобъ скрыть недостатки, которые сами бросаются всѣмъ въ глаза. Въ этомъ состоитъ искуство безобразныхъ женщинъ, онѣ думаютъ понравиться посредствомъ своихъ уборовъ и богатыхъ платьевъ; но отступаютъ отъ своего расчету очень далеко, блескъ ихъ наряду обнаруживаетъ еще болѣе ихъ безобразіе.

Знаешь ли ты, отвѣчалъ Θеогенъ, что сдѣлалъ Аристиппъ съ однимъ весьма безобразнымъ человѣкомъ? Я ни малѣйшаго понятія о томъ не имѣю, сказалъ Евфимій, и ты одолжишь меня,

ежели разскажешь. Аристиппъ обѣдалъ нѣкогда у сего человѣка, о которомъ говорю, онъ былъ богатый государственный Казначей въ Сициліи. Передъ обѣдомъ они прохаживались вмѣстѣ по великолѣпному залу, гдѣ во всѣхъ сторонахъ сіяло злато. Аристиппъ оборотясь съ досадою къ своему государственному Казначею, плюнулъ ему въ лицо, и когда спросили у него причины такого страннаго поступка, то онъ съ холодностію отвѣчалъ, что во всемъ домѣ не было ничего хуже, какъ лице хозяина.

Подлинно, примолвилъ Евфимій смѣючись, это пахнетъ нѣсколько Циническою его философіею, и значитъ простирать весьма далеко неучтивство. Я бы не хотѣлъ, чтобъ увидя дурную женщину, слишкомъ богато одѣтую, плевали ей въ лицо, какъ сдѣлалъ Аристиппъ; это было бы безчестно и грубо въ высочайшей степени: а ежели бы я былъ отецъ или мужъ дѣвицы или женщины безобразной, я бы, думаю, придерживался нѣсколько Лизандрова нраву. Лизандръ былъ славный Полково-

децъ, котораго разумъ и достоинства равнялись мужеству. Онъ имѣлъ дочерей весьма непригожихъ, имъ подарили матерїй и великолѣпныхъ платьевъ, и онъ запретилъ имъ строжайшимъ образомъ носить оныя; потому что, говорилъ онъ, таковыя знатныя украшенїя заставятъ смотрѣть на васъ больше, иначе тѣ, которые увидятъ васъ въ скромномъ платьѣ, станутъ замѣчать такъ пристально.

Нравъ твоего воина, отвѣчалъ Ѳеогенъ, былъ бы несносенъ для большой части нашихъ госпожъ; онѣ всегда хотятъ быть наряжены, какъ идолы, а есть изъ нихъ и такїя, которыя одѣваются, на подобїе кокетокъ, такъ что люди хорошаго вкусу тѣмъ гнушаются. Та, которая играла на билїардѣ съ Дамисомъ, всегда наряжается, будто комедїанка; она открываетъ свою шею слишкомъ безстыдно, и кавалеръ гораздо болѣе соблюдалъ благопристойности, нежели дама. Это правда, подхватилъ Евфимїй, я узналъ, какого она свойства, по исторїи, ею пересказанной; она вмѣшивала тутъ такїя выраженїя, ко-

торыя чисто означали кокетство. Я думаю, что она все съ намѣренїемъ говорила, она восхищалась поминутно прекрасными своими выдумками. И имѣла причину, сказалъ Ѳеогенъ, потому что никто не хотѣлъ взять на себя труда поблагодарить ее. Безстыдныя ухватки приличны только людямъ ни къ чему годнымъ, а къ знатной госпожѣ ни мало нейдутъ.

Надобно однакожъ, присовокупилъ онъ, избѣгать и другой крайности, въ которую вдаются молодые люди, ничего въ свѣтѣ невидавшїе; они пристращаются къ молчаливости совершенно глупой и дикой; учтивости заставляютъ ихъ краснѣть, и они не отвѣчаютъ на оныя, какъ только грубостїю, они слишкомъ чинны, ничего незначащее слово, имъ сказанное, приводитъ ихъ въ досаду. Не всегда должно показывать видъ, что все слышишь, ниже досадовать на людей, кои стараются понравиться; напротивъ надобно всегда остерегаться отъ поступокъ слишкомъ вольныхъ, и отъ чинности слишкомъ рачительной.

Они впадаютъ въ сей порокъ, сказалъ Феогенъ, отъ малаго обращенія въ свѣтѣ, или отъ глупой простоты, или по причинѣ грубаго и подлаго воспитанія. Мы не знаемъ, что имъ говорить, и какую матерію начать, чтобъ они вступили въ разговоръ, такъ сжатъ ихъ разумъ. Клеонтъ насказалъ тысячу забавныхъ и замысловатыхъ словъ одной изъ тѣхъ особъ, о которыхъ мы говоримъ; она стояла поджавши руки накресть, какъ невинность, и не отвѣчала ничего, или когда и говорила, то голосомъ томнымъ, глупымъ и принужденнымъ, которой дѣлалъ ее весьма смѣшною. По причинѣ своего пригожства она считаетъ, что довольно только показать себя, какъ большую снѣжную статую, и что ея румянецъ и бѣлизна должны доставить ей преимущество предъ всѣми прочими.

Слабость мущинъ, подхватилъ Евфимій, даетъ имъ это преимущество; они всегда были въ обманѣ у красавицъ. Покойный Маршалъ Грамонтъ, человѣкъ остроумный, былъ очень влюбленъ въ дѣвицу совершенно прекрасную, но полу-

умную, и не могъ терпѣть, чтобъ смѣялись надъ нимъ въ разсужденіи такого дурнаго выбору. Мы невсегда бываемъ властны въ своемъ выборѣ, присовокупилъ Ѳеогенъ, и часто не въ состояніи найти причину къ оправданію нѣкоторыхъ вкусовъ, кои кажутся весьма странны. Платонъ, которой былъ несравненно лучше Герцога, тобою упомянутаго, любилъ одну морщиноватую женщину, и чтобъ спасти себя отъ укоризнъ, какія ему дѣлали, говорилъ онъ, что любовь была сокрыта въ морщинахъ его любовницы.

Какъ ты одолжаешь меня, сообщая свѣдѣніе объ этомъ поступкѣ изъ жизни Платоновой, подхватилъ Евфимій! Я непремѣнно перескажу его знакомому мнѣ Кавалеру, которой до крайности влюбленъ въ одну особу весьма не пригожую; и надобно, чтобъ въ этой любви замѣшаны были какія нибудь выгоды, которыхъ не могу еще узнать. Это быть можетъ, сказалъ Ѳеогенъ, дамы награждаютъ иногда недостатки своей красоты другими прелестями. Ассиріане въ разсужденіи сего сохраняли

весьма прекрасную политику; они собирали всѣхъ молодыхъ дѣвицъ въ публичное мѣсто, продавали красавицъ за самую дорогую цѣну, за какую только могли, и отдавали сіи деньги тѣмъ, которые объявляли желаніе взять за себя дурныхъ.

Ежели бы этотъ обычай былъ еще и нынѣ въ употребленіи, говорилъ Ѳеогенъ смѣючись, то многія бы дѣвицы не томились, такъ какъ теперь, онѣ гораздо скорѣе могли бы быть пристроены; потому что въ нашемъ вѣкѣ выгоды такой же вѣсъ имѣютъ, какой красота. Но обратимся къ тому, о чемъ мы говорили. Сверхъ всѣхъ недостатковъ, упомянутыхъ нами, для меня труднѣе всего въ свѣтѣ сносить смѣшную нѣжность, которую замѣчаю ежедневно въ тысячѣ человѣкъ. Они думаютъ, можетъ быть, что это притворство пристало къ нимъ очень; я видалъ между ими такихъ, которыя въ продолженіи цѣлаго разговору не дѣлали больше ничего, какъ только жаловались на жары, и не говорили ничего другаго. Хотя они имѣютъ до-

родность и цвѣтъ лица, по которымъ можно судить, что онѣ совершенно здоровы; но вѣчно оправдываютъ себя нѣжностью своего сложенія, ипохондріею, и ломомъ въ головѣ, и наскучиваютъ всему свѣту разсказываніемъ, какое мученіе онѣ терпятъ. Что дѣлать въ такомъ случаѣ, подхватилъ Ѳеогенъ? это значитъ, что онѣ не имѣютъ ничего лучшаго сказать, наверстываютъ недостатокъ, чѣмъ могутъ; онѣ желаютъ, дабы мысляли всѣ, что глубокое ихъ молчаніе во время пріятнаго разговора есть дѣйствіе жестокой головной боли.

Но забавно то, онѣ говоря весьма часто, что они отмѣнно нѣжнаго сложенія, и что нездоровы, наконецъ удостовѣряютъ себя въ томъ, такъ что отъ того дѣлаются у нихъ иногда даже судороги. Ты приводишь мнѣ на память того Сибарята, у котораго, когда онъ смотрѣлъ на работниковъ, трудящихся въ его присутствіи, выходилъ потъ крупными каплями; также и того, которой, лежа весьма

роскошно въ пышной постелѣ, не моiъ снести жестокости двухъ или трехъ розавыхъ листочковъ, по нещастiю подъ него подвернувшихся. Оставя шутки, скажу, что нѣтъ ничего постыднѣе, какъ эта глупая нѣга, и что надобно, сколько возможно, убѣгать всякаго притворства.

Ты долженъ примолвить, подхватилъ Ѳеогенъ, что, дабы нравиться въ обращенiи съ лучшими людьми, должно убѣгать ослѣпленiя всякого роду; это такой камень, о которой претыкаются всѣ молодые Кавалеры, даже выдающiе себя людьми придворнаго обхожденiя. Они привыкаютъ принужденно къ толь страннымъ и безразсуднымъ поступкамъ, которыхъ не льзя удобно простить маленькимъ деревенскимъ дворянамъ, не выѣзжавшимъ никогда изъ своей провинцiи. Только бы имъ имѣть хорошiе зубы, хорошiе волоса, щегольскую одежду, и великолѣпный бантъ на шляпѣ, они почитаютъ уже себя Нарциссами, и мнятъ, что никакая дама неможетъ не пленить-

ся толь великимъ достоинствомъ. Ежели они танцуютъ пріятно, или знаютъ нѣсколько музыки, то танцуютъ и поютъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только бываютъ; и я вижу ежедневно такихъ, которые во время посѣщенія шаркаютъ только ногами, дѣлаютъ временно нѣкоторымъ образомъ прыжки, или пересказываютъ какую нибудь пѣсню. Они очень хорошо поступаютъ, подхватилъ Евфимій: это гораздо легче, нежели сказать что нибудь пріятное, которое бы понравилось компаніи благоразумныхъ людей. По крайней мѣрѣ они бы должны разсудить, что пѣніемъ и танцами, ежели продолжаютъ ихъ не малое время, они дѣлаютъ себя посмѣянія достойными.

Они еще бываютъ смѣшнѣе, присовокупилъ Ѳеогенъ, когда забираютъ себѣ въ голову мечты дворянства; они не говорятъ, какъ только о своей знатности, и ссылаются при всякомъ случаѣ на какого нибудь мужчину или на женщину своего дому. Что до меня касается, то я признаюсь, что жесто-

чайшее наказанїе терплю, когда бываю съ двоими или троими Кавалерами, коихъ ты знаешь также, какъ я; они всегда доведутъ разговоръ до того, чтобъ поговорить о своихъ предкахъ, но это достоинство очень не велико, которое состоитъ только въ томъ, что мы дворяне. Честной человѣкъ, какого бы онъ званїя ни былъ, всегда долженъ быть предпочтенъ всѣмъ тѣмъ знатнымъ глупцамъ, которые безпрестанно твердятъ о Графахъ, Маркизахъ и Герцогахъ, и присвояютъ себѣ всѣ добродѣтели своихъ предковъ. Ибо къ чему имъ служитъ благородная кровь, ежели имѣютъ душу крестьянскую? Къ чему имъ хвалиться славными дѣлами, которыхъ не производили? Одинъ молодой человѣкъ просилъ милости у Антигона за оказанныя государству его предшественниками заслуги; и Король отвѣчалъ ему весьма благоразумно, что его лѣта таковы, въ которыя онъ можетъ получать милости по своимъ собственнымъ заслугамъ, и что на сдѣланныя предками не надобно ему много надѣяться. Одни добродѣтели

составляютъ истинное благородство; и отъ какой бы знатной крови мы ни произошли, намъ всегда нужно имѣть кроткія чувствованія, и никогда не должно ослѣпляться и хвастаться своею знатностью.

Мнѣ кажется, сказалъ Евфимій, что еще ослѣпленіе въ любовныхъ дѣлахъ, и великое мужество, портятъ много молодыхъ людей, и способствуютъ къ приведенію себя въ посмѣяніе, по крайней мѣрѣ столько же, сколько мечты о знатности. Какъ скоро возмечтаютъ, что они храбры; то твердятъ сіе повсюду, пересказываютъ при всякомъ случаѣ свои военные подвиги. Мы совсѣмъ бываемъ заглушены производимымъ ими шумомъ, и принимаемъ уже ихъ за Героевъ; да и совѣстно не вѣрить, что они храбры, толь утвердительнымъ тономъ они о себѣ то пересказываютъ.

Они говорятъ съ такимъ же увѣреніемъ о своихъ удачахъ, сказалъ Өеогенъ; всегда у нихъ въ головѣ какое

нибудь свиданіе, и они оставляютъ тебя съ поспѣшностію. Я видаю такихъ, которые жалуются, что они слишкомъ любезны, и знаю между ими одного, которой перещеголялъ и самыхъ сумазбродныхъ. Онъ безпрестанно имѣетъ у себя въ сообществѣ людей, кои приносятъ поминутно къ нему письма, написанныя имъ самимъ по утру; письма сіи исполнены нѣжности и благосклонности дамъ, умирающихъ отъ любви; и онъ столько жестокъ, что оставляетъ ихъ всѣхъ умирать, потому что онъ выдаетъ себя безжалостливымъ, и говоритъ, что уже онъ соскучилъ своимъ щастіемъ. Онъ простираетъ свою наглость даже до того, что дѣлаетъ невѣжливости женщинамъ въ присутствіи другихъ; наконецъ онъ столько занятъ своими высокими качествами, что едва удостоиваетъ взора своего кланяющихся ему.

Досаднѣе всего, продолжалъ онъ, для меня то, что они при всѣхъ своихъ дурачествахъ выдаютъ себя за остроумныхъ людей; видъ имѣютъ

смѣлый и рѣшительный, и хотятъ, чегобъ по ни стоило, чтобъ имъ удивлялись, хотя и нѣтъ въ нихъ ничего удивительнаго. Забавно очень смотрѣть на нихъ, когда они между женщинами играютъ всякаго сорту роли, чтобъ обмануть ихъ или ослѣпить. Они сами себя грубо обманываютъ, сказалъ Евфимїй; чтобъ нравиться, то не надобно быть принужденнымъ, не надобно ни въ чемъ притворяться, и высокоумствовать, даже не надобно имѣть излишняго желанїя нравиться. Ты сказалъ очень хорошо, отвѣчалъ Ѳеогенъ, а дабы отплатить тебѣ тотчасъ, то скажу и я одно изъ тѣхъ правилъ, которыя очень по твоему вкусу; ежели бы наши господа поступали по нему, то не потребовалось бы болѣе ничто къ содѣланїю ихъ честными людьми. Притворство, въ какомъ бы случаѣ оно ни было, всегда влечетъ за собою весьма дурныя послѣдствїя: хотѣть показывать себя ученымъ, значитъ, представлять педанта; гоняться за всѣми новыми словами, услаждать свой голосъ и свое произношенїе, дѣлать ужимки,

поводить глазами, ради изъясненія обыкновенныхъ вещей, и стараться блистать, значитъ быть пріятнымъ посмѣшищемъ; упоминать при всякомъ случаѣ знатныхъ людей, съ которыми мы въ знакомствѣ, и упоминать ихъ при своихъ друзьяхъ не столь высокаго происхожденія, изображаетъ низкое тщеславіе, ни къ чему неслужащее. Разсудительные люди уважаютъ достоинство, а не примѣры: хитростью этою можно надежно улавлять глупцовъ, а честныхъ людей оскорбляетъ она до безконечности. Я бы желалъ всѣмъ такъ быть удаленнымъ отъ притворства, чтобъ даже никто не могъ замѣтить въ насъ любимаго слова, хотя бы оно употреблялось многими достойными людьми.

Не нужно ничего прибавлять къ этому правилу, оно заключаетъ въ себѣ все, что молодые люди должны дѣлать; а въ нихъ сыщешь ни сколько не менѣе пороковъ, нежели тамъ изъяснено. Оно многаго отъ нихъ требуетъ, подхватилъ Евфимій, не льзя ожидать,

чтобъ они во всемъ томъ исправились, они уже сдѣлали привычку, любятъ во всемъ пышные пріемы, какъ говоритъ одинъ изъ нашихъ Стихотворцевъ. Приведенное тобою правило исполнено прекрасныхъ наставленій и превосходныхъ мыслей: но нынѣ люди легкомысленны, они думаютъ, что одни малодостойные и слабоумные сохраняютъ всѣ сіи обряды. Что они хотятъ, то думаютъ, подхватилъ Өеогенъ, но такое высокое мечтаніе о себѣ всегда есть знакъ глупости и глубокаго невѣжества.

Ужъ ли ты не слыхалъ, какъ говорили о томъ щеголѣ, которой хотѣлъ нѣкогда биться объ закладъ, утверждая, что рѣка Сейнъ течетъ чрезъ Константинополь, потому что онъ читалъ въ комедіи Баязетъ, что Сейнъ есть въ Константинополѣ; или о томъ, которой глупо спрашивалъ, для чего Александръ В. будучи толико храбръ, не ходилъ сражаться съ Турками, дабы истребить это государство весьма пагубное для всѣхъ Христіанъ? Господа сіи, сказалъ Евфимій смѣючись,

оба не учились Географїи, Хронологїи и Исторїи, и не видятъ ясно во тьмѣ древности. Я бы также спросилъ съ Господиномъ Монт-Бозаномъ, для чего Цесарь, скончавшїйся въ Сенатѣ Римскомъ, умеръ безъ исповѣди, когда въ Римѣ такъ много священниковъ?

Не надобно требовать, подхватилъ Ѳеогенъ, чтобъ наши дворяне и придворные учились, такъ какъ Собронскїе Баккалаврїи; но есть вещи, встрѣчающїяся часто въ свѣтскомъ обращенїи, которыхъ не могутъ они не знать, не подвергая себя великому посмѣянїю. Они не должны вмѣшиваться въ сужденїя о сочиненїяхъ, ежели они ни сколько въ нихъ не свѣдущи. Гораздо охотнѣе прощаютъ человѣку, не говорящему ничего, нежели тѣмъ вѣртопрахамъ, которые дѣлаютъ рѣшенїя не кстати, охуждаютъ лучшїя мѣста, и одобряютъ дурныя безъ разбору и безъ порядка.

Невѣжество въ нашемъ вѣкѣ есть великое пятно; въ прежнїя времена дворяне поставляли его себѣ въ честь;

насказавши довольно дурачествъ, считали; что они уже отдѣлались, и говорили: это по кавалерски; а нынѣ не оставляютъ ихъ при томъ за столь дешевую цѣну. Не нужно однакожъ, чтобъ тщеславились слишкомъ великимъ знанїемъ; желанїе казаться чрезмѣрно учеными, дѣлаетъ ихъ болѣе смѣшными, нежели прїятными. Ежели только они основательно говорятъ о матерїяхъ, которыя свойственны людямъ ихъ характеру, то не должно больше того отъ нихъ требовать. Вотъ правило, совершенно имъ приличное; я думаю, ты одобришь его не меньше, какъ последнее. Есть люди, которые такъ безпорядочно мыслятъ о весьма хорошихъ вещахъ, и изъясняются объ нихъ съ такимъ смятенїемъ, что не льзя изъ того ничего узнать. Надобно порядочно мыслить и изъясняться съ точностїю, произносить прїятнымъ голосомъ, и сопровождать то, что говоримъ, свободными и непринужденными движенїями. Вотъ въ чемъ состоитъ свойство обходительности, усилившейся столько въ нашемъ вѣкѣ. Не нужно

чтобъ то, что мы говоримъ, было остро и блистательно; дабы нравиться слушающимъ насъ, то довольно, чтобъ мы говорили разумно, чтобъ говорили съ точностію и съ пріятностію.

Ты судишь объ этомъ по своимъ способностямъ, отвѣчалъ Евфимій, никто не имѣетъ такого дару, какъ ты, мыслить основательно, и изъяснять пріятно свои мысли. Тотъ, кто говоритъ разумно, кто говоритъ съ точностію и съ пріятностію, есть человѣкъ совершенный; и я бы желалъ имѣть лучше качества, заключающіяся въ семъ правилѣ, нежели все Аристотелево знаніе. Нѣтъ ничего затруднительнѣе и рѣже, какъ, говоря, не сказать ничего, что недолжно. Всегда почти молодые люди, говоря много, не сказываютъ ничего; все, что мы ни слышимъ отъ нихъ, не иное что есть, какъ звукъ, которой ударяетъ въ уши, и не оставляетъ ничего для размышленія. Они сказываютъ тысячу вещей, которыя заставляютъ объ нихъ сожалѣть, и за которыя должно бы наказать ихъ Мидасовою казнію. Когда

разсказывают имъ что нибудь, то они при малѣйшей бездѣлицѣ восклицают, и не чувствуютъ, что тутъ лучшее; вещи обыкновенныя кажутся имъ великими новостями, они возвышают ихъ съ глупою простотою и съ удивленiями, смѣхъ производящими. Они похожи въ этомъ, прервалъ Ѳеогенъ, на того бѣднаго Норвежца, который совершенно былъ изумленъ, какъ въ первый разъ увидѣлъ розы; онъ не смѣлъ притронуться къ нимъ, боясь, чтобъ не сжечь себѣ пальцевъ, и не могъ понять, что въ деревѣ содержится огонь.

Естьли бы они хорошо принимали поправленiя, когда скажутъ какое дурачество, подхватилъ Евфимiй, можно бы было имъ прощать; но они упорно защищаютъ всѣ свои сумазбродства, кричатъ съ замѣшательствомъ и безпорядкомъ, такъ какъ женщины, которыя не слушаютъ никогда, ежели правду имъ говорятъ, и всегда хотятъ брать верхъ посредствомъ великаго шуму. Такъ точно поступаютъ сiи

пылкіе умы, о которыхъ мы говоримъ; они не имѣютъ никакого снисхожденія къ тому, кто старается привести ихъ на истинный путь, и показать имъ, что они заблуждаютъ. Не надобно бы щадить ихъ такъ много, сказалъ Ѳеогенъ, и хорошо бы было говорить имъ всегда что нибудь разительное, которое бы заставляло ихъ чувствовать, что они не имѣютъ разума. Не должно однакожъ дѣлать это въ намѣреніи грубить имъ, или подвергать ихъ еще большему презрѣнію, но единственно изъ сожалѣнія, каковое имѣемъ о ихъ заблужденіяхъ. Ихъ не можно исправить, подхватилъ Евфимій, никто ничего не возметъ у этаго роду умовъ ни ласкою, ни жестокостію; и я такого мнѣнія, что надобно оставить ихъ на произволъ ихъ своенравію, и поговорить что нибудь о другомъ свойствѣ людей, совсѣмъ противномъ симъ великимъ говорунамъ.

Признаюсь тебѣ, любезный мой Ѳеогенъ, что я видѣлъ сегодни человѣка, которой отмѣнно развеселилъ

меня, не сказавъ ни слова; онъ былъ весьма въ богатомъ камзолѣ, и ничего другаго не дѣлалъ, какъ только показывалъ его тѣмъ, кто имѣлъ желанїе видѣть оной. Я никогда не нахаживалъ человѣка, столь неудобопонятнаго и столь скромнаго; нѣтъ ничего труднѣе въ свѣтѣ, какъ заставить его говорить, и когда онъ это дѣлалъ, то всегда тихонько на ухо, едва смѣетъ онъ сказать, которой часъ. Можетъ быть, онъ изъ числа послѣдователей Пифагоровыхъ, подхватилъ Θеогенъ улыбаясь, которые не могли говорить въ продолженїи пяти лѣтъ; имъ должно было только удивляться тому, что говорилъ учитель, а отвѣтствовать не позволялось. Людямъ толь молчаливымъ должно бы отказаться отъ общества: они въ тягость всѣмъ, и разговоръ ихъ не заключаетъ ничего кромѣ скучнаго. Но возвратимся къ тому, о чемъ мы говорили. Особы, желающїе быть въ хорошихъ компанїяхъ, должны знать, что можетъ развеселять оныя; ибо мы любимъ людей, и ищемъ ихъ, единственно по причинѣ удовольствїя, которое

они доставляютъ намъ. Тѣ, кои не входятъ въ разговоры, не имѣютъ ничего хорошаго сказать, и держатъ себя въ глупой неподвижности души, тотчасъ оканчиваютъ предлагаемыя имъ матерїи, и надобно много трудиться, чтобъ сыскать, о чемъ говорить съ ними.

Столь многое нужно, чтобъ быть прїятнымъ, столько недостатковъ надобно исправить въ людяхъ, что почти не льзя удивляться, когда мы видимъ весьма мало ихъ совершенными. Большая часть не помышляетъ совсѣмъ о прїобрѣтенїи совершенствъ; а другїе не имѣютъ и склонности къ тому, что хорошо. Это правда, подхватилъ Евфимїй, многїе въ томъ обманываются. Разстоянїе отъ дурнаго къ хорошему не велико, надобно умѣть различать, чтобъ держаться хорошей стороны: ибо, сказать то въ двухъ словахъ, что мы теперь говорили, видъ слишкомъ вольный и слишкомъ наглый совсѣмъ нейдетъ, также и скромность чрезвычайно безразсудная и дикая не прилична; надоб-

но избирать среднее, ради избѣжанія сихъ двухъ пороковъ, и ради пріобрѣтенія той благопристойной вольности, которая не дѣлается наглостію, и не преображается въ глупую застѣнчивость и стыдливую скромность. Не должно хвастаться смѣшною нѣжностію, которая безпрестанно жалуется, ниже показывать стоическаго равнодушія, которое ничего не чувствуетъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ вся тайность, прервалъ Өеогенъ, и естьли бы хотѣли итти путемъ, которой ты показываешь, пріобрѣли бы тотчасъ то, что долженствуетъ нравиться въ обращеніи съ лучшими людьми. Но я присовокуплю еще разсужденіе къ твоему правилу. Этого не довольно, чтобъ убѣгать отъ дурнаго, надобно при томъ опасаться, чтобъ хорошаго не испортить худымъ употребленіемъ. Желательно очень, чтобъ дворянинъ былъ пригожъ, обходителенъ, мужественъ, уменъ, знатенъ, чтобъ танцовалъ и пѣлъ хорошо. Естьли при всемъ этомъ онъ имѣетъ великую пріятность и вѣж-

ливость, которыми возвышаются всѣ хорошія качества, то безъ сомнѣнія будетъ нравиться всѣмъ благоразумнымъ людямъ; а ежели онъ дарованія свои заразитъ излишнимъ ослѣпленіемъ, излишнимъ мечтаніемъ о своемъ достоинствѣ, то вмѣсто удивленія заслужитъ только одно посмѣяніе.

Будучи знатенъ, ежели онъ возмнитъ о себѣ много, ежели станетъ оказывать гордость и пренебреженіе, ежели станетъ обижать всѣхъ, и считать за ничто, то вся его знатность не воспрепятствуетъ мыслить объ немъ, какъ о сумасшедшемъ. Тоже самое скажу о его храбрости, и о другихъ украшеніяхъ тѣлесныхъ и душевныхъ; ибо естьли онъ выдаетъ себя Героемъ во всѣхъ компаніяхъ, гдѣ находится, естьли заглушаетъ всѣхъ шумомъ, разсказывая свои славныя дѣянія, естьли при всякомъ случаѣ хвастается своею расторопностію; то хотя и станутъ, можетъ быть, хвалить его въ глаза изъ снисхожденія, но когда отворотится онъ въ другую сторону, то будутъ

почитать его, какъ заслуживаетъ. Тому же самому подвергаются всѣ жеманныя красавицы; ежели достоинства ихъ состоятъ только въ красотѣ, то онѣ скоро наскучиваютъ. Дабы нравиться людямъ хорошаго вкусу, то сего недовольно, чтобъ быть только красавицею, а надобно имѣть еще хорошія поступки. Глаза утомятся, когда безпрестанно будешь смотрѣть на прекрасное лице; самыя сильнѣйшія страсти, кои произведены одною только красотою, не много продолжаются; а когда у красавицы при рѣдкой красотѣ находится, я не знаю, нѣчто пріобрѣтаемое хорошимъ воспитаніемъ, когда отброшено всякое ослѣпленіе, и когда она имѣетъ благопристойныя и вѣжливыя поступки, сообщающія пріятность всему, чтобы она ни дѣлала, то безъ сомнѣнія будетъ нравиться много, и будетъ нравиться всегда. Когда сказалъ сіе Ѳеогенъ, то разговоръ его былъ прерванъ человѣкомъ пріѣхавшимъ изъ Парижа, и привезшимъ ему пакетъ писемъ; онъ тотчасъ раскрылъ оной, пересказалъ Евфимію всѣ новости, ко-

торыя писаны, а прочее время прогулки своей употребили на разговоры о своихъ друзьяхъ, и о томъ, что происходило въ Парижѣ.

Конецъ третьяго разговора.

ШУТКИ.

РАЗГОВОРЪ ЧЕТВЕРТОЙ.

Между письмами, которыя получилъ Ѳеогенъ изъ Парижа, находилося одно писанное весьма страннымъ слогомъ, оно исполнено было замысловатыми и острыми словами и шутками. Ѳеогенъ читалъ его Евфимію съ прочими на ряду; но онъ читалъ весьма съ холоднымъ духомъ. Я вижу, сказалъ ему Евфимій, что сей слогъ не очень по твоему вкусу; ты будучи чрезвычайно степененъ, съ трудомъ терпишь такую игру словъ, которая составляетъ всю красоту сего рода писемъ. Сказать откровенно, отвѣчалъ Ѳеогенъ, непринужденной слогъ гораздо болѣе мнѣ нравится, и когда пишешь къ людямъ основательнымъ, то не надобно много безпокоиться, изыскивая, что имъ сказать. Тѣ, кои умѣютъ хорошо мыслить, изъясняютъ просто то, что думаютъ, и не ищутъ много тонкостей. Надобно быть весьма разумну, отвѣчалъ Ев-

фимїй, чтобы достигнуть до точки тобою сказанной, и нерадѣнїе, котораго ты требуешь въ письмахъ, не всякаго свойства людямъ прилично. Гораздо удобнѣе высокоумствовать, говорить множество отборныхъ словъ и комплементовъ, и помѣщать всѣ острыя слова, какїя только кто знаетъ, нежели объяснять въ короткихъ словахъ существо дѣла, и выражать прямо то, что должно, а больше ничего.

Какъ бы то ни было, прервалъ Өеогенъ, но я буду всегда остерегаться, чтобы не написать когда нибудь подобнаго сему, которое я теперь читалъ. Я великой непрїятель вздору, острыхъ словъ и шутокъ. Пожалуй скажи мнѣ, говорилъ Евфимїй, честной человѣкъ можетъ ли иногда представить лице шута; и такъ какъ мы оба ищемъ того, что можетъ нравиться въ свѣтскомъ обращенїи, то хотѣлъ бы я знать, не противно ли сїе, что мы разумѣемъ подъ именемъ шута, характеру нами искомому; наконецъ хотѣлъ бы я быть еще увѣренъ, можетъ ли чело-

вѣкъ, живущій въ свѣтѣ на шутливой ногѣ, нравиться людямъ хорошаго вкусу.

Лице шута весьма трудно играть, отвѣчалъ Ѳеогенъ; отваживаясь на сіе, мы подвергаемся великой опасности, и становимся близки къ тому, чтобъ впасть въ посмѣяніе: надобно умѣть надлежащимъ образомъ различать колкое съ непріятнымъ, надобно также имѣть оборотливой умъ, который бы безъ затрудненія находилъ всегда что нибудь шуточное сказать, иначе шутки издалека не могутъ никогда имѣть хорошаго дѣйствія. Естьли ты хочешь, чтобы я сказалъ яснѣе тебѣ то, что о семъ думаю, прибавилъ онъ; то свойство веселаго человѣка, говоря вообще, не столько прилично основательному человѣку, сколько негодяямъ и тунеядцамъ, которые терпимы въ обществѣ для того только, что они иногда смѣшатъ.

Я думалъ, сказалъ на то Евфимій, что всякой человѣкъ имѣетъ право быть шутливымъ безвинно; обыкновенно любятъ то, что утѣшаетъ, и я не повѣрю, чтобы степенной человѣкъ дѣлалъ больше удовольствія, нежели другой, ко-

торой смѣется непринужденно, и шутитъ пріятно надъ всѣми предметами. Я не говорю тебѣ, прервалъ Ѳеогенъ, о человѣкѣ всегда углубленномъ въ самого себя, которой считаетъ всѣ свои слова, не выходитъ никогда изъ скучной важности, и останавливаетъ самыхъ веселыхъ людей, кои бы имѣли желаніе смѣяться; не говорю, что записной шутъ, недумающій больше не о чемъ, какъ о вещахъ забавныхъ, вмѣсто веселости причиняетъ скуку, и честной человѣкъ не долженъ охотно пускаться, играть такое лице.

Человѣкъ, которой намѣревается шутить, естьли хочетъ дѣлать то съ успѣхомъ, долженъ имѣть совершенное познаніе о томъ, что можетъ нравиться въ разныхъ случаяхъ различнымъ людямъ, коимъ онъ желаетъ угодить. То, что утѣшаетъ въ одно время, не можетъ быть пріятно въ другомъ случаѣ. Расположеніе души въ человѣкѣ премѣняется поминутно, надобно узнавать по лицу, что въ сердцѣ происходитъ, дабы не огорчить вмѣсто того, чтобы насмѣшить. Должно отличать острое и пріят-

ное отъ шуточнаго и глупаго. Это довольно важное предпріятіе увеселять благонравныхъ людей, которые некстати не смѣются. То, что кажется смѣшнымъ для простолюдима и тѣхъ, кои имѣютъ поверхностной разумъ, бываетъ въ тягость людямъ благомыслящимъ. Естьли такъ мудрить, подхватилъ Евфимій, и естьли надобно сказывать самому себѣ причины, для чего кто смѣется, то сіе будетъ, лишать не кстати самого себя удовольствій, какія только встрѣчаются. Что до меня касается, то я не почитаю за нужное столько тонкостей; и всегда доволенъ тѣми людьми, которые меня увеселяютъ, какимъ бы то образомъ ни было. Я не такой строгой цѣнитель, какъ ты думаешь, отвѣтствовалъ Ѳеогенъ; я люблю столько же, сколько и ты, тѣхъ, которые меня увеселяютъ, и лутче полажу съ человѣкомъ веселаго нраву, нежели степеннымъ слишкомъ и чиннымъ; но между тѣмъ признаюсь, что по большой части шутки, которыя слышу, кажутся мнѣ подлы и непріятны; то, что другіе находятъ удиви-

тельнымъ, часто бываетъ для меня отвратительно. Не знаю, отъ чего сїе происходитъ, отъ великой ли моей разборчивости, или отъ моего сложенїя; театральныя увеселенїя, прїемлемыя съ толикимъ рукоплесканїемъ, меня не утѣшаютъ: впрочемъ я весьма радъ, когда другїе тѣмъ увеселяются, и я совсѣмъ не того нраву, какъ безпокойной Маркизъ, которой не могши стерпѣть шуму зрителей, видѣвшихъ весьма прїятное представленїе, кричалъ гораздо громче, нежели актеры:,, Смѣйтесь зрители, смѣйтесь.,, Каждый имѣетъ право тамъ за свои деньги смѣяться. Я не хочу быть правиломъ для другихъ, но признаюсь тебѣ искренно, что лучше люблю безпрерывную степенность нелюдима, нежели шутки всѣхъ вообще театральныхъ пїэсъ; и болѣе нахожу удовольствїя плакать съ Беренисой и Ифигенїею, нежели смѣяться, слушая процесъ о собакѣ и каплунѣ. Однакожъ это не значитъ, чтобъ пїэса сїя не была весьма забавна, она заставила смѣяться весь дворъ, которой никогда не одобряетъ дурачествъ; и славной сочинитель, которой сдѣлалъ

такой подарокъ публикѣ, не выпускалъ ничего въ свѣтъ, кромѣ совершеннаго.

Я не опровергаю твоего мнѣнія, прервалъ Евфимій, но что до меня касается, то я лучше люблю смѣяться, нежели плакать; важныя піэсы мнѣ въ тягость, и для меня нѣтъ ничего труднѣе въ свѣтѣ, какъ слушать ихъ со вниманіемъ отъ начала до конца. Ты говоришь о семъ не подумавши, отвѣчалъ Ѳеогенъ, истинная причина, для чего шуточныя піэсы обыкновенно имѣютъ больше успѣху, нежели важныя, есть та, что по большой части судятъ объ нихъ безъ размышленія. Молодые люди, женщины, простой народъ не могутъ принять на себя трудъ, чтобы сыскать узелъ прекрасной комедіи; въ шуточныхъ словахъ комической піэсы находятъ они свое удовольствіе, они не вмѣшиваются въ таковыя тонкости, и когда видятъ, что всѣ смѣются, то и они хохочутъ даже до слезъ.

На такой же почти ногѣ и шутки: люди, которые не разсуждаютъ, легко бываютъ обмануты какою нибудь новостію, которая ихъ удивляетъ и за-

ставляетъ смѣяться; но тѣ, кои справедливо судятъ о достоинствѣ вещей, не такъ удобно ослѣплены бываютъ, однѣ тонкїя и нѣжныя шутки могутъ ихъ увеселять. Честной человѣкъ не долженъ заботиться о томъ, чтобы принаравливаться ко вкусу простаго народа; онъ долженъ стараться нравиться лучшимъ и благоразумнымъ людямъ, а сїе не иначе сдѣлать можно, какъ посредствомъ истинныхъ прїятностей.

Я увѣряю тебя, подхватилъ Евфимїй, что самые степенные люди часто любятъ также смѣяться, какъ и другїе; важныя ихъ упражненїя держатъ ихъ въ весьма великой принужденности. Они по временамъ имѣютъ нужду въ отдохновенїи; а потому и они должны иногда оставлять свою важность. Ибо, какъ говоритъ одинъ остроумной человѣкъ, не во всѣ часы жизни мудрые одинаково степенны; и я думаю, что они довольны бываютъ тѣми, которые умѣютъ находить средства развеселять ихъ. Я согласенъ, отвѣтствовалъ Ѳеогенъ, что самымъ постояннымъ людямъ надобно по временамъ отступать отъ

своей строгости, и успокоивать свой духъ невинными увеселенїями; но тѣ, которые хотятъ развеселять людей такого свойства, не должны ничего другаго имъ говорить, какъ только прїятное и острое. Шалости и глупыя шутки производятъ жалость въ людяхъ благоразумныхъ; и естьли они иногда и смѣются, слушая ихъ, то это надъ тѣми, кто ихъ говоритъ. Ибо естьли ты подробно разсмотришь, то всѣ записные шуты обыкновенно бываютъ весьма слабаго и ограниченнаго ума, они утѣшаются всякою бездѣлкою, и не въ состоянїи поддержать себя въ важныхъ матерїяхъ.

Должно присовокупить, что не льзя иначе нравиться людямъ здравомыслящимъ, какъ разсказывая имъ что нибудь сходное съ натурою, а шутки рѣдко таковыми бываютъ; они состоятъ изъ чрезмѣрныхъ увеличиванїй, изъ игры словъ, изъ дву-смысленныхъ рѣчей, у коихъ отъемлется настоящее знаменованїе, дабы имѣли они другое по волѣ того, кто ихъ говоритъ. Часто, одинъ видъ, тѣлодвиженїе и тонъ го-

лоса составляетъ все достоинство шутокъ, которыя кажутся быть столько забавны.

Я очень знаю, отвѣчалъ Евфимій, что честной человѣкъ не долженъ входить въ шутки, ежели онъ не въ состояніи ихъ дѣлать съ пріятностію; ничто не можетъ быть такъ отвратительно, какъ сухая шутка; естьли сказанное для смѣху будетъ худо принято, то произведетъ весьма дурное дѣйствіе; но я думаю, что честной человѣкъ не выступитъ изъ своего характеру, когда скажетъ какую нибудь замысловатую шалость въ веселой матеріи и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ шутки могутъ быть кстати. Я бы хотѣлъ по крайней мѣрѣ, подхватилъ Ѳеогенъ, удержать средину въ твоемъ правилѣ; ибо я думаю, что никогда не должно шутить съ людьми, буде мы неувѣрены, что они примутъ сіе хорошо, и для того не надобно на то отваживаться. Часто тѣ, которые кажется смѣются, бѣсятся во внутренности сердца, изобрѣтаютъ къ отмщенію все, что только могутъ, и такимъ образомъ причиняется ежедневно тысяча

досадѣ; одно шуточное слово, невзначай сказанное, производитъ великое оскорбленіе, и влечетъ за собою долговременное раскаяніе. Должно, присовокупилъ онъ, чтобы шутка относилась къ такимъ предметамъ, въ коихъ никто не имѣетъ участія; ибо на что безъ всякой причины дѣлать себѣ чрезъ одно слово непріятелей? Честному человѣку не надобно дѣлать себѣ ремесла изъ того, чтобы обращать другихъ въ посмѣяніе; это есть подлое дѣло, которое всегда сопровождается худыми послѣдствіями. Большая часть тѣхъ, которые смѣются на счетъ другихъ, дѣлаютъ сіе для того, чтобъ угодить извѣстнымъ людямъ, коимъ они желаютъ нравиться; но я считаю, что весьма скверная политика искать дружбы однихъ, подвергая себя презрѣнію другихъ.

Должно еще разбирать свойство предметовъ, о которыхъ мы разсуждаемъ, ибо будетъ противъ здраваго разсудка, ежели шутить въ важныхъ матеріяхъ, или когда мы говоримъ такимъ людямъ, которые въ огорченіи; человѣкъ получившій непріятное извѣстіе, или у ко-

тораго мысль занята какимъ нибудь дѣломъ, которое безпокоитъ, мало помышляетъ объ острыхъ словахъ, сказанныхъ людьми желающими веселиться. Правда, подхватилъ Евфимїй, что хотѣть шутить при печальныхъ людяхъ, значитъ больше, нежели быть шутливымъ, и опасно, чтобы не былъ данъ иной оборотъ тому, что мы говоримъ ради разогнанїя огорчительныхъ мыслей, и ради утѣшенїя въ печали.

Тѣ, кои хотятъ себя выдавать за шута, сказалъ Ѳеогенъ, должны опасаться, чтобы не сказать чего сумазброднаго; это такой порокъ, въ которой часто многїе впадаютъ, и вмѣсто шутокъ говорятъ только дурачества. Дни съ два тому назадъ я слышалъ одного изъ нихъ, которой дѣлалъ подробное описанїе лунному царству, и считалъ, что онъ разсказывалъ весьма прїятныя вещи; онъ сдѣлалъ чертежъ сей новой землѣ, говорилъ утвердительнымъ образомъ, что тамъ открыты имъ дремучїе лѣса, луга, сады, рѣки, города, и многолюдство во оныхъ обитающее, что страна сїя плодоносна, и гораздо

изобильнѣе нашей. Сколько бы у насъ было богатства, естьли бы господа такіе въ состояніи были учредить торговлю между нами и жителями сего новаго царства!

Ты справедливо смѣешься, отвѣчалъ Евфимій, надъ шутами, которые ничего лучшаго сказать не могутъ; такого роду нелѣпости весьма отвратительны, и хотя я сказалъ, что честной человѣкъ можетъ иногда шутить, не обезславливая себя, однакожъ я не хочу, чтобы онъ дѣлалъ изъ себя злонравнаго шута; лучше молчать, нежели говорить безчинства, я разумѣлъ однѣ прекрасныя выдумки, и шутки острыя и нѣжныя, которыя дѣлаютъ пріятными самыя важныя матеріи, и не заключаютъ въ себѣ ничего подлаго и глупаго. Человѣкъ, который умѣетъ честнымъ образомъ шутить, которой находитъ смѣшное во всякой вещи, однакожъ не говоритъ ничего предосудительнаго и означающаго вздоръ, таковой только человѣкъ можетъ всѣмъ разумнымъ людямъ нравиться.

Я думаю, прервалъ Өеогенъ, что описанїе тобою сдѣланное прилично болѣе молодымъ людямъ, нежели такимъ, которые уже пожилыхъ лѣтъ, или которые носятъ на себѣ нѣкоторое званїе, требующее виду важности. Не такъ пристально смотрятъ на то, что дѣлаетъ или говоритъ молодой человѣкъ; этотъ возрастъ имѣетъ особенное право, думаетъ только о томъ, чтобы смѣяться, и ему прощаютъ гораздо удобнѣе, нежели тѣмъ, которые обязаны въ разсужденїи своего состоянїя сохранять нѣкоторую въ томъ умѣренность; ибо ежели бы таковые, коихъ я разумѣю, захотѣли позволить себѣ быть шутами, то я увѣренъ, чтобы ихъ за то не похвалили. Есть люди, которые прїобрѣли доброе мнѣнїе отъ благоразумныхъ, и свѣтъ такъ прїобыкъ видѣть ихъ на этой ногѣ, что весьма бы удивительно было, ежели бы увидѣли ихъ въ другомъ характерѣ.

Еще бы хуже было, присовокупилъ онъ, естьли бы кто сталъ говорить шутки въ такихъ случаяхъ, въ ко-

торыхъ никакъ не могутъ онѣ быть терпимы, и естьли бы сдѣлалъ предметомъ своихъ шутокъ Бога и святость. Однакожъ люди столь развратны, что они не имѣютъ никакого почтенія ко всему тому, что есть священнаго; и они никогда не бываютъ искуснѣе въ изыскиваніи острыхъ шутокъ, какъ когда они смѣются надъ святыми или надъ набожностію. Вотъ до чего простирается безпутство; мнѣ кажется, что это служитъ апетитнымъ кушаньемъ для злочестивыхъ, естьли они обращаютъ въ посмѣяніе такія вещи, къ которымъ бы долженствовали быть преисполнены страха. Можетъ быть думаютъ они, что одно шуточное слово даетъ полномочіе злочестію, и что одна отвратительная шутка помрачаетъ истинность нашей вѣры; должно быть совершенно лишенну здраваго разсудка, чтобы такъ худо разсуждать; и одни тѣ, которые пришли въ крайней безпорядокъ, могутъ одобрять толь гнусныя поступки.

Я бы былъ очень недоволенъ, отвѣчалъ Евфимій, естьли бы ты почелъ

меня сроднымъ къ столь великому безпорядку; сколько я ни пристрастенъ къ увеселенiямъ, но желаю, чтобы они всегда были невинны. Ты знаешь мои склонности, я всегда съ великимъ старанiемъ избѣгалъ знакомства съ людьми, коихъ распутство и злочестiе подвергаетъ презрѣнiю; но я думаю, что какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, можно себѣ предписать благоразумныя привила. Должно воздавать Богу Божiе, а Цесарю Цесарево, то есть, что люди такiе, какъ мы, не должны быть столько набожны и столько странны, чтобы не смѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣяться, можно это дѣлать невинно, не оскорбляя ни Бога, ни ближняго. Я знаю, съ какимъ почтенiемъ должно говорить о нашихъ тайнахъ, и не хвалю тѣхъ, кои для одного остраго слова разсказываютъ дѣла похожiя на безбожiе; должно избирать другiе предметы, когда имѣешь желанiе шутить. Я не знаю, сказалъ Ѳеогенъ, больше ли ты похвалишь всѣ тѣ злонравныя шутки, которыя собралъ сочинитель исторiи Кабалистовъ.

Я не могу понять, почему книга сїя въ свѣтѣ принята была съ похвалою; ибо съ начала до конца содержитъ она въ себѣ всякой збродъ; и признаюсь, что у меня не достаетъ ума оной разобрать, когда онъ на примѣръ говоритъ, что естьли мудрые отъ вѣчности къ блаженству избраны, то они возводятъ съ собою на небо Сильфиду, которую они сдѣлали безсмертною; а естьли они не избраны, то сообщенїе съ Сильфидою дѣлаетъ душу ихъ смертною, и освобождаетъ ихъ отъ ужаса второй смерти. Такимъ образомъ дьяволъ видѣлъ, что всѣ язычники, имѣвшїе сообщенїе съ Нимфами, избавлялись отъ него. Понимаешь ли ты сїи тайны, спросилъ Ѳеогенъ? Я тебя увѣряю, отвѣчалъ Евфимїй, что все это свыше моего понятїя, и такого роду мысли близки весьма къ безбожїю.

Вотъ еще нѣчто тогоже автора, продолжалъ Ѳеогенъ. Ной учинясь мудрымъ отъ примѣру Адама, согласился охотно, чтобы Веста, жена его, предилася Саламандру Ономазису; сей мужъ, по мнѣнїю сего писателя, былъ весьма

безпеченъ. Онъ говоритъ еще, что любовь Хама, которую онъ оказывалъ женѣ своей въ досаду Сильфидамъ, была причиною, что всѣ его потомки имѣли черныя лица, такъ какъ Еѳіопяне и другїе такїе безобразные народы, которымъ опредѣлено жить подъ жаркимъ поясомъ за преступленїе ихъ отца. Онъ присовокупляетъ, что Хамъ засталъ нѣкогда добраго Ноя, отца своего, когда онъ пилъ много вина, и за то сдѣлалъ его кастратомъ. Находишь ли ты шутки такїя по своему вкусу, и считаешь ли, что всѣ сїи басни хорошо выдуманы? Все это весьма глупо, сказалъ Евфимїй; сочинитель, которой такимъ образомъ пишетъ, долженъ быть посаженъ въ домъ сумасшедшихъ. Я уже сказалъ тебѣ то, что я думаю о шуткахъ, приличествующихъ честнымъ людямъ. Я хочу, чтобы онѣ были остры и хитры, чтобы не было ничего сказано ребяческаго, подлаго или худо вымышленнаго; должно имъ давать прїятной оборотъ, во время говорить, и когда люди, съ которыми находишься, и предметъ, о которомъ говоришь, то поз-

воляютъ; когда всѣ сїи обстоятельства соблюдены, и когда тебѣ что нибудь придетъ хорошее и прїятное въ умъ, которое можетъ забавить веселую бесѣду, тогда, думаю, несправедливо будетъ, не сказать, какого бы ты ни былъ свойства и какое бы званїе въ свѣтѣ ни носилъ. Я не опровергаю того, что ты говоришь, отвѣчалъ Ѳеогенъ, естьли всѣ приняты будутъ предостороржности, которыя ты теперь означилъ; шутка должна быть весьма прїятна, когда она устроена такимъ образомъ. Такую прекрасную шутку одинъ изъ нашихъ хорошихъ сочинителей называетъ цвѣткомъ остраго разума; и нѣтъ ни одного честнаго человѣка, которой бы не могъ оныхъ говорить, на такомъ основанїи, не опасаясь тѣмъ себя обезчестить. Мы оба одного мнѣнїя тогда, когда будетъ отличенъ хорошїй шутъ отъ злонравнаго. Вотъ правило, которое въ короткихъ словахъ содержитъ все то, что мы говорили. Глупой и записной шутъ есть весьма дурное лице; онъ смѣшитъ, но приводитъ себя въ презрѣнїе, и всегда

наконецъ дѣлается скучнымъ; прїятной же есть тотъ, которой говоритъ и важное и веселое, которой знаетъ угождать, не теряя кротости, сохраняющей намъ отъ людей почтенїе и уваженїе и дѣлающей насъ достойными ихъ довѣрїя, и которой часто бываетъ гораздо способнѣе, нежели всякой другой, заставить себя любить съ нѣжностїю; прїятной, говорю, непротивенъ свойству честнаго человѣка.

Ежели бы ты сказалъ мнѣ съ начала это правило, отвѣчалъ Евфимїй, я не сталъ бы спорить съ тобою; оно содержитъ все то, и еще лучше, нежели мы, что по сїе время говорили съ тобою. Я весьма радъ, что ты наконецъ согласился съ моимъ мнѣнїемъ, и мнѣ дозволяешь сказать нѣсколько шутокъ, естьли придутъ мнѣ на умъ какїя нибудь прїятныя и умныя, которыя могутъ тебя нѣсколько развеселить.

Теперь прошу тебя дать мнѣ примѣры всякаго рода шутокъ, дабы лучше отличить истинныя отъ несправедливыхъ, и дабы не говорить глупыхъ и отвратительныхъ; я не знаю одоб-

ришь ли ты ту, которую хочу тебѣ сказать. По смерти Императора Сигизмунда, одинъ изъ родственниковъ оставшейся вдовы, которая была весьма молода и хороша, уговаривалъ ее не помышлять больше вытти за другаго, а паче совѣтовалъ ей подражать горлицѣ; для чего не хотите вы, отвѣтствовала она вдругъ, чтоб'. я подражала голубкѣ. Она, нахожу я, сдѣлала очень хорошо, что такъ отвѣчала, сказалъ Ѳеогенъ, онъ не могъ на нее, негодовать, и отвѣтъ испровергъ всю цѣль его; ибо голубка столько же хороша, сколько и горлица. Сїе отраженїе весьма извинительно, и ежели оно кстати дѣлается, то всегда хорошо будетъ принято. Вотъ еще отвѣтъ, говорилъ Евфимїй, которой мнѣ кажется очень прекрасенъ. Нѣкоторому проповѣднику въ Италїи измѣнила память, когда онъ проповѣдывалъ предъ Кардиналами достославныя дѣла Святаго Луки, и ничего инаго не могъ сказать, какъ тему своей проповѣди: (*Salutat vos Lucas medicus*) здравїя желаетъ вамъ Лука врачь, онъ повторялъ нѣсколько разъ слова сїи,

не могши вспомнить, что надобно было говорить; случившїеся тамъ Кардиналы встали, и одинъ изъ нихъ обратясь къ проповѣднику сказалъ: пожелай и ему тогоже отъ насъ. Тоже самое почти сдѣлалъ одинъ насмѣшникъ съ другимъ проповѣдникомъ: сей говоря съ жаромъ свою рѣчь, вопрошалъ съ великимъ движенїемъ, гдѣ сыщу я мѣсто для моего Святаго, насмѣшикъ, которому можетъ быть скучно стало слушать, вознамѣрился уйти, и кричалъ громко проповѣднику, вотъ я уступаю ему свое мѣсто.

Таковыя отраженїя, возобновилъ Ѳеогенъ, могутъ помѣщены быть между острыми изрѣченїями, они забавны и заслуживаютъ немалую цѣну, единственно мѣсто и время мнѣ не нравится; я бы не желалъ, чтобы честной человѣкъ сдѣлалъ подобное ругательство бѣдному проповѣднику, которой и безъ того уже былъ въ смятенїи; не должно никого оскорблять безъ всякой причины, и всегда надобно имѣть жалость къ тѣмъ, которые говорятъ въ публикѣ.

Похвалишь ли ты еще, спросилъ Евфимій, то, что сказалъ нѣкогда одинъ насмѣшникъ, дабы посмѣяться надъ человѣкомъ, мыслившимъ можетъ быть о себѣ слишкомъ много, и тщеславившимся не кстати своею знатностію. Отецъ его былъ содержатель трактира, впрочемъ весьма честной и хорошаго нраву человѣкъ. Дабы описать скрытными словами его званіе, то насмѣшникъ сей, о которомъ говорю, сказалъ, что онъ былъ очень обходителенъ, гостепріимчивъ, и домъ его открытъ былъ всякому.

Похвала эта нѣсколько ядовита, сказалъ Ѳеогенъ усмѣхаясь, но когда насмѣшка хитро скрыта, то не должна она огорчать людей, и никто не имѣетъ права на нее жаловаться. Мнѣ пришла одна на мысль почти такогожъ свойства. Нѣкоторые искатели милостей, не весьма довольные поведеніемъ Министра, изъясняли объ немъ свои мысли съ великою вольностію, и производили надъ нимъ шутки предъ молодыми людьми, къ коимъ они имѣли довѣріе. Вы должны быть поосторожнѣе, сказалъ

одинъ изъ нихъ, должны замѣтить, что говорите предъ тварями Кардинала, слово твари двусмысленно, и онъ разумѣлъ его очень съ худой стороны.

Но вотъ еще одна шутка, которая, мнѣ кажется весьма остра и пріятна; я думаю, что она тебѣ понравится. Нѣкогда была играна во дворцѣ комедія, одинъ знатный Князь присутствовалъ при томъ; онъ былъ самой любезной въ свѣтѣ человѣкъ, но его обвиняли тѣмъ, что онъ мало имѣлъ усердія къ своимъ друзьямъ, и вовлекши ихъ въ худыя дѣла, оставлялъ. Князь сей хотѣлъ говорить съ однимъ придворнымъ, бывшимъ во время представленія на театрѣ, и чтобъ помочь ему сойти, подалъ ему руку: придворный, который былъ весьма разуменъ, поблагодаря его, сказалъ ему, что онъ первой дворянинъ, котораго его Сіятельство въ теченіи своей жизни избавилъ отъ ешафода.

Сей отзывъ весьма благоразуменъ, отвѣчалъ Евфимій; такой способъ научать Князей шутками, есть лучшій, они не любятъ, чтобъ имъ подавали огорчительные совѣты; но это пре-

красное средство, смѣша ихъ, давать имъ знать о ихъ ошибкахъ, какія они дѣлаютъ. Есть еще другія шутки, присовокупилъ Θеогенъ, которыя больше состоятъ въ дѣйствіи, нежели въ словахъ, и кажется, что они больше приносятъ удовольствія. Кстати вспомнилъ я хорошій случай въ жизни Августа, чрезъ которой узнаешь ты мою мысль. Августъ любилъ смѣяться, и когда дѣлалъ кто предъ нимъ что нибудь пріятное, то довольно награждался тѣмъ, что Августъ находилъ въономъ удовольствіе. Одинъ стихотворецъ ожидалъ его всякой день въ нѣкоторомъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно всегда проходилъ, и поднесъ ему епиграмму, надѣясь, что можетъ быть онъ его за то наградитъ, однакожъ Императоръ не далъ ему ничего. Нѣкогда, чтобы повеселиться, и посмѣяться пріятно надъ симъ стихотворцомъ, онъ далъ ему также епиграмму, сочиненную въ его похвалу. Стихотворецъ прочитавши стихи Императора, наградилъ его деньгами за его труды, и сказалъ сіи слова: то, что я вамъ даю, не соотвѣтствуетъ Вашему состоя-

нїю, но достатки мои не простираются далѣе. ИмператорЪ будучи доволенЪ сею новостїю, началЪ тому смѣятся, и приказалЪ дать стихотворцу сто тысячь сестерцїй.

Произшествїе это необыкновенное, сказалЪ Евфимїй, стихотворецЪ былЪ не уракЪ, и лице свое игралЪ онЪ весьма хорошо; я увѣренЪ, что всякой будучи Августова нраву, потѣшился бы онымЪ поступкомЪ; вельможи также, какЪ и прочїе люди, забавляются всѣмЪ, а придворные, которые стараются узнавать склонность Государей, часто напоминаютЪ имЪ то, что ихЪ увеселяло. этимЪ средствомЪ можно сдѣлаться прїятнымЪ: есть такїе, коихЪ пословицы и шутки привели вЪ великую милость. Ибо естьли ты разберешь, то когда кто найдетЪ средство забавлять Государей, и заставлять ихЪ смѣяться, тогда онЪ нечувствительно получаетЪ духЪ вольности и прїятельскаго обхожденїя, котораго не отважатся имѣть никогда сохраняющїе безпрерывно почтенїе, и приходящїе на поклонЪ кЪ нимЪ со всякимЪ благоговѣнїемЪ. ОнЪ

также отваженъ въ испрашиванiи милостей, и получаетъ ихъ часто за одно острое слово.

Хотя посредствомъ шутокъ прiобрѣтаются милости вельможъ, сказалъ Θеогенъ, однакожъ вельможи также нерѣдко и отказываютъ шуткамъ; и я думаю, ты не будешь недоволенъ, естьли узнаешь то, что Спартанецъ пересказываетъ въ разсужденiи сего. Одинъ старикъ испрашивалъ себѣ нѣкогда милости у нѣкотораго Князя, Князь въ томъ ему отказалъ; сей доброй человѣкъ счелъ, что можетъ быть ему отказано по причинѣ его старости, и выдумалъ веселую шутку, чтобы обмануть Короля; онъ приказалъ подчернить волосы свои, и преобразившися такимъ образомъ, пошелъ опять ко двору. Король узнавъ его лукавство, отвѣчалъ ему весьма прiятно: я уже отказалъ отцу твоему въ томъ, чего ты просишь.

Теперь ты довольно видишь, прервалъ Евфимiй, что шутки бываютъ небезполезны: чрезъ нихъ можно сыскать себѣ доступъ къ знатнымъ; они слу-

жатъ хорошимъ средствомъ въ прïобрѣтенïи отъ нихъ милостей, и заступаютъ мѣсто заслугъ и достоинствъ. Они употребляются также ради отказыванïя въ томъ, на что кто не имѣетъ желанïя согласиться, шутками при томъ можно избавляться отъ хлопотъ. Правда, сказалъ Ѳеогенъ, что ничего не надобно больше ради приведенïя людей въ замѣшательство; часто труднѣе отвѣчать на острое слово, нежели несправедливое доказательство. Они весьма еще полезны, присовокупилъ Евфимïй, для укрощенïя наглости тѣхъ, которые превозносятъ себя не кстати, и заглушаютъ весь свѣтъ своимъ шумомъ, или повѣствованïемъ своихъ славныхъ дѣянïй.

Нѣкоторой молодой человѣкъ хвасталъ, что онъ въ короткое время научился многому, и употребилъ на заплату своимъ учителямъ тысячу талеровъ. Одинъ изъ тѣхъ, которые слышали такое его хвастовство, сказалъ ему хладнокровно, что естьли бы онъ нашелъ сто талеровъ чрезъ всѣ свои знанïя, то совѣтовалъ бы онъ ему безъ

всякаго сомнѣнія ихъ взять. Онъ весьма хорошо сдѣлалъ, говорилъ Феогенъ, что далъ ему такой хорошей совѣтъ, однакожъ должно смотрѣть, чтобы никого не оскорбить. Слишкомъ колкая шутка трогаетъ чувствительно, когда она относится къ кому нибудь особенно: гораздо лучше сдѣлать какой нибудь оборотъ, или сказать только вообще, какъ то нѣкогда сдѣлалъ Аполоній, которой хотѣлъ усмирить одного человѣка, излишно говорившаго и тревожившаго всю бесѣду безпутными своими шутками. Аполоній доведши разговоръ свой до желаемой цѣли, сказалъ вообще, и не означая ничьего лица, ежели бы болтуны и несносные раскащики чувствовали сами скуку, какую причиняютъ другимъ, то бы гораздо были осторожнѣе, и не тратили бы столько словъ.

Мнѣ кажется, сказалъ Евфимій, что всѣ такіе обороты и всѣ предосторожности безполезны; ибо тѣ, которые тутъ означаются, безъ труда понимаютъ, и удобно узнаютъ себя, особливо когда шутка сатирическая,

то она еще болѣе бываетъ чувствительна; и я думаю, что мѣры, каковыя должно брать въ сихъ случаяхъ, состоятъ въ томъ, чтобъ приставать къ сторонѣ смѣющихся, и слушать шутки.

Тѣ, у коихъ всегда готовъ отвѣтъ, и кои могутъ мстить за себя безвинно, отвѣчая что нибудь прїятное и колкое, избавляются отъ хлопотъ удобно. Вѣрнѣйшимъ средствомъ служитъ притворство, прервалъ Ѳеогенъ, не должно показывать, что ты слышалъ сказанное, когда оно нелично до тебя касается, также не должно относить его къ себѣ, ниже жаловаться на людей, которые не имѣютъ намѣренїя оскорблять тебя, равномѣрно должно стараться избѣгать изъясненїй, которыя только раздражаютъ.

Но когда не можно притвориться, продолжалъ Евфимїй, и когда смѣются на твой счетъ, то что должно дѣлать? Должно также смѣяться, отвѣчалъ Ѳеогенъ, а паче должно стараться, чтобы не сердиться и не оказывать досады, чрезъ это подвергнешь себя великому

посмѣянію. Мы видимъ ежедневно тысячу такихъ, которые говорятъ грубости, и отвѣчаютъ не инако, какъ обидами, ежели надъ ними какъ нибудь невиннымъ образомъ пошутили; надобно, чтобы всякой способствовалъ веселости въ разговорахъ, которые часто были бы томны, ежели бы неоживлялись чѣмъ нибудь веселымъ, которое не обидно ни для кого, и не можетъ оскорблять ничьей чести. Ибо, какъ я уже сказалъ тебѣ, я не хвалю сатирическихъ шутокъ, которыя всегда противны, какія бы предосторожности взяты тутъ ни были. Должно еще остерегаться, чтобы не отвѣчать слишкомъ колко, когда кто скажетъ тебѣ что нибудь шуточное; можно употреблять также шутки, дабы дать отвѣтъ смѣющимся надъ тобою, чрезъ это отмстишь весьма пріятно, такъ какъ поступилъ одинъ молодой дворянинъ, изъ Греціи пріѣхавшій посмотрѣть дворъ Августа. Его представили Императору, которому дали замѣтить, что сей молодой человѣкъ совершенно похожъ на него. Августъ смѣючись спросилъ у него, не была ли

мать его когда нибудь въ Римѣ: нѣтъ, Государь, отвѣчалъ онъ, безъ всякаго замѣшательства, отецъ мой былъ въ ономъ.

Сей молодой Грекъ отвѣчалъ такимъ образомъ весьма кстати, сказалъ Евфимїй, и Императоръ не могъ за отвѣтъ его сердиться; когда шутка сокрыта, тогда никто не имѣетъ права негодовать за нее, и какъ ты замѣтилъ, что когда кому скажешь только то, что онъ сказалъ самъ тебѣ, то почитать обиднымъ оное будетъ безразсудно. Въ жизни Карла IX есть одинъ примѣръ, которой довольно сходенъ съ сказаннымъ теперь тобою. Сей Принцъ будучи еще одиннадцати лѣтъ, хотѣлъ сдѣлать подарки своимъ любимцамъ, такъ какъ это обыкновенно бываетъ при началѣ каждаго года; онъ потребовалъ денегъ у своего Казначея, которой далъ ему только тысячу ефимковъ, а Король желалъ болѣе. Канцлеръ, которой былъ человѣкъ весьма важной, говорилъ, что оной суммы довольно, и что онъ не изъ числа богатыхъ Королей. Сей молодой Принцъ, сколь малолѣтенъ

ни былЪ, захохоталЪ громко, и обратясь кЪ Королю Наварскому и кЪ придворнымЪ, сталЪ просить у нихЪ милостыни для бѣднаго Короля. Такого роду шутки, которыя ни до кого не касаются, весьма прїятны, сказалЪ ѲеогенЪ, и я всегда держу вЪ памяти то, что мною сказано, что я не люблю людямЪ досаждать.

И такЪ ты не похвалишь, сказалЪ Евфимїй, того, что сдѣлалЪ нѣкогда ДїогенЪ во время публичныхЪ игрЪ? Давали награжденїе всѣмЪ, кои отличились вЪ прекрасныхЪ упражненїяхЪ, вЪ бросанїи стрѣлЪ, вЪ борьбѣ и вЪ бѣганїи. Между тѣми, кои бросали стрѣлы, одинЪ былЪ весьма неискусенЪ: ДїогенЪ пошелЪ, и сталЪ вЪ самомЪ томЪ мѣстѣ, куда бросали; когда его спросили, для чего онЪ избралЪ это мѣсто, это отЪ страха, отвѣчалЪ онЪ, чтобы не быть ранену.

Философы Цинической секты имѣли многїя превилегїи, сказалЪ ѲеогенЪ, и они были не очень честные люди вЪ свѣтѣ; тѣ, которые хотятЪ нравится людямЪ хорошаго вкуса, не должны ихЪ брать себѣ вЪ примѣрЪ: не должно дѣ-

лать такихъ шутокъ, которыя могутъ приводить людей въ посмѣянїе. Поступая такимъ образомъ, скорѣе сдѣлаешься дуракомъ, нежели забавнымъ человѣкомъ, и шутки не иначе могутъ быть дозволены, какъ тогда, когда онѣ невинное приносятъ удовольствїе.

Я думаю, продолжалъ Евфимїй, что не должно никогда смѣяться надъ людьми, впадшими въ несчастїе; должно имѣть жалость надъ ихъ жребїемъ, и уважать ихъ прискорбїе. Когда Тамерланъ взялъ въ плѣнъ Баязета, то приказалъ привести его въ свою ставку, гдѣ лишъ только увидѣлъ его, то началъ смѣяться; не оскорбляй меня, сказалъ ему надменно Баязетъ, примѣръ моего злощастїя долженъ тебя сдѣлать благоразумнымъ; я смѣюсь, отвѣчалъ ему Тамерланъ, что судьба опредѣлила криваго и хромаго управлять толь многими народами. Побѣдитель, сказалъ Өеогенъ, не имѣлъ намѣренїя оскорблять побѣжденнаго. Онъ смѣялся надъ непостоянствомъ щастїя, которое избрало двухъ изувѣченныхъ и обезображенныхъ ради

управленія Государствомъ. Естьли Баязетъ жаловался на шутку, какую надъ нимъ другой дѣлалъ, то сіе произошло отъ того что нещастной человѣкъ не знаетъ, за что взяться; но при всемъ этомъ не должно ничего говорить, что бы могло усугублять печаль огорченныхъ людей, которые и безъ того довольно угнетены своимъ несчастіемъ.

Желалъ бы я знать, сказалъ Евфимій, можетъ ли человѣкъ шутить во всѣхъ приключающихся ему несчастіяхъ, и можетъ ли шутка быть у мѣста въ такое время, когда должно имѣть мысли гораздо основательнѣе, и когда надобно помышлять совсѣмъ о другомъ, а не о смѣхѣ? Нѣкогда приговорили къ смертной казни человѣка великихъ достоинствъ, для раскаянія дали ему времени еще одну ночь, на другой день спросили его, не перемѣнилъ ли онъ своего намѣренія, конечно перемѣнилъ, отвѣчалъ онъ, потому что, прежде нежели итти на казнь, хотѣлъ я обрить себѣ бороду, а теперь почитаю за лучшее дать срѣзать ее съ головою вмѣстѣ.

Великій мужъ, которой сіе сказалъ, продолжалъ Θеогенъ, пострадалъ за истинну, такъ что онъ съ радостію терялъ жизнь свою; казнь, какую заставили его претерпѣть, была для него непостыдна. Онъ не считалъ смерть несчастіемъ, и то, отъ чего злодѣи и подлыя души приходятъ въ отчаяніе, служитъ утѣшеніемъ честному человѣку, котораго совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ, и котораго лишаютъ жизни несправедливо. Все то, что ни говорятъ въ это время шуточнаго, означаетъ мужество, величіе души и неустрашимость, которую самыя величайшія несчастія не могутъ поколебать.

Я читалъ назадъ тому два дни нѣкоторую повѣсть, довольно подобную вашей, гдѣ я замѣтилъ весьма прекрасныя слова одной любимой Султанши, осужденной Государемъ на смерть по нѣкоторому его подозрѣнію относительно до ея вѣрности. Одна раба сей Султанши обливалася слезами, и немогла себя утѣшить въ разсужденіи несчастія своей Госпожи. Молчи, сказала она ей, въ этомъ нѣтъ ничего важнаго,

дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы умереть. Но дабы возобновить то, что мы говорили, присовокупилъ онъ, то шутки, въ которыхъ ничего нѣтъ подлаго и низкаго, простительны людямъ, какого бы рода и свойства онѣ ни были. Честной человѣкъ обязанъ сохранять во всѣхъ дѣлахъ своихъ благопристойность, и такъ какъ онъ недолженъ ничего дѣлать такого, чѣмъ бы можно было его укорять, то равномѣрно недолженъ ничего и говорить, что бы не было благородно.

Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ язвительныя шутки, прервалъ Евфимій, и я думаю, чтобы ты много сталъ смѣяться надъ такимъ человѣкомъ, которой бы сказалъ подобно нѣкоторому автору, что истинна есть дѣвица столь стыдливая, сколь и прекрасная, и для того-то она всегда ходитъ въ маскѣ. Какая пустошь прервалъ Ѳеогенъ! Человѣкъ, которой думаетъ, и объясняется такимъ образомъ, долженъ быть почитаемъ шутомъ площаднымъ, и такого роду книги хороши только для увеселенія простолюдимовъ. Великая

разность есть между пріятною шуткою и игрою словъ, или грубыми обиняками, которые составляютъ забаву людей испорченнаго вкусу.

Развѣ ты думаешь, продолжалъ Евфимій, что не должно употреблять обиняковъ? Они часто заставляютъ смѣяться, и я мышлю, что ихъ не должно строго разсматривать.

Естьли сказать тебѣ чистосердечно, что я думаю, отвѣчалъ Ѳеогенъ, то все сіе мнѣ не нравится. Честной человѣкъ долженъ говорить просто, а изъ натянутыхъ выраженій видны только дурачества. Поставишь ли ты въ числѣ ихъ, прервалъ Евфимій, то, что нѣкогда сказала Султанша, о которой ты недавно говорилъ? Императоръ приказалъ умертвить брата ея, но въ самое то время схватила его столь сильная колика, что онъ забоялся, чтобъ скоропостижно не умереть, и перемѣнилъ данное имъ повелѣніе; на что Султанша сказала, что Мустафа не обязанъ болѣе жизнью своей матерѣ, но ея брату. Султанша сказала это весьма кстати,

отвѣчалъ Ѳеогенъ, чѣмъ шутки простѣе, тѣмъ онѣ пріятнѣе; не должно ихъ выводить издалека, ниже стараться говорить ихъ, также не должно первому смѣяться по причинѣ ихъ, а лучше оставлять удовольствіе это другимъ. Равномѣрно не должно искать, чтобы тебя хвалили за то, ежели скажешь, что нибудь смѣшное; въ этомъ ошибается большая часть тѣхъ, которые выдаютъ себя шутниками; они весьма довольны своими шутками, и сами себя благодарятъ, когда скажутъ какую нибудь бездѣлицу, которая хорошо принята; они ввергаютъ себя еще въ другую чрезвычайность, хотятъ всегда быть забавными, и чрезъ то становятся глупы и несносны, между острыми словами, какія они говорятъ, встрѣчаются тысячи сухихъ и непріятныхъ шутокъ, производящихъ самое худое дѣйтсвіе въ свѣтѣ: лучше не столь много говорить ихъ, но чтобъ были кстати. Честной человѣкъ долженъ быть весьма остороженъ, и имя шута совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому характеру, котораго ищемъ.

Можно ли иногда, спросилЪ Евфимїй, разсказывать маленькїя шуточныя повѣсти, чтобЪ оживить бесѣду. Ничто не можетЪ столько нравиться вЪ разговорахЪ, какЪ маленькїя отборныя побасенки, помѣщенныя кстати и разсказанныя сЪ прїятностїю; естьли ты хочешь послушать меня, то оставимЪ сїю матерїю до другаго дни, дабы поговорить обЪ ней поосновательнѣе. Знакомства и посѣщенїя составляютЪ почти все упражненїе нашего сорта людей; и такЪ необходимо нужно узнать, какимЪ образомЪ должно поступать вЪ оныхЪ, чтобЪ нравиться людямЪ благоразумнымЪ, и выдерживать характерЪ честнаго человѣка.

КонецЪ четвертаго разговора.

ПОСѢЩЕНІЯ.

Разговоръ пятый.

Евфимій и Ѳеогенъ невсегда были уединенны; всѣ порядочные люди, провождавшіе лучшее время по деревнямъ въ ихъ сосѣдствѣ, ѣздили часто къ нимъ въ гости; и они сами отдавали съ точностію дѣланные имъ визиты. Естьли бы они слѣдовали своей склонности, то можетъ статься, прожили бы долгое время одни; тѣмъ болѣе, что они совершенно созданы другъ для друга, и уединеніе имъ нравилось больше, нежели самыя пріятныя посѣщенія. Но когда мы въ свѣтѣ, то обязаны исполнять весь долгъ благопристойности и учтивства.

Большая часть знатныхъ людей, обыкновенно бываютъ праздны, ничѣмъ не занимаются, проводятъ время въ дѣланіи или приниманіи визитовъ; и для нихъ весьма важно знать все то, что должно дѣлать, дабы въ ономъ случаѣ быть пріятными, и выдерживать

свой характеръ. Тутъ-то судятъ о ихъ достоинствѣ, ругаютъ или хвалятъ ихъ, смотря по тому, хорошо или дурно они ведутъ себя въ обращенїи. Естьли бы хорошо употреблялись посѣщенiя, жизнь чрезъ то была бы снoснѣе; ибо ничто не можетъ быть прiятнѣе, какъ компанїя достойныхъ людей, которые любятъ насъ, и весьма рады, что имѣютъ свиданїе съ нами. Она есть неоцѣненное удовольствїе, въ разсужденїи коего и самые разумнѣйшїе признаются, что они не имѣли бы никакой прїятности въ жизни, естьли бы оная не была услаждаема обращенїемъ съ друзьями.

Но мы все во зло употребляемъ, и дѣлаемъ себѣ тягость и безпокойство изъ того, что долженствовало бы насъ увеселять: надобно сносить множество глупыхъ посѣщенїй, и когда кто въ великомъ кругу знакомства, то ежеминутно преданъ волѣ досадныхъ людей, которые наскучиваютъ намъ, и заставляютъ сожалѣть о уединенїи. Страннѣе всего въ этомъ кажется, что тѣ, кои жалуются на усталость отъ посѣщенїй,

всегда рады имѣть у себя въ домѣ множество гостей, или ѣздятъ сами искать въ другихъ домахъ шуму и сумятицы великихъ собранїй.

Откуда происходитъ, что тысяча человѣкъ, коихъ мы видимъ, намъ въ тягость, спросилъ Евфимїй у Ѳеогена, которой, проводя нѣсколько особь обѣдавшихъ у него, только что вошелъ; да можетъ быть мы и сами также въ тягость тѣмъ, кого посѣщаемъ? Я не понимаю, для чего иные довольно умные люди, обращавшїеся въ свѣтѣ и знающїе обхожденїе, такъ не хороши въ разговорахъ, что всегда почти наскучиваютъ, и устанешь бывши съ ними, ежели визитъ ихъ продолжителенъ.

Я испытываю ежедневно самъ собою то, что ты говоришь, отвѣчалъ Ѳеогенъ; это весьма непрїятная должность, что мы принуждены бывать часто въ гостяхъ, гдѣ много часовъ со скукою проводимъ, и большая часть людей, коихъ видимъ, мало насъ увеселяетъ; много потребно, дабы нравиться, такъ что почти и неудивительно, когда многїе мыслящїе о себѣ, что ихъ

весьма желаютъ, почитаются досадными. Дѣйствительно умные люди не хотятъ безпокоить себя тѣмъ, чтобъ употреблять всегда разсудокъ; они нерадятъ, и когда кто не по ихъ мыслямъ, не входятъ въ разговоръ. Превосходнѣйшее число людей имѣетъ посредственные умы, которые, что ни говорятъ, все непрїятно, и не приноситъ никакого удовольствїя; а иные имѣютъ оной только для нѣкоторыхъ матерїй, и естьли ихъ удалить отъ оныхъ, то нѣтъ ничего слабѣе, они не въ состоянїи сказать ни одного слова. Вотъ для чего разговоры намъ противны, и трудъ, прїемлемый нами въ дѣланїи визитовъ, худо бываетъ заплаченъ.

Странно то, подхватилъ Евфимїй, что хотя труды наши весьма худо награждаются, но мы обременяемъ себя часто тѣмъ же самымъ, ѣдемъ опять въ тѣже мѣста, гдѣ терпѣли мы скуку тысячу разъ. Мы не знаемъ, что дѣлать, отвѣчалъ Θеогенъ, ищемъ провесть время, а общество служитъ къ увеселенїю; женщины, будучи не сродны

къ должностямъ, оставались бы нещастными безъ помощи разговоровъ. Большая часть мущинъ сходствуетъ въ этомъ съ женщинами, они не могутъ долгое время жить въ уединенїи. Хотя мало такихъ, которые бы не искали уединенїя, и не находили въ немъ прїятности, когда оно продолжается столько, сколько хотятъ; это однакожъ справедливо, что мы созданы для общества, и взаимная откровенность есть лекарство, данное намъ природою, противъ печалей въ жизни. Все дѣло въ томъ состоитъ, чтобъ мы пользовались имъ надлежащимъ образомъ, и старались, дабы оно способствовало, сколько къ увеселенїю и разогнанїю скуки, столько и къ содѣланїю насъ добродѣтельными и честными людьми.

Это одно долженствовало бы быть побужденїемъ нашихъ посѣщенїй, отвѣчалъ Евфимїй; отборная бесѣда заключаетъ въ себѣ много прїятностей, и помогаетъ намъ несравненно больше, нежели что либо другое, переносить скуку съ меньшимъ трудомъ. Но я думаю, что надобно бы приложить стара-

нїе и о выборѣ тѣхъ, къ кому бы намъ ѣздить во всякое время. Великїе охотники до визитовъ мало о семъ разсуждаютъ; они бросаются на шею людямъ, и привязываются къ первому повстрѣчавшемуся съ ними; тотчасъ спрашиваютъ, въ какомъ мѣстѣ болѣе людей, и ѣдутъ туда увеличить толпу и умножить шумъ. Чтобъ соблюсти свои выгоды въ разговорахъ, подхватилъ Ѳеогенъ, то должно ѣздить только къ людямъ разумнымъ, которые бы могли служить намъ примѣромъ, и научать насъ жить. Въ этомъ я такого же нраву, какъ Аттикъ, которой не терпѣлъ у себя никого, кромѣ людей отборныхъ; онъ даже хотѣлъ, чтобъ слуги его были всѣ ученые, и умѣли бы разговаривать съ нимъ въ случаѣ неимѣнїя лучшей компанїи. Естьли мы снабжены разсудкомъ, то видаясь часто съ благоразумными, нечувствительно получаемъ нѣкоторыя познанїя; вознаграждающїя недостатокъ нашихъ свѣдѣнїй. Я замѣчаю это повседневно въ нѣкоторыхъ придворныхъ, сдѣлавшихся весьма честными людьми посредствомъ

знакомства съ достойными особами, коимъ они желали нравиться.

Это постановлено правиломъ въ нравоученїи мудрыхъ, что мы имѣемъ сходство съ тѣми, съ кѣмъ часто вмѣстѣ бываемъ. Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, говаривалъ одинъ древнїй ученый мужъ, а я скажу, каковъ ты. Для сего-то самаго весьма нужно обращаться только съ людьми основательнаго ума, предъ которыми всегда должно наблюдать нѣкоторую молчаливость: ибо естьли мы будемъ знакомы съ негодяями, которые несравненно хуже насъ, то мы привыкнемъ къ ихъ дурнымъ ухваткамъ, отъ коихъ трудно будетъ удержаться, когда необходимость заставитъ насъ быть вмѣстѣ съ порядочными людьми.

Мы часто обманываемся въ своемъ выборѣ, прервалъ Евфимїй; есть такїе, которые, кажется, обѣщаютъ нѣчто, когда мы ихъ не знаемъ, а когда узнаемъ основательно, то найдемъ, что они ничего не значатъ; они имѣютъ ослѣпляющїй наружный видъ, но не выдерживаютъ его долго, когда за-

хотимъ разсмотрѣть ихъ нѣсколько. Я видаю каждый день такихъ, которые блистаютъ въ продолженіи четверти часа, надобно думать, они выучиваютъ наизусть, что имъ говорить. Ежели обращенъ разговоръ на желаемые ими предметы, то они довольно сносны, говорятъ кое-что умное; а ежели кончатъ свою роль, то вдругъ теряютъ употребленіе голоса, и кажется, становятся совсѣмъ иные. Есть другіе такіе, у которыхъ все достоинство составляетъ наружность, хорошій видъ и богатое платье, они одѣваются щегольски, пріятно кланяются, но только тѣмъ и довольствуются, а во время разговоровъ не разтворяютъ уже рта. Они слишкомъ увѣрены, что всякой чувствуетъ удовольствіе, когда видитъ ихъ, и потому они не безпокоятся о томъ, чтобъ сказать что нибудь.

Я еще больше люблю такихъ людей, о которыхъ ты говоришь, кои не могутъ слово сказать, нежели тѣхъ, которые начинаютъ разговоръ вопросами, читали ли газеты, знаете ли вышедшія новости? Ихъ разумъ не доставляетъ

имъ ничего, они не знали бы за что взяться, ежели бы не читали газетъ, или загадокъ проворнаго Меркурія; а когда это пройдутъ съ начала до конца, то будутъ довольствоваться дожжикомъ или теплою погодою, и станутъ говорить безпрестанно: ахъ, какое прекрасное время! Боже мой, какой хорошій день! Какъ пріятно прохаживаться! Они вездѣ въ гостяхъ говорятъ безпрерывно, но ничего не сказываютъ.

Что ты прикажешь дѣлать, когда кто посѣщаетъ женщинъ, подхватилъ Евфимій? Надобно очень сообразжаться съ ихъ обхожденіемъ, не надобно ничего говорить съ ними, или разсказывать пустяки: они знаютъ только это, ежели станешь говорить о какихъ высокихъ матеріяхъ, то имъ наскучишь. Я не хвалю политику въ этомъ того славнаго Графа, которой однакожъ заслуживаетъ всякую похвалу, потому что довольно много успѣлъ между женщинами; онъ разсказывалъ имъ тысячу ученыхъ матерій, даже подлинникомъ приводилъ мѣста Греческихъ авторовъ, и онѣ тѣмъ плѣнялись. Вотъ

какъ онѣ созданы, отвѣчалъ Өеогенъ, онѣ удивляются тому, чего не понимаютъ; однакожъ лучше быть снисходительнымъ, говорить такое, котораго слушающіе не могутъ разумѣть, и которое превышаетъ ихъ понятіе, значитъ приводить себя въ посмѣяніе.

Не всегда самые великіе умы имѣютъ лучшій успѣхъ въ обращеніи; они слишкомъ высокоумствуютъ, не хотятъ сказать ничего, которое бы не приводило въ удивленіе, но случается, что не берутъ на себя труда имъ слѣдовать. Посредственный умъ, знающій нѣсколько свѣтское обращеніе, хотя не разсказываетъ такихъ высокихъ матерій, часто нравится больше, естьли только говоритъ съ точностію и съ здравымъ разсудкомъ; имъ болѣе довольны, и слушаютъ его гораздо съ большимъ вниманіемъ.

Естьли чѣмъ портится все, подхватилъ Евфимій, то это тѣмъ, что всякой хочетъ выдавать себя, и присвоивать себѣ разговоры; а чтобъ нравиться, то немалымъ средствомъ къ тому есть оставлять время другимъ

говорить, и хвалить ихъ, ежели они скажутъ что нибудь хорошее. Тѣ, кои ищутъ всегда блистать, дѣлаются несносными; мы чувствуемъ огорченіе и сокровенную досаду, видя тѣхъ, которые помрачаютъ насъ; и хотя это чувствованіе подло, однакожъ оно обыкновенно. Многіе часто уѣжжаютъ изъ гостей весьма довольны, потому что они безпрестанно говорили; но всѣ остаются въ негодованіи противъ ихъ. Должно весьма осторожну быть, чтобъ не преимуществовать ни предъ кѣмъ, и не сказать ничего такого, чѣмъ бы обнаруживалось невѣжество другихъ; эта привычка предосудительна, и означаетъ глупое тщеславіе.

Развѣ ты считаешь, спросилъ Ѳеогенъ, что не должно говорить въ гостяхъ объ ученыхъ матеріяхъ? Естьли мы находимся вмѣстѣ съ такими людьми, которые не хвастаются знаніями, отвѣчалъ Евфимій, то говорить имъ тѣмъ языкомъ, коего они не разумѣютъ, было бы представлять педанта, и употреблять хорошее средство, дабы имъ наскучить. Естьли же мы съ учены-

ми, кои не находятъ удовольствія въ слушаніи безделицъ, то мы можемъ принаравливаться къ ихъ обхожденію, при томъ должны иметь некоторыя предосторожности; ибо не надобно притворно выдавать себя учеными, и когда бы мы действительно были таковы, то не надобно высоко мечтать о себе, ниже смотреть на другихъ съ пренебреженіемъ или отвращеніемъ; чемъ более мы имеемъ достоинствъ, темъ более должны стараться быть скромными и почтительными. Должно также избирать въ наукахъ то, что пріятнее, и что увеселительнее; ибо мы сделаемъ себя смешными, естьли станемъ говорить о треугольникахъ и геометрическихъ доказательствахъ, которыя свойственны только невеликому числу людей, или объ отвлеченныхъ наукахъ, кои не встречаются въ разговорахъ въ большомъ свете.

Неделя тому назадъ, я былъ вместе съ однимъ изъ твоихъ друзей, которой безконечно уменъ, прервалъ Ѳеогенъ; онъ пересказывалъ наизусть целыя книги Виргилія и Горація такимъ лю-

дямъ, кои не знаютъ почти сихъ авторовъ, и мало упражнялись въ Латинскомъ языкѣ. Естьли онъ столько имѣетъ ума, какъ ты говоришь, отвѣчалъ Евфимій, то очень дурно употребляетъ его; лучше бы было, ежели бы онъ оказывалъ знаки здраваго разсудка, нежели памяти столь щастливой. Быть ученымъ не служитъ ни къ чему, надобно быть таковымъ, да вмѣстѣ и честнымъ человѣкомъ; есть тысяча людей, коимъ знанія и острой умъ мало приносятъ чести. Этого недовольно, чтобъ имѣть отмѣнные таланты, надобно умѣть управлять ими, а употреблять ихъ кстати; не должно помучить бесѣды такими длинными повѣствованіями, которыя препятствуютъ всѣмъ другимъ говорить.

Прощается это автору, сочинившему какую нибудь новую піэсу, новость и надежда услышать что нибудь забавное, дѣлаетъ то, что его терпятъ и слушаютъ гораздо охотнѣе; но вѣжливому человѣку никогда не простятъ, ежели онъ говоритъ безпрестанно, и приводитъ поминутно изъ Ла-

тинскихъ авторовъ мѣста. Балзакъ сказывалъ, что онъ ничего столько не боялся, какъ попасть въ руки возвратившихся изъ путешествія. Это правда, продолжалъ Ѳеогенъ, желаніе показывать то, что мы знаемъ, причиняетъ скуку всѣмъ. Сіе правило есть общее, и немногіе не погрѣшаютъ противъ него. Тѣ, кои учились играть на клависинѣ, не дадутъ тебѣ покою до тѣхъ поръ, какъ выслушаешь все, что они знаютъ; также и тѣ, которые умѣютъ пѣть, какъ скоро ихъ попросишь немного пропѣть, то уже нѣтъ способа остановить ихъ: они не разсуждаютъ о томъ, что всякой слушая ихъ нѣсколько времени изъ снисхожденія, наконецъ соскучивается, и не можетъ болѣе ихъ сносить.

Молодые люди, путешествовавшіе по нѣкоторымъ иностраннымъ провинціямъ, еще скучнѣе несравненно, подхватилъ Евфимій; когда они начнутъ разговоръ о своихъ приключеніяхъ, то не надобно болѣе надѣяться промолвить слово; они разсказываютъ тысячу странныхъ вещей, которыя не имѣютъ

ни связи, ни порядку, и не трогаютъ никого, и всякая ложъ, какую они тутъ вмѣшиваютъ, возбуждаетъ только сожалѣнїе въ людяхъ хорошаго вкусу. Ко всѣмъ такимъ чудесамъ присовокупляютъ они всегда повѣствованїе какого нибудь любовнаго произшествїя, съ нами случившагося, и дѣлаютъ въ точности подробныя описанїя удачь, какїя имѣли во всѣхъ городахъ, гдѣ проѣжжали.

Надобно много имѣть терпѣнїя, чтобъ слушать всѣ разсказываемыя ими дурачества, отвѣчалъ Ѳеогенъ, я нахожу, что Балзакъ справедливо боялся ихъ въ дѣлаемыхъ имъ посѣщенїяхъ; а что касается до меня, то я приведу сюда другой характеръ, коего не менѣе надобно опасаться, и которой еще болѣе причиняетъ скуки, ежели я не обманываюсь. Люди тяжущїеся, или потерявшїе свой процессъ, суть по моему мнѣнїю страшилище всѣхъ собранїй; когда я попадаюсь въ руки ихъ, то почитаю себя человѣкомъ, приговореннымъ къ казни. Можно ли, чтобъ знатныя особы, имѣющїя разсудокъ, такъ мало мыслили о томъ, что можетъ

нравиться, и причинять скуку въ обращенїи большаго свѣта? Ужли они такъ мало заботятся, что дѣлаютъ другимъ непрїятности? Едва дадутъ поклониться, и начинаютъ вооружаться противъ неправосудїя своихъ судей, и противъ всѣхъ мошенничествъ стряпчихъ; пересказываютъ всѣ завязки своего дѣла, и при томъ чудными терминами, которыхъ никто не понимаетъ; хотятъ противъ воли заставить узнать конецъ онаго, и надлежащее право ихъ иску. Такъ какъ они имъ заняты, то считаютъ, что всѣ должны брать въ томъ участїе; но напротивъ никто не желаетъ обременить себя и тѣмъ, чтобъ слушать ихъ. Скучнѣе всего то, что они разсказываютъ двадцать разъ одно и тоже, и всегда готовы повторять сначала, какъ скоро кто появляется новой.

Ты слишкомъ добръ, прервалъ Евфимїй, ежели ты думаешь, что такїе люди могутъ исправиться; неудача въ тяжбѣ лежитъ у нихъ на сердцѣ, они утѣшаютъ себя, какъ могутъ, и ругаютъ за свои деньги. Непремѣнно надоб-

но, чтобъ они исправились, говорилъ Ѳеогенъ, или чтобъ отказались отъ свѣтскаго обращенія: Милосердый Боже! какой это разговоръ, какое подробное описаніе всего хожденія за дѣломъ! Не льзя бы принять дурно, ежели бы они сказали въ двухъ словахъ, что потеряли или выиграли процессъ; но слушать цѣлую исторію никто не поставитъ себѣ въ удовольствіе.

Естьли ты такъ боязливъ, продолжалъ Евфимій, то не будутъ смѣть ничего сказать при тебѣ въ собраніяхъ, ты заставишь людей говорить только знаками; потому что весьма мало такихъ, которые могутъ говорить разумно обо всѣхъ матеріяхъ. Лучше молчать, отвѣчалъ Ѳеогенъ, нежели говорить неприличности, или что нибудь такое, которое всѣмъ въ тягость: молчаніе есть надежнѣйшее средство для тѣхъ, кои не полагаются на себя, и мы часто весьма довольны бываемъ, что они неговорятъ ни слова. Въ разсужденіи умовъ посредственныхъ довольно, чтобъ говорить, и они будутъ ослѣплены; только чтобы ротъ всегда

былъ растворенъ, и чтобъ въ словахъ не было недостатку, болѣе для нихъ ничего не надобно; но особы благоразумныя не удовольствуются однимъ звукомъ; надобно говорить что нибудь дѣльное передъ тѣми, которые имѣютъ здравой разсудокъ. Великїе говоруны приводятъ въ изумленїе однихъ простолюдимовъ и невѣждъ, шумное ихъ обхожденїе и крикъ не прїобрѣтаютъ почтенїя у людей благомысленныхъ; они однакожъ надѣются чрезъ то казаться остроумными, и почитаютъ, что служатъ украшенїемъ всѣмъ бесѣдамъ.

Это правда, подхватилъ Евфимїй, что нѣтъ ничего глупѣе человѣка, ослѣпленнаго своими достоинствами: я въ нихъ почти никогда не обманываюсь, узнаю ихъ, какъ скоро куда появятся, и не оказываю имъ никакого снисхожденїя. Они его и не заслуживаютъ, сказалъ Ѳеогенъ; естьли бы они знали, сколько они отвратительны во всемъ, что ни говорятъ, можетъ статься, были бы воздержнѣе. Хотя они говорятъ о тысячѣ разныхъ предметовъ, но всегда находятъ средство обратить разговоръ на

что нибудь относящееся къ нимъ. Они хвастаются образомъ жизни своей, своими издержками, своею знатностью, милостями Государя, своею должностїю; хотятъ, чтобъ имъ льстили, и одобривали все, что они ни скажутъ: ибо естьли кто станетъ оспоривать ихъ хотя въ безделицѣ, они защищаются съ такимъ жаромъ, и дѣлаютъ такой шумъ, какъ Сорбонскїе Баккалаврїи.

Это обыкновенный порокъ женщинъ, присовокупилъ Евфимїй; онѣ кричатъ всѣ вмѣстѣ, и не хотятъ одна другой слушать; кажется, онѣ говорятъ только для того, чтобъ говорить. Та, которая больше кричитъ, всегда беретъ верхъ, и другїя принуждены бываютъ наконецъ уступить. Должно уступить охотно, и покориться разсудку, сказалъ Ѳеогенъ; я говорю, разсудку для того, что никогда не надобно хвалить дурачествъ; нѣтъ ничего безстыднѣе, какъ подлое угожденїе, замѣчаемое мною въ тысячѣ человѣкъ, которые всегда твердятъ, да, или нѣтъ, принаравливаясь къ своенравїю говорящаго, и не смѣютъ объявить своего несогласїя въ самыхъ безразсуд-

ныхъ дѣлахъ. Духъ противоборствующїй весьма непрїятенъ, а всегда и во всемъ соглашающїйся отвратителенъ, тѣмъ болѣе, что онъ дѣлаетъ разговоръ томнымъ; духъ извиняющїй все, и ставящїй себѣ за грѣхъ слушать о вещахъ публичныхъ во всемъ Государствѣ, несносенъ, и означаетъ глупую простоту, или притворное праводушїе. Угождать другимъ хорошо, это кратчайшїй путь сдѣлаться прїятнымъ. Дабы нравиться, то главное правило состоитъ въ томъ, чтобъ принаравливаться къ людямъ, узнавать ихъ вкусъ и склонности, и принимать всѣ виды, смотря на различныя расположенїя ихъ умовъ. Я печаленъ съ тѣмъ, кто печалится, сказалъ нѣкогда одинъ свѣтской человѣкъ, который при сверх-естественныхъ своихъ дарованїяхъ умѣлъ лучшимъ образомъ управлять умами; веселюсь съ тѣмъ, кто въ радости, и прїучаю себя ко всякому характеру, дабы довести людей до желаемой мною цѣли.

Вотъ средство вкрадываться въ сердца, по тому что мы нечувствительно прилепляемся къ людямъ спокой-

наго нраву, которые дѣлаютъ намъ угожденіе; но должно остерегаться, чтобъ оно не простиралось слишкомъ далеко, чтобъ не было глупо и низко; нѣсколько гордости, сопровождаемой пріятностію, не портитъ ничего, и еще весьма приличествуетъ тѣмъ, кои имѣютъ достоинства.

Часто ее во зло употребляютъ, отвѣчалъ Евфимій: гордые люди не сносны въ обращеніи; трудно очень, касаясь ихъ, не досадить имъ, и они наскажутъ тысячу непріятностей; они весьма далеки отъ описаннаго вами теперь характера, что должно пріучать себя ко всѣмъ нравамъ, и принаравливаться къ слабостямъ, дабы быть пріятными. Они хотятъ, чтобъ всѣ воздавали имъ почтеніе; они хвалятъ лучшія вещи не иначе, какъ съ отвращеніемъ; едва въ состояніи они позволить другимъ говорить, и кажется, естьли сказать слово, то такъ какъ украсть у нихъ что нибудь. Но еще того хуже, когда они боятся, чтобъ кто нибудь ихъ не помрачилъ, они тогда бываютъ въ отчаяніи, и почти готовы треснуть

съ досады. Вотъ точно это самое случилось съ Діодоромъ, сказалъ Θеогенъ, ему заданы были предложенія, на которыя не могъ онъ отвѣчать; отъ чего онъ столько опечалился, и видя, что разумъ его измѣнилъ ему въ томъ, въ чемъ онъ хотѣлъ слыть искуснымъ человѣкомъ, впалъ въ такую жестокую болѣзнь, что въ скоромъ времени отъ нее умеръ.

Онъ очень дурно сдѣлалъ, что умеръ отъ такой бездѣлицы, подхватилъ Евфимій; это означаетъ сильное ослѣпленіе въ тщеславіи, стремящееся брать верхъ надъ всѣми. Я вижу ежедневно тысячу подобныхъ нравомъ сему философу людей, которые не могутъ терпѣть, чтобъ другіе имѣли достоинства, и которые въ этомъ не властны надъ своею печалію. Но ихъ дурной нравъ оказывается въ полномъ своемъ величіи, естьли кто найдется столько дерзокъ, что будетъ въ чемъ нибудь противныхъ мыслей, и станетъ спорить съ ними. Это однакожъ привилегія разговоровъ, прервалъ Θеогенъ; позволительно всякому объявлять свое мнѣніе,

и мы должны сносить охотно противорѣчія другихъ. Желать покорить мысли всѣхъ своему мнѣнію было бы тиранство нестерпимое. Самые Государи со всею ихъ властію не имѣютъ права надъ мыслями своихъ народовъ; а частные люди не должны думать, что они полновластнѣе Государей.

Намъ не должно казаться противнымъ, ежели другіе судятъ о вещахъ не такъ, какъ мы судимъ; равномѣрно не можемъ мы жаловаться на нихъ въ томъ, что они сдѣлали нѣкоторыя предложенія, не нравящіяся намъ. Надобно сохранять во всемъ точную средину, то есть, въ разговорахъ не должно ни слишкомъ упорно спорить, ни безчестно уступать. Духъ огорчительный и критическій несносенъ, а потакать подло всѣмъ есть трусость.

Еще удобнѣе могіе впадаютъ въ другой порокъ, говорилъ Евфимій; они, будучи весьма далеки отъ снисхожденія, въ достоинство себѣ поставляютъ имѣть омерзѣніе ко всему, и не одобривать ничего. Я не могу удержаться отъ смѣху, когда вижу отвратительное и

презирательное морщенье нѣкоторыхъ людей, ежели кто скажетъ что нибудь пріятное, доставляющее всѣмъ удовольствіе, они изъявляютъ свое негодованіе, и простираютъ досаду до того, что грубятъ всѣмъ, кто хвалитъ. Но за то естьли они не одобриваютъ никого, то чрезвычайно снисходительны къ самимъ себѣ; они удивляются себѣ, и выхваляютъ себя безъ околичностей во всемъ, что только говорятъ. Я замѣчаю это каждый день въ дѣлаемыхъ мною посѣщеніяхъ.

Ты правду говоришь, сказалъ Ѳеогенъ, неудивительно бы было, естьли бы мы замѣчали это только въ людяхъ преисполненныхъ достоинствами, или въ провинціальныхъ, которые никогда ничего не видали; но ежели люди знатные, коимъ бы должно было умѣть жить весьма хорошо, и служить примѣромъ для всѣхъ, имѣютъ такія слабости, то это непростительно.

Хотя кто и знатенъ, подхватилъ Евфимій, и хотя всегда обращается съ лучшими людьми, но чрезъ то не дѣлается онъ честнѣе; распространеніе глупой

славы беретъ верхъ надъ всѣми правилами хорошаго воспитанія. Они, кажется, находятъ удовольствіе подвергать себя посмѣянію съ намѣреніемъ; они не имѣютъ той гибкости, какую должно имѣть въ различныхъ случаяхъ, съ ними встрѣчающихся; они слишкомъ тверды въ своихъ мысляхъ, и отступить отъ нихъ не хотятъ ни за что въ свѣтѣ.

Филоксенъ сдѣлалъ нѣкогда весьма сходное съ тѣмъ, что ты говоришь, прервалъ Ѳеогенъ; сей піита былъ нѣсколько угрюмъ, и имѣлъ много описаннаго тобою теперь духу; онъ не могъ одобривать ничего противъ своего вкусу, и это прямодушіе причиняло ему часто великія непріятности. Діонисій тираннъ былъ ослѣпленъ въ Поэзіи, и сочинялъ иногда стихи; а такъ какъ онъ былъ Государь, то хотѣлъ, чтобъ его почитали хорошимъ стихотворцомъ. Филоксенъ весьма не кстати вздумалъ охуждать стихи тиранна, и за свою критику былъ заключенъ въ темницу; однакожъ выпустили его оттуда съ тѣмъ, чтобъ впредь дѣлать болѣе угож-

денія. По томъ когда онъ слушалъ послѣдніе стихи Діонисіева сочиненія, и когда увидѣлъ себя принужденнымъ объявить свое объ нихъ мнѣніе, то сказалъ одному изъ его тѣлохранителей: другъ мой, пожалуй отведи меня въ темницу.

Этотъ стихотворецъ былъ весьма непреклоненъ, отвѣчалъ Евфимій; но такая твердость могла играть надъ нимъ непріятныя штуки, потому что онъ имѣлъ дѣло съ человѣкомъ, неразумѣющимъ шутокъ: я бы лучше согласился похвалить дурные стихи, нежели сидѣть въ темницѣ. Есть люди, которые всегда одинаковы, подхватилъ Евфимій, они не могутъ преодолѣть своего врожденнаго нраву; скорѣе отнимешь у нихъ жизнь, нежели заставишь сказать противъ того, что они мыслятъ; они съ жаромъ защищаютъ свое мнѣніе, и доходятъ даже до обидъ.

Это очень хорошо, отвѣчалъ Евфимій смѣючись, когда люди съ достоинствами говорятъ одинъ другому грубости; чрезъ это возбуждаются разговоры, и они никогда не бываютъ

томны между людьми, кои такимъ образомъ разгорячаются. Ты шутишь, сказалъ Ѳеогенъ, но совсѣмъ твоимъ снисхожденїемъ ты бы не зналъ, что дѣлать, естьли бы попался въ руки нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ людей; съ ними тотчасъ потерялъ бы ты свое равнодушїе. Извини, отвѣчалъ Евфимїй, у меня приняты въ разсужденїи сего свои мѣры; я думаю, что сердиться за такую малость не есть дѣло честнаго человѣка; надобно сносить все отъ безпокойныхъ умовъ, не помышляя ни сколько о грубостяхъ, какїя они тебѣ говорятъ. Я никогда не позабуду прекрасныхъ словъ, сказанныхъ однимъ весьма честнымъ человѣкомъ: нѣтъ прїятнѣе концерта, какъ видѣть двухъ особъ, изъ коихъ одна говоритъ грубости, а другая не отвѣчаетъ на нихъ.

Чрезъ это первая больше ожесточается, сказалъ Ѳеогенъ, таковое притворное молчанїе есть знакъ пренебреженїя. Чрезъ это она успокоивается, отвѣчалъ Евфимїй, ничто не можетъ пристыдить такъ раздраженнаго человѣка, какъ ежели онъ видитъ, что его

оставляютъ на волю его запальчивости, и за грубости и обиды платятъ ему учтивостями. Я пользуюсь еще, присовокупилъ онъ, другимъ средствомъ ради сохраненія въ себѣ хладнокровія, и ради приведенія людей въ разсудокъ. Тотчасъ разсматриваю, въ какомъ смыслѣ они принимаютъ то, о чемъ говорится; потому что, такъ какъ весьма прекрасно сказалъ одинъ авторъ, къ которому имѣю великое почтеніе, одни и тѣже вещи имѣютъ различныя стороны. Человѣкъ не видитъ ихъ всѣхъ, и за то не сердится, но сердится за то, что обманывается: обыкновенно вещь бываетъ справедлива съ той стороны, съ которой мы ее разсматриваемъ, и люди довольны уже тѣмъ, ежели другіе соглашаются, что они правы нѣкоторымъ образомъ.

Ты мнѣ кажешься чуденъ съ своимъ благоразуміемъ, подхватилъ Θеогенъ, хотѣть сдѣлать всѣхъ разсудительными есть великое предпріятіе: большая часть людей слѣдуетъ только своему своенравію и странностямъ испорченнаго воображенія. Мы поступаемъ

въ обращенiи почти также, какъ древнiе философы, которые вооружались противъ мнѣнiя, когда уже оно поддерживаемо было какою нибудь довольно славною сектою.

Одни говорили, на примѣръ, что мы знаемъ все достовѣрно, и что ни въ чемъ не должно сомнѣваться. Пирроновы послѣдователи напротивъ думали, что во всемъ должно сомнѣваться. Платонъ и всѣ его ученики утверждали, что мы ничего новаго не узнаемъ: онъ говорилъ, что душа наша въ наказанiе заключена въ тѣло, и мы по мѣрѣ того, какъ предметы представляются нашимъ глазамъ, приводимъ себѣ на память то, что уже мы знали. Другiе философы увѣряли, что мы совсѣмъ ничего не знаемъ, и что съ невѣжествомъ мы родились. Чтобъ яснѣйшее понятiе имѣть о сихъ проблеммахъ, то они назначали извѣстные дни, въ которые всякъ принимаемъ былъ ради спору. Послѣ многихъ и великихъ криковъ съ обѣихъ сторонъ, никто не зналъ наконецъ, чего онъ хотѣлъ, или чего не хотѣлъ, такъ какъ это дѣлается еще и нынѣ

въ нашихъ школахъ; потомъ что всякой, боясь охотно уступить, и признаться въ своей ошибкѣ, за лучшее считалъ прибѣгнуть ко сту пустыхъ извиненій, и такимъ образомъ обмануть глупцевъ, соблюдая одни наружности.

Люди сіи, сказалъ Евфимій, похожи на хитрыхъ стряпчихъ, защищающихъ несправедливое дѣло, которое они запутываютъ въ длинныхъ разговорахъ, и затмеваютъ пустыми тонкостями, дабы показать его инаковымъ въ глазахъ судей; они скрываютъ его въ тѣни ложныхъ своихъ разсужденій, потому что совѣсть укоряетъ ихъ, что истинна не на ихъ сторонѣ. Тоже самое ежедневно бываетъ въ обращеніи, подхватилъ Θеогенъ, тутъ защищаютъ свои мысли съ упорностію, отвратительною для людей, которые нѣсколько хладнокровны, и не разгорячаются отъ бездѣлицъ. Не должно поставлять за стыдъ признаваться, что мы обманулись, и надобно сносить съ удовольствіемъ, чтобъ люди болѣе просвѣщенные поправляли насъ.

Я не удивляюсь теперь, отвѣчалъ Евфимїй, что большая часть разговоровъ такъ скучна и непрїятна; надобно многому учиться, чтобъ нравиться, также надобно имѣть нѣкоторыя врожденныя дарованїя, коими не всѣ одарены, при томъ держать разговоры съ разумными людьми гораздо труднѣе, нежели мы думаемъ; потому что, такъ какъ мы сказали въ началѣ, большая часть людей имѣетъ умъ ограниченной, которой не снабжаетъ ничѣмъ, и когда они что говорятъ, то не знаютъ сами, что говорятъ, они дѣлаютъ тысячу глупыхъ вопросовъ, и отвѣчаютъ наизворотъ. Мы не можемъ нравиться, естьли не будемъ говорить съ точностїю и съ здравымъ разсудкомъ; не надобно быть нерадивымъ, ниже презирать людей, предъ которыми говорить надобно, чтобъ всегда что нибудь прїятное было сказано, и чтобъ всѣ предлагаемыя матерїи были забавны. Иные такъ досадны, своенравны и странны, что все, что ни дѣлаешь, что ни говоришь, огорчаетъ ихъ; не знаешь, въ какое положенїе привести себя,

чтобъ быть, какъ они желаютъ; лучшїя вещи не трогаютъ ихъ, а иногда заслуживаютъ у нихъ похвалу дурачества.

Ты приводишь мнѣ на память, прервалъ Ѳеогенъ, одного человѣка, Петрархомъ упоминаемаго, которой былъ такого испорченнаго вкуку, что не могъ терпѣть пѣнїя соловьевъ, а плѣнялся кряканьемъ лягушекъ. Чтобъ имѣть всегда удовольствїе, и чтобъ денно и нощно слушать толь забавную музыку, онъ приказалъ построить себѣ прекрасной домъ на берегу пруда, въ весьма отдаленномъ мѣстѣ отъ лѣсовъ, съ тѣмъ, дабы не прилетали птицы тутъ пѣть. Это довольно доказываетъ, сказалъ Евфимїй, что наши забавы зависятъ единственно отъ нашего своенравїя, но надобно имѣть весьма странное воображенїе, чтобъ находить оныя въ слушанїи лягушекъ.

Чтобъ обратиться опять къ тому, о чемъ мы говорили, присовокупилъ онъ, то я скажу, что дабы нравиться, то этого недовольно, чтобъ говорить что нибудь разумное и забавное, а надобно еще, чтобъ была въ разговорахъ прї-

ятность; тысяча людей, говоря весьма о хорошихъ вещахъ, не нравятся, потому что или все не у мѣста говорятъ, или не имѣютъ въ самихъ себѣ никакой прїятности; воображенїе у нихъ слишкомъ трудное и мрачное, которое неспособно къ тому, чтобъ придать веселость предметамъ, о которыхъ говорятъ.

Другїе напротивъ, пересказывая одни пустяки и глупости, всегда бываютъ прїятны, потому что пересказываютъ съ нѣкоторымъ привлекательнымъ и веселымъ видомъ, которой плѣняетъ слушающихъ.

Но когда у кого нѣтъ въ природномъ сложенїи, прервалъ Ѳеогенъ, нѣтъ въ существѣ ничего такого, которое бы могло служить къ увеселенїю въ разговорахъ, то что прикажешь дѣлать? Надобно отдавать себѣ справедливость, отвѣчалъ Евфимїй, такїе люди должны оставаться въ бѣдномъ своемъ положенїи; пусть они рѣшатся слушать, пусть не мыслятъ представлять изъ себя забавныхъ, пусть не берутъ на свой счетъ, что они могутъ веселить

компанїю хорошихъ людей. Удивительно то, примолвилъ онъ, что самые недостаточные умы суть таковы, что хотятъ всегда говорить; они входятъ въ споры глупо, и не можно привесть ихъ въ разсудокъ, потому что ихъ воображенїе такъ закружено, что они не внемлютъ ни сколько тому, что имъ говорятъ. Я знаю такихъ, которые думаютъ, что они очень забавны, а вмѣсто того они весьма смѣшны, они дѣлаютъ иногда вопросы, которые производятъ жалость и всеобщїй смѣхъ; одинъ изъ сихъ, о которыхъ я говорю, на этихъ дняхъ, я слышалъ, спрашивалъ, Фарсалъ былъ ли великой полководецъ; видно онъ слыхалъ о Фарсальскомъ сраженїи.

Человѣкъ, сказавши такую великую глупость, подхватилъ Ѳеогенъ, долженъ чрезвычайно стыдиться самъ себя, но для сего другимъ не надобно ругаться надъ нимъ. Должно соболѣзновать о слабостяхъ людей, и не укорять ихъ невѣжествомъ ихъ, даже и исправляя ихъ, должно брать какїе нибудь обороты, чтобъ пощадить ихъ

смятенїе. Напоминать часто о ихъ дурачествѣ, или пересказывать его во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бываемъ, есть нѣкотораго роду жестокость.

Естьли бы всѣ исполняли въ точности твое правило, и наблюдали бы одни къ другимъ учтивость, примолвилъ Евфимїй, разговоры были бы весьма прїятны; сладость ихъ отравляема бываетъ тѣмъ, что большая часть людей ни объ чемъ не думаетъ, какъ только чтобъ дѣлать оскорбленїя; унижаютъ столько, сколько можно, достойныхъ особъ, дабы возвыситься низверженїемъ другихъ; радуются, когда другїе дѣлаютъ ошибки, и никогда почти ихъ не прощаютъ имъ. Излишно великое желанїе выдавать себя, есть причиною тому, что многїе погрѣшаютъ часто противъ учтивства; наклонность вредить людямъ, коихъ не любятъ, заставляетъ стараться искоренять все могущее причинять въ томъ помѣшательства; есть даже такїе безчестные, что за помѣшательства выговариваютъ другимъ въ глаза самымъ грубымъ образомъ.

Таковой поступокъ недостоинъ честнаго человѣка, подхватилъ Θеогенъ, и когда кто сдѣлалъ подобную странность, то долженъ скрываться и отрекаться отъ всякаго знакомства. Ты осудишь многихъ жить въ уединенїи, отвѣчалъ Евфимїй; собранїя бы не были столь велики и столь многочисленны, естьли бы не терпѣли въ нихъ, кромѣ людей вѣжливыхъ, и знающихъ обращаться въ свѣтѣ. Подлинно, всякой вкушалъ бы несравненно болѣе прїятности, естьли бы ѣздя въ гости находилъ только честныхъ людей; но тѣ, которые бываютъ у всѣхъ безъ разбору, не должны онаго ожидать; естьли попадутся когда нибудь въ хорошїя руки, то принуждены будутъ терпѣть досадныхъ людей.

Это ихъ вина, сказалъ Θеогенъ, и я не сожалѣю объ нихъ, что они терпятъ досады въ непрїятныхъ посѣщенїяхъ; они прїѣжжаютъ, чтобъ только показаться, и заставить говорить о себѣ, и чтобъ сказали въ свѣтѣ, что они имѣютъ много друзей всякаго

характеру. Они совсѣмъ не такого вкусу, какъ тотъ честной человѣкъ, котораго я пересказывалъ тебѣ весьма полезныя наставленія. Я не хвалю, говоритъ онъ, великихъ любителей знакомствъ, которыя не служатъ ни къ чему; должно искать только достойныхъ людей, и тѣхъ, которые бы охотно знались съ нами: всякой больше выиграетъ, сберегая у себя старыхъ друзей, нежели занимаясь всегда исканіемъ новыхъ. Всякой весьма разумно дѣлаетъ, что обращается съ своими друзьями, примолвилъ Евфимій, когда онъ столько щастливъ, что ихъ имѣетъ; тѣ, которые ежедневно только что перемѣняютъ, и переходятъ изъ знакомства въ знакомство, не знаютъ сами, чего ищутъ, и суть весьма не благоразумны. Старый другъ есть рѣдкость, и мы мало знаемъ цѣну его.

Этого правила нѣтъ въ нравоученіи женщинъ, старающихся вселять любовь, прервалъ Ѳеогенъ; онѣ утѣшаются новостью, и хотятъ всегда имѣть толпу: онѣ скоро наскучиваютъ

одними и тѣми же лицами, новыя побѣды питаютъ ихъ вкусъ, и придаютъ блеску ихъ достоинствамъ. Естьли онѣ не дѣлаютъ шумъ, естьли объ нихъ не говорятъ во всѣхъ мѣстахъ, то онѣ недовольны собою; тайна и молчанïе для нихъ не нужны, онѣ столько безразсудны, что первыя обезславливаютъ себя, хвастаясь такими случаями, которыя бы должно было всячески стараться скрывать. Для меня весьма утѣшно, когда я найду въ одномъ мѣстѣ двухъ таковыхъ женщинъ, имѣющихъ одинакïя намѣренïя, продолжалъ Евфимïй, нѣтъ ничего забавнѣе, какъ видѣть лице, какое онѣ играютъ; это настоящая комедïя. Онѣ разсматриваютъ съ видомъ презрѣнïя одна другую съ ногъ до головы глазами, исполненными негодованïя и зависти; въ учтивостяхъ ихъ видны холодность и принужденность, которыя изумляютъ и приводятъ самихъ ихъ въ замѣшательство, но онѣ не надолго останавливаются на учтивостяхъ, отъ нихъ переходятъ онѣ къ оскорбительнымъ словамъ и къ упрекамъ. Это прекрасное мѣсто комедïи,

потому что тутъ часто встрѣчаются весьма любопытныя сцены, открывающія тысячу пріятныхъ новостей.

По крайней мѣрѣ надлежало бы имъ быть скромными хотя столько, сказалъ Ѳеогенъ, чтобъ не ѣздить въ гости, безпокоить людей частными своими ссорами; тутъ не кстати увѣдомлять публику о своихъ приключеніяхъ, такого роду ссоры должны бы быть кончаны одинъ на одинъ. Ты шутишь, подхватилъ Евфимій, они готовы сказать все это на театрѣ; мы живемъ въ томъ времени, въ которомъ больше не дѣлаютъ тайностей изъ дѣлъ сего сорту. Женщины, о которыхъ я говорю, удостовѣрены, что честны и порядочны однѣ только тѣ, которыя не имѣютъ достоинствъ, и что тѣ, которыя выдаютъ себя въ публикѣ цѣломудренными, въ душахъ своихъ совсѣмъ инаковы, но онѣ притворяются для такихъ причинъ, коихъ никто не знаетъ.

Какъ бы то ни было, продолжалъ Ѳеогенъ, когда кто дѣлаетъ посѣщеніе тѣмъ людямъ, коихъ почитаетъ, и

хочетъ показать имъ вѣжливость, то долгъ обязываетъ его сохранять уваженіе; шумъ и крикъ безпокоитъ ихъ, а безпокоить никого не должно: это первая вещь, о которой надобно помышлять, опасаясь, чтобъ не быть досадну и несносну. Должно умѣть узнавать по лицу людей, не въ тягость ли ты имъ: это бросается въ глаза, естьли только мы замѣчаемъ, и естьли не льстимъ сами себѣ. Я лучше соглашусь быть погребеннымъ на всю жизнь, нежели ѣхать въ гости къ такимъ людямъ, которыхъ тяготитъ мое присутствіе. Люди, коихъ все упражненіе въ томъ, чтобъ безпрестанно ѣздить по гостямъ, бываютъ часто въ тягость; другой занятъ дѣломъ, или съ особливыми друзьями, или нерасположенъ видѣться съ тѣми, къ коимъ онъ равнодушенъ, и ты пріѣдешь не кстати показать себя въ томъ мѣстѣ, гдѣ тебя не желали. Разумные усматриваютъ то тотчасъ, и когда замѣтили, то должно взять мѣры уѣхать, сколько возможно, скорѣе, дабы не безпокоить болѣе скучнымъ медленіемъ.

Весьма нужно также, присовокупилъ Евфимій, знать расположеніе людей, и состояніе души ихъ, дабы не сдѣлать что не во время; ибо естьли они огорчены и печальны, то совсѣмъ было бы не кстати смѣяться и шутить. Недавно я былъ у одного изъ моихъ особенныхъ пріятелей, которой претерпѣлъ важную потерю; все его семейство было тѣмъ поражено; тутъ пріѣхалъ одинъ человѣкъ, которой по видимому не зналъ сего приключенія, онъ всѣ силы употреблялъ, чтобъ говорить что нибудь пріятное, дабы показаться веселымъ и забавнымъ; его терпѣли, но посѣщеніе его не нравилось. Въ разсужденіи сего онъ не виноватъ, но это доказательствомъ служитъ тому, что, какъ я сказалъ, должно стараться узнавать, что у другихъ въ душѣ находится, дабы принаравливаться къ ихъ неудовольствіямъ или къ радости.

Мнѣ кажется, отвѣчалъ Ѳеогенъ, когда кто печаленъ или худо расположенъ, то не долженъ ѣхать никуда; бываютъ минуты, въ кои душа наша въ такомъ стѣсненіи находится, что

мы скучаемъ всѣмъ, и ничто намъ не нравится; а когда мы сами себя едва можемъ сносить, то безъ сомнѣнія подвергаемся быть непріятными другимъ; и слѣдовательно не кстати ѣхать, наводитъ людямъ скуку. Это правда, отвѣчалъ Евфимій, я исключилъ бы однакожъ изъ сего правила нѣкоторыхъ особенныхъ друзей, съ которыми у насъ нѣтъ тайностей, и которымъ мы открываемъ безъ околичностей все, что у насъ есть на сердцѣ, дабы посредствомъ такихъ довѣренностей получать облегченіе. Друзья наши обязаны, по законамъ обращенія, брать участіе во всемъ, что до насъ относится, и помогать намъ переносить скуку; но извѣщать о нашихъ приключеніяхъ людей, съ коими мы равнодушны, и наскучивать имъ повѣствованіемъ нашихъ нещастій, ни сколько не будетъ кстати, потому что они обыкновенно мало бываютъ тѣмъ тронуты. Надобно обходиться съ людьми на той ногѣ, какъ они живутъ съ нами, тайны нашихъ сердецъ должны быть открываемы только искреннимъ нашимъ друзьямъ;

это будетъ противъ здраваго разсудка, естьли мы пріѣхавъ въ гости, станемъ дѣлать довѣренности такимъ людямъ, которыхъ видѣли только однажды, и которые весьма удивятся такому дружескому обращенію, родившемуся мгновенно.

Этотъ порокъ, подхватилъ Ѳеогенъ, общій у многихъ, которые такъ жадны къ тому, чтобъ дѣлать довѣренности, что дѣлаютъ ихъ всѣмъ тѣмъ, кто не отречется принять на себя трудъ слушать ихъ. Они иногда выдаютъ за тайну то, что всему свѣту извѣстно, и я видалъ такихъ, которые просили содержать втайнѣ пересказанныя ими новости, кои читаны въ газетахъ. Сіи люди весьма смѣшны, сказалъ Евфимій, при всѣхъ ихъ довѣренностяхъ никто ими не будетъ доволенъ, и имъ надлежало бы оставить всѣ сіи таинственныя пуступки.

Люди подозрѣвающіе еще досаднѣе не сравненно, отвѣчалъ Ѳеогенъ; что касается до меня, то я называю ихъ тираннами обращенія, они связываютъ всѣхъ, и надобно быть оченъ гибку,

чтобъ не подать имъ подозрѣнія. Люди ограниченныхъ достоинствъ дѣлаютъ себѣ огорченія изо всего; они всегда на иголкахъ и на цыпочкахъ, все толкуютъ наизворотъ; они думаютъ, что всѣ случающіеся смѣхи злостны, и что всегда подразумѣвается въ нихъ лукавство. Ничего незначущее слово оскорбляетъ ихъ воображеніе, потому что они считаютъ всегда, что говорятъ объ нихъ и разсказываютъ тутъ невыгодныя вещи; въ сихъ мысляхъ отводятъ тебя часто на сторону, и требуютъ изъясненій въ разсужденіи обидъ, которыя причинять имъ никто недумалъ.

Это характеръ тѣхъ людей, которые вступили въ лѣта преспарѣлости, отвѣчалъ Евфимій: они всегда жалуются, что не отдаютъ имъ всего должнаго почтенія по ихъ лѣтамъ, и что молодые люди нынѣ слишкомъ своевольны. Для чегожъ они тому сами себя подвергаютъ, прервалъ Ѳеогенъ? Они долженствовали бы отдавать себѣ справедливость, и размыслить, что они ни сколько почти уже неспособны къ

веселымъ разговорамъ, лице ихъ отнимаетъ свободу у молодыхъ; и хотя изъ учтивости терпятъ ихъ, но всегда при нихъ бываютъ въ принужденности, лишающей всего того удовольствїя, которое вкушаютъ молодые люди, когда они полные господа во всемъ, и когда не опасаются, чтобъ ихъ стали осуждать. Вотъ объ этомъ надлежало бы приближившимся къ старости подумать; ибо непрїятно, естьли въ компанїи почитаютъ досаднымъ человѣкомъ: надобно считать, такъ какъ сказалъ одинъ весьма остроумный, что конецъ увеселенїй долженъ быть началомъ уединенїя.

Престарѣлые люди не всѣ бываютъ такъ безпокойны и такъ угрюмы, какъ ты думаешь, отвѣчалъ Евфимїй; есть изъ нихъ такїе, которые имѣютъ весьма хорошїй нравъ, заставляющїй всѣхъ желать ихъ присутствїя; кудабы они ни прїѣхали, нигдѣ они не лишнїе; я употреблю прекрасное выраженїе одного изъ лучшихъ авторовъ, морщины ихъ лица не касаются ихъ разума. Я зналъ одну особу осмидесяти лѣтъ, у нее было столько духу, столько живости

и пріятности, сколько у другихъ въ самомъ цвѣтѣ ихъ лѣтъ; особа, о которой говорю, любила всѣ веселости, хотѣла во всемъ быть товарищемъ, и я могу сказать, что она не портила праздниковъ. Есть люди, которые бываютъ гораздо долѣе молоды, нежели другіе, и которые приходя въ старость, не теряютъ ничего изъ ихъ веселости; ты самъ знаешь иныхъ, также какъ я, къ которымъ всѣ имѣютъ привязанность, и кои всѣмъ доставляютъ удовольствіе. Такъ какъ они любятъ то, что ихъ увеселяетъ, и для нихъ пріятно, ежели у нихъ много гостей, то они употребляютъ самихъ себя всѣхъ, чтобъ нравиться молодымъ людямъ. Они не бываютъ ни завистниками ни охуждателями, ни властителями, ни оскорбителями, они не осмѣхаютъ никого въ разсужденіи обращенія, и не находятъ за дурное, когда молодые люди веселятся, и пользуются правомъ такихъ пріятныхъ своихъ лѣтъ.

Люди сего характеру, сказалъ Ѳеогенъ, могутъ быть принимаемы хорошо въ самыхъ веселыхъ собраніяхъ;

и я недумалъ ихъ исключить, говоря, что престарѣлые должны помышлять о уединенiи; я говорилъ только о тѣхъ, кои состарѣвшись, получили немощи старости, сдѣлались скучны, безпокойны, бранчивы, и не могутъ сносить, чтобъ молодые люди наслаждались прiятностями жизни. Большая часть тѣхъ женщинъ, которыя постоянны по тому, что не могутъ болѣе быть инаковы, съ жестокою строгостiю осуждаютъ все то, что сами дѣлали въ свое время, и подаютъ другимъ наставленiя, которыхъ никогда не исполняли; и сiи всегдашнiя наставленiя премудрости, ими провозвѣщаемыя, заставляютъ смѣяться всѣхъ тѣхъ, кои знаютъ исторiю ихъ жизни. Онѣ думаютъ можетъ быть, что охуждая поведенiе другихъ, возбудятъ всѣхъ быть благосклонными къ нимъ, и увѣрятъ всѣхъ, что онѣ таковы, каковыми хотятъ чтобъ другiя были; но все это не служитъ ни къ чему иному, какъ только къ содѣланiю ихъ досадными и безпокойными.

Какъ должно поступать, спросилъ Евфимiй, съ тѣми, которые тебѣ на-

скучиваютъ, и съ которыми видѣться слишкомъ часто тебѣ въ тягость? Какое средство къ тому, чтобъ избавиться отъ сихъ людей съ учтивостїю нѣкотораго роду? Сначала должно, отвѣчалъ Ѳеогенъ, испытать самыя лучшїя дороги, дабы удалить ихъ такъ, чтобъ они не почувствовали, что мы скучаемъ ими; можно извиняться нужными дѣлами, коихъ не льзя отложить, иногда сослаться на болѣзнь въ головѣ, на мигрену и на вѣтры, которые мучатъ, въ другое время игра или прогулка освободитъ тебя отъ хлопотъ, и такимъ образомъ они отвыкнутъ видѣться съ тобою такъ часто. Но естьли не смотря на всѣ сїи отговорки, они доводятъ тебя до крайности, сказалъ Евфимїй, то какое средство изберешь ты? Естьли они столько безпокойны, какъ ты говоришь, отвѣчалъ Ѳеогенъ, и естьли недостаетъ въ нихъ ума разобрать, что ихъ убѣгаютъ, то не надобно столько щадить ихъ; надобно приматься за такїе способы, которые бы лучше заставили ихъ чувствовать. Есть люди, отъ которыхъ

не льзя иначе освободиться, какъ чрезъ неучтивость нѣкоего роду, и которые задавили бы насъ своими посѣщенїями и записками, естьли бы мы оказывали имъ снисхожденїе. Ежели можно избавиться отъ сего безполезнаго знакомства, не подавъ причины жаловаться, то хорошо, а ежели не можно, то еще лучше, чтобъ жаловались на насъ.

Этотъ способъ совершенно по моимъ мыслямъ, отвѣчалъ Евфимїй, и я думаю, что буду принужденъ употребить его для избавленїя себя отъ несноснаго человѣка, которой не даетъ мнѣ покою своими частыми посѣщенїями. Онъ есть одинъ изъ тѣхъ пышныхъ господъ, которые думаютъ, что они живутъ прямо по модѣ и доставляютъ людямъ величайшее удовольствїе, будучи безпрестанно съ ними; но что касается до меня, то я его съ великимъ трудомъ терплю, мнѣ онъ въ тягость; кажется, что вижу повсюду лице его, и одна эта мысль уже моритъ меня. Онъ никогда больше не говоритъ, какъ о мѣнѣ собакъ, лошадей, о гоньбѣ оленей, о составленїи тысячи химериче-

скихъ увеселенїй, и все это оканчиваетъ ничѣмъ. Онъ безпрестанно упоминаетъ первочиновныхъ людей, съ которыми знакомъ, и обходится весьма вольно; имѣетъ полные карманы записокъ отъ такого-то Господина и отъ той-то Госпожи, и гоняется за тобою, чтобъ тебѣ читать ихъ; я не думаю, чтобъ въ подсолнечной былъ человѣкъ несноснѣе его. По сїе время я щадилъ его, не смотря на то, что сверхъ всѣхъ пересказанныхъ мною теперь прекрасныхъ качествъ, онъ великой крикунъ, придирающїйся ко всему, съ которымъ надобно ссориться гораздо позднѣе, нежели бы можно было; однакожъ впредь не стану болѣе щадить его столько, я хочу избавиться отъ него, во чтобъ то ни стало.

Ты весьма разумно сдѣлаешь, отвѣчалъ Ѳеогенъ, ничто столько не отравляетъ жизни, какъ безпокойные люди, и глупыя ихъ посѣщенїя; особливо когда кто съ особенными своими друзьями вкушаетъ всю сладость прїятнаго обхожденїя, или когда кто расположился съ своими домашними и съ

своими ближними повеселиться въ нѣкоторые дни такими забавами, которыхъ не хотѣлъ бы имѣть свидѣтелей; и естьли въ это время не кстати прїѣдетъ какая особа, къ которой онъ равнодушенъ, то не нужно уже болѣе ничто къ помѣшательству веселостей, и какой бы прїятной видъ ни показывали тутъ, но всѣ во внутренности сердца бѣсятся.

Есть еще другой родъ досадныхъ людей, коихъ я нахожу весьма несносными, присовокупилъ Евфимїй; это тѣ, которые скучаютъ всѣмъ, что имъ ни говорятъ. Сколько ни стараются развеселить ихъ, и отплатить имъ за ихъ посѣщенїе, ничто не трогаетъ ихъ, они изъявляютъ недовольнымъ лицемъ, что имъ скучно; то и дѣло они зѣваютъ, протираютъ глаза, спрашиваютъ безпрестанно, которой часъ, и какъ давно они прїѣхали. Да естьли бы и дѣйствительно было скучно, то не благопристойно дать замѣтить свою скуку тѣмъ, коими мы не совсѣмъ пренебрегаемъ, и сохраняемъ къ нимъ нѣкоторую вѣжливость. Показывающїеся

толь угрюмыми и чувствующими ко всему отвращенїе должны опасаться сами, чтобъ не навести также скуки другимъ, такъ какъ они часто бываютъ самыми безразсудными въ свѣтѣ людьми.

Какъ ты думаешь, спросилъ Ѳеогенъ, о тѣхъ великихъ охотникахъ до вѣжливостей, которые осыпаютъ всѣхъ учтивостями, которые всегда запутываются въ комплементахъ, и съ величайшимъ трудомъ поправляются въ оныхъ. Я видаю каждый день такихъ, кои не успѣютъ взойти въ комнату, начинаютъ уже разсматривать положенїе, мебели, потолокъ, картины, и говорятъ панегирикъ всему; они хвалятъ даже кресла и щитокъ, которые для нихъ ставятъ у камина.

Досадные люди этого роду очень несносны, отвѣчалъ Евфимїй, я боюсь ихъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько ты тяжущихся или потерявшихъ свой процессъ. Они дѣлаютъ замѣшательство при всякихъ дверяхъ, надобно спорить часъ, кому первому итти; лучше бы согласиться разобрать свои дѣла, и означить всѣ шаги, гдѣ дол-

жно ступить впередъ и гдѣ назадъ. Это обычай Италїянцовъ, которые очень прилеплены къ обрядамъ; они знаютъ точно, до какого мѣста имъ должно итти, они почти не ошибаются въ томъ, и далѣе никогда нейдутъ; но должно признаться, что такїе любители церемонїй отвратительны, никто не любитъ связывать себя, видъ вольной, непринужденной и природной несравненно прїятнѣе.

Горожане, живущїе въ провинцїяхъ, и педанты столько же затруднительны въ учтивостяхъ; естьли они примутся говорить комплементы, то не въ состоянїи привести ихъ къ концу, сами мучатся много, и тѣхъ заставляютъ потѣть, которые ихъ слушаютъ. Ты забылъ еще родъ людей, сказалъ Ѳеогенъ, которые несноснѣе всѣхъ упомянутыхъ теперь тобою; они всѣ силы напрягаютъ, чтобъ говорить только острыя слова и ласкательства, неприличествующїя ни сколько ихъ состоянїю; ихъ платье, фигура, выдыхаемый ими воздухъ, все это не столько отвратительно, какъ дѣлаемыя ими комплементы. Над-

лежало бы имъ помнить, что простота, составляющая часть ихъ характера, не можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтскимъ надменнымъ видомъ, какой они иногда принимаютъ на себя; они не должны болѣе помышлять быть пріятными: не чрезъ это, а чрезъ скромность, набожность и всегдашнее уединеніе должны они нравиться. Не кстати имъ хвастаться хорошими компаніями и посѣщеніями госпожъ, гдѣ бываетъ множество людей; въ такихъ мѣстахъ они долженствуютъ быть только ради внушенія добродѣтели, а не ради того, чтобъ говорить учтивости. Хотя кажется ихъ и терпятъ иногда, но почитаютъ безпокойными, ежели видятъ слишкомъ часто, а не смѣютъ того обнаружить по причинѣ остатка почтенія къ званію ихъ, а не къ особамъ.

Бываютъ досадные люди всякого роду, подхватилъ Евфимій, они повсюду безпокоятъ; нѣтъ мѣста, которое бы было безопасно отъ ихъ преслѣдованій, они портятъ самыя пріятныя компаніи. Вотъ что побуждаетъ

насъ часто любить уединенїе; ибо послѣ тысячи безразсудныхъ разговоровъ мы рады дать отдохновенїе уму, говоря сами съ собою. Естьли что болѣе всего связываетъ меня въ посѣщенїяхъ, то это встрѣчающїеся незнакомые, съ которыми не было у меня никакого сообщества. Ты полагаешь, что ѣдешь къ прїятелямъ, а попадешь въ руки незнаемыхъ, при коихъ надобно имѣть принужденность и осторожность, тягостью служащую; ибо когда откровенности нѣтъ болѣе мѣста въ разговорахъ, то остается одно смятенїе и родъ маленькаго противоборства, въ которомъ безпрестанно одинъ на другаго нападаетъ, и гдѣ каждой долженъ поступать осторожно.

Посѣщенїя дѣлаемыя великимъ людямъ, возвысившимся безпредѣльно надъ прочими, обыкновенно бываютъ не очень прїятны по тягостнымъ обязанностямъ, естьли особы, коимъ дѣлаются оныя, не имѣютъ той благосклонности, чтобъ услаждать ихъ, человѣколюбствуя и отступая нѣсколько отъ своей знат-

ности, такъ какъ въ этомъ одномъ состоитъ средство къ пріобрѣтенію любви отъ старающихся изъявлять свое почтеніе; иначе, ежели они всегда горды и хотятъ удерживать вездѣ то званіе, въ которомъ родились, то ихъ станутъ почитать, но любить не будутъ.

Александръ Великій, чтобъ вкрасться въ сердце солдатъ своихъ, приходилъ къ нимъ въ палатки, и разговаривалъ съ ними дружески о тѣхъ вещахъ, которыя соразмѣрны ихъ уму, о сраженіяхъ, объ опасныхъ случаяхъ, въ коихъ они находились, о ранахъ, кои они получили. Таковое наружное снисхожденіе заставило всѣхъ его солдатъ любить его искренно, и жертвовать всѣмъ для его щастія. Чѣмъ кто болѣе, тѣмъ менѣе подвергается опасности, унижая себя, дабы привести нѣкоторымъ образомъ въ соразмѣрность съ тѣми людьми, съ которыми имѣетъ дѣло.

Фельдмаршалъ Брезе, присовокупилъ Евфимій, пересказываетъ, что тоже почти самое дѣлалъ Густавъ Ве-

ликій, когда велЪ войну вЪ Германіи. Трудясь и потѣя цѣлый день подЪ оружіемЪ, онЪ игралЪ по вечерамЪ вЪ разныя игры сЪ своими Полковниками; и сверхЪ того приказывалЪ имЪ забыть, что сЪ ними Король, дабы они болѣе имѣли свободы веселиться, и успокоить себя отЪ великаго утомленія. Для Густава надобно было то только, чтобЪ почитали его КоролемЪ, когда онЪ предводительствуетЪ войсками, или когда онЪ вЪ такомЪ мѣстѣ, гдѣ должна быть сохранена церемонія.

Большіе люди, ежели желаютЪ имѣть удовольствіе, сказалЪ ѲеогенЪ, должны давать нѣсколько вольности тѣмЪ, которые стараются угождать имЪ; но сіи не должны брать больше, нежели имЪ даютЪ, не должны ни дѣлать ни говорить никогда, что бы означало слишкомЪ пріятельское обращеніе, или что бы преступало предѣлы почтенія, каковое мы обязаны соблюдать кЪ тѣмЪ, кои выше насЪ. Естьли они человѣколюбивы, или естьли упускаютЪ нѣсколько изЪ своего права, то сіе дол-

жно считать за милость, а не во зло употреблять; мы не должны принимать на себя такихъ видовъ, которые бы нарушали правила учтивства.

Какъ мыслишь ты, говорилъ Евфимїй, о тѣхъ людяхъ, которые предаются всегда пустой радости; въ продолженїи цѣлаго разговору они ничего больше не дѣлаютъ, какъ только хохочутъ во все горло, и весьма часто не знаютъ сами для чего смѣются; ничего незначащая малость, которую дѣлаютъ или пересказываютъ, восхищаетъ ихъ, такъ что они не могутъ принять болѣе равнодушныхъ чувствованїй. Не должно никогда, отвѣчалъ Ѳеогенъ, предаваться столь глупой радости, которой не можно быть господиномъ; когда оные люди печальны, то уже слишкомъ печальны, ничто не можетъ ихъ утѣшить, а когда въ другомъ расположенїи духа, то погружаются въ глупыя радости, которыхъ не могутъ умѣрить; всегда надобно предъ людьми держать точную средину, хорошо быть веселаго нраву, но не должно выходить изъ предѣловъ благопристойности.

Большая часть людей, примолвилъ Евфимій, не имѣетъ вѣрнаго разсудку, и мало старается исправлять себя, или потому что не знаетъ прямаго употребленія вещей, или что не хочетъ принудить себя, чтобы не дѣлать и не говорить ничего, кромѣ разумнаго. Естьли они говорятъ о какой бездѣлицѣ, то всегда съ чрезвычайными выраженіями, дабы дать болѣе вѣсу своимъ словамъ; естьли пересказываютъ какую нибудь пустую новость, то слушая ихъ подумать можно, что это что нибудь важное въ Государствѣ; естьли говорятъ о красотѣ женщины, то это всегда красота совершенная и помрачающая всѣхъ прочихъ, ни любовь ни Венера не могутъ сравняться съ нею, и не имѣютъ столько пріятностей при ней: ежели же сказываютъ, что другая безобразна, то это такое безобразіе, которое производитъ тошноту, по ихъ мнѣнію нѣтъ ничего отвратительнѣе или ужаснѣе въ свѣтѣ; тоже самое дѣлаютъ и въ разсужденіи другихъ матерій, естьли хвалятъ данный имъ ужинъ, то это былъ ужинъ отмѣнной,

гдѣ царствовало изобилїе во всемъ считающемся рѣдкимъ.

Сїи люди весьма смѣшны, говорилъ Ѳеогенъ, со всѣми своими увеличиванїями; когда мы говоримъ что нибудь съ тѣмъ, чтобъ понравиться людямъ здравомыслящимъ, то должно оное дѣлать съ видомъ скромнымъ и естественнымъ; я также думаю, какъ одинъ весьма любезной авторъ, что не должно говорить при всякомъ случаѣ: пожалуйте выслушайте одно острое слово, выслушайте удивленїя достойную вещь. Говоря о маловажныхъ предметахъ, надобно имѣть видъ простой; всякой презираетъ тѣхъ, которые хотятъ, чтобъ удивлялись и вѣрили всему тому, что они говорятъ, по причинѣ той, что говорятъ съ важнымъ видомъ.

Это порокъ, отвѣчалъ Евфимїй, хотѣть, чтобъ хвалили насъ за все, что мы разсказываемъ, потому что разсказываемъ такїя вещи, которыхъ другїе не знаютъ, или по тому, что разсказываемъ необыкновеннымъ образомъ. Кстати надобно пересказать тебѣ приключенїе, случившееся со мною

на сихъ дняхъ. Я былъ съ однимъ изъ тѣхъ господъ, которые тщеславятся новыми открытїями, онъ мнѣ сказалъ, что онъ недавно анатомилъ водяную вошъ, и нашелъ въ этомъ маленькомъ животномъ, скрывающемся отъ нашего глазу, сердце, почки, печень, возвращающїя и относящїя жилы и кровь; онъ прибавилъ, что все это движется, кровь течетъ по маленькимъ жилкамъ, сердце и артерїи имѣютъ правильное бїенїе, и вся эта маленькая машина имѣетъ свои принадлежности и все нужное къ жизни, такъ какъ и большїя животныя.

Надобно, чтобъ человѣкъ, о которомъ ты говоришь, отвѣчалъ Ѳеогенъ, имѣлъ хорошїе глаза, естьли онъ все то подробно разсмотрѣлъ, и я признаюсь, что такїя вещи выше моего понятїя. Однакожъ я вѣрю его словамъ, потому что я не изъ числа тѣхъ, которые не имѣютъ вѣроятїя во всемъ томъ, что кажется чрезвычайнымъ. Они часто по побужденїю завистливой злости стараются критиковать, когда другїе сказываютъ что нибудь новое,

можетъ быть они думаютъ, что по таковой строгой критикѣ станутъ почитать ихъ весьма просвѣщенными; въ сихъ мысляхъ они охуждаютъ все безъ разбору и безъ различїя, какую бы кто хорошую вещь ни сказалъ, отъ нихъ никогда не услышишь, что это хорошо.

Они этимъ не довольствуются, подхватилъ Евфимїй, они хотятъ увѣрить, что то, которое сказывается, не есть новое, что вещи, которымъ такъ удивляются, не суть великїя тайны. Тотъ же почти порокъ бываетъ, когда какая особа пересказываетъ новость; тѣ, которые хотятъ показать, что они значатъ нѣчто, тотчасъ входятъ въ разговоръ, и сказываютъ, что имъ давно извѣстно сїе приключенїе; но ихъ можно поимать, ежели попросить, чтобъ разсказали его обстоятельно. Да хотя бы и знали дѣло, то не должно того показывать, примолвилъ Ѳеогенъ; надобно дать время тому, кто началъ разговоръ, окончить его, и сказать все, что знаетъ: а ежели онъ забудетъ какое нибудь важное обстоятельство, то

можно напомнить ему объ немъ, однакожъ надобно это дѣлать благопристойно, не прерывая его. Ибо великая будетъ невѣжливость, естьли вступить въ разговоръ, такъ какъ тысячи людей это дѣлаютъ, и лишить другихъ удовольствія разсказывать, что они знаютъ; мы чувствуемъ всегда внутренное негодованіе противъ тѣхъ, кои похищаютъ у насъ сіе удовольствіе, и слушаемъ, что они говорятъ, не иначе, какъ съ досадою и съ отвращеніемъ.

Лучше не сказать ни слова во время всего разговору, нежели сдѣлать такое неучтивство, и оскорбить людей безъ причины; но есть такіе, которые безпрестанно хотятъ говорить, имѣя непреодолимую склонность выдавать себя. Дурно то, продолжалъ Евфимій, что великіе говоруны не всегда говорятъ умное, и другіе мало находятъ удовольствія ихъ слушать. Я не говорю, что надобно обдумывать то, что должно говорить въ компаніи: часто случается, что сказанное безъ всякаго пріуготовленія гораздо пріятнѣе, нежели совершенно обдуманной разго-

воръ; надобно только пріучать себя говорить, сколько возможно, вѣжливѣе, и самымъ натуральнымъ образомъ.

Многіе есть, которые слишкомъ вольны въ разсужденіи сего, подхватилъ Ѳеогенъ; кажется, что они не хотятъ брать на себя труда нравиться, и употреблять приличныя слова для выраженія того, что говорятъ. Надлежало бы имъ подумать, что дурной языкъ есть жестокое наказаніе для людей хорошаго вкусу: самыя лучшія вещи теряютъ половину своей цѣны, когда не выражаются хорошими терминами; они такъ почти, какъ мяса, которыя сколько ни отборны, всегда бываютъ невкусны, ежели худо приправлены. Я не говорю однакожъ, что надобно избирать слова, и имѣть особливое стараніе о расположеніи ихъ, такъ какъ бы кто сочинялъ что въ своемъ кабинетѣ; а должно столько, сколько можно, соединять красоту и пріятность, я не знаю, съ чѣмъ-то свободнымъ и натуральнымъ, къ чему можно привыкнуть, когда кто захочетъ принуждать себя нѣкоторое время. Ни-

что не плѣняетъ болѣе, какъ особа изъясняющаяся просто и пріятно; напротивъ того ничто непротивно столько, сколько разговоръ жестокой и грубой, хотя бы мысли въ немъ были довольно хороши. Вожеласъ говаривалъ, что дурное разсужденіе менѣе вредно, нежели дурное слово; потому что надобно еще размышлять, дабы узнать несправедливость перваго, а дурное слово тотчасъ примѣчено будетъ всѣми.

Старающіеся нравиться должны быть увѣрены, что несравненно болѣе нравятся умомъ, нежели всѣми другими врожденными качествами; разумный человѣкъ всегда дѣлаетъ удовольствіе, и всякой за честь себѣ ставитъ видѣть его, и имѣть съ нимъ знакомство. Красота пропадаетъ, и мы смотря безпрестанно на прекрасную картину, наконецъ устаемъ; но слушая отмѣнные разговоры разумныхъ людей, соединенные всегда съ пріятностію, никогда не устанемъ. Тѣ, которые не слишкомъ хорошо снабжены со стороны ума, и которые чувствуютъ свои недостатки, спасаются отъ стыда, какъ могутъ;

а что касается до совершенныхъ красавицъ, то онѣ легко остаются довольными, и считаютъ еще, что онѣ должны имѣть преимущество предъ самыми остроумными. Это правда, примолвилъ Евфимій, что онѣ служатъ украшеніемъ въ обществѣ; ежели онѣ ничего не говорятъ, то довольно хорошо выдерживаютъ свое званіе, и ихъ не льзя ничѣмъ укорять. Которыя же не имѣютъ красоты, тѣ прибѣгаютъ къ нарядамъ, и льстятся, что оными нарядами замѣняютъ достоинства, и что лѣнтами и драгоцѣнными платьями вознаграждаются всѣ ихъ природные недостатки.

Дѣлаютъ все, что только могутъ, сказалъ Θеогенъ, дабы скрыть, что имѣютъ въ себѣ отвратительнаго; ибо желаніе нравиться свойственно всѣмъ людямъ, и всякой находитъ тысячу способовъ къ тому, чтобъ не обнаружить, ежели узнаетъ въ себѣ что неприятное. Калигула, которой былъ очень плѣшивъ, запретилъ подъ смертною казнію смотрѣть на себя сверху, опасаясь, чтобъ не увидѣли плѣшивой

его головы; а я знаю людей, которые бы желали, чтобъ весь свѣтъ былъ слѣпъ, дабы никто не могъ примѣтить, что въ нихъ находится противное. На добно, чтобъ они утѣшили себя, присовокупилъ Евфимїй, и чтобъ недостатокъ наружныхъ прїятностей потщились вознаградить своимъ хорошимъ природнымъ расположенїемъ, своею честностїю, маленькими старанїями и поспѣшностїю дѣлать угожденїе всѣмъ.

Это прекрасное средство къ тому, чтобъ понравиться, подхватилъ Ѳеогенъ, быть всегда готову обязывать всѣхъ; но не надобно думать, что мы можемъ исполнять оное одними пустыми комплементами. Мы видимъ довольно такихъ, которые предлагаютъ услуги всѣмъ прїѣжжающимъ къ нимъ, и обѣщаютъ имъ какъ свое, такъ и друзей своихъ ходатайство, когда они будутъ имѣть въ немъ нужду; они обѣщаютъ тоже самое всѣмъ, и не исполняютъ своего слова никогда. Сперва всякой обманется, потому что всякой вѣритъ удобно въ томъ, чего онъ желаетъ, а при томъ всѣ свои обѣщанїя они дѣла-

ютъ съ видомъ убѣдительной искренности; но когда надобно приступать къ дѣлу, и когда всякой опытомъ узнаетъ, что все оное кончится ничѣмъ, то они остаются въ презрѣніи, и почитаются сплетателями бредней, слѣдовательно вмѣсто того, чтобъ сдѣлаться пріятными, они становятся весьма смѣшными. Надобно, чтобъ честной человѣкъ былъ вѣренъ въ своемъ словѣ, и чтобъ не обѣщавалъ никогда того, что не хочетъ исполнить.

Не надобно также, примолвилъ Евфимій, ничего обѣщать свыше силъ своихъ, и входить въ дѣла пустыя. Это порокъ людей тщеславныхъ, всегда хвастающихся передъ тѣми, кои ихъ не знаютъ. Слушая ихъ всякой подумаетъ, что они управляютъ цѣлымъ Государствомъ, они заглушаютъ всѣхъ, разсказывая, въ какой они милости; всякой скажетъ, что Государь имѣетъ къ нимъ великое уваженіе, и не можетъ отказать имъ ни въ чемъ. Охотнѣе это можно простить, сказалъ Ѳеогенъ, тѣмъ, кои обѣщаютъ все требуемое отъ нихъ, чтобъ только избавиться

отъ хлопотъ, и кои, дабы выпутаться изъ дѣла, куда они не кстати вмѣшались, обязываются въ томъ, что исполнить не имѣютъ никакого желанія, и что часто превышаетъ ихъ силы. Подобное сему сдѣлалъ нѣкогда одинъ весьма бѣдной человѣкъ, которой былъ чрезвычайно боленъ, и не желалъ умереть. Когда врачи сказали ему, что его жизнь въ отчаяніи, то онъ вздумалъ сдѣлать обѣтъ, и положилъ заклать въ жертву богамъ сто быковъ, ежели онъ выздоровѣетъ. Жена его чрезвычайно перепугалась отъ того, и дала ему замѣтить, что онъ никогда не будетъ столько богатъ, чтобъ сдѣлать толь великую издержку. Это меня не безпокоитъ, отвѣчалъ онъ ей; естьли я выздоровѣю, то Юпитеръ не сойдетъ на землю, ради понужденія меня къ исполненію обѣта, которой я теперь сдѣлалъ.

Ты весьма хорошо сказалъ, подхватилъ Евфимій, что всякой выпутывается изъ хлопотъ, какъ можетъ; при всемъ томъ честной человѣкъ не долженъ обѣщать то, чего дать не въ

состоянїи, и дѣлая посѣщенїя, развеселять людей пустыми комплементами и тщетными предложенїями услугъ. Каждой полагается на слова честнаго человѣка, а обманывать никогда никого не надобно. Остается намъ еще пунктъ разобрать, присовокупилъ онъ, послѣ чего, есть ли ты за благо разсудишь, мы сѣвши въ карету, поѣдемъ за полмили отсюда къ тѣмъ людямъ, коихъ мнѣ весьма хочется видѣть. Какъ разсуждаешь ты о тѣхъ, которые въ продолженїи цѣлаго разговору ругаютъ весь свѣтъ, и которые имѣютъ столь великую склонность къ злословїю, что никогда не говорятъ хорошаго ни о комъ, а всегда разсказываютъ дурное, что только знаютъ.

Задачу твою легко можно рѣшить, отвѣчалъ Ѳеогенъ; записной клеветникъ производитъ ужасъ, его должно бы выгонять изъ всѣхъ хорошихъ компанїй. Хотя злословїе весьма обыкновенно, но оно есть порокъ слабыхъ умовъ; таковые люди всегда имѣютъ въ сердцѣ, я не знаю, нѣчто подлое и низкое, а доброй души дѣломъ злорѣчїе никогда не бы-

вало. Размышлявшїе о томъ, что можетъ нравиться въ обращенїи съ лучшими людьми, знаютъ довольно, что злословїе дѣлаетъ человѣка весьма ненавистнымъ; оно есть знакъ очень малаго достоинства, которое одно не можетъ поддерживать себя само собою. Великїе умы и великїя души мало способны къ таковой подлости, такъ какъ и тѣ, которые занимаются чѣмъ нибудь важнымъ. Женщины, праздные люди и тѣ, въ коихъ женскїя склонности находятся, болѣе всѣхъ любятъ злорѣчїе, которое есть, такъ сказать, исчадїе зависти или подлой ревности, а то и другое считается порокомъ скаредныхъ душъ.

Мнѣ кажется, говорилъ Евфимїй, что оной порокъ обитаетъ во всемъ свѣтѣ; во всѣхъ собранїяхъ, гдѣ я бываю, всегда слышу кого нибудь играющаго роль злорѣчиваго, а прочїе хвалятъ его съ рукоплесканїями. Никогда иной столько не оказывалъ ума, какъ естьли разговоръ обращенъ къ сатирамъ, и естьли поносится ближнїй. Это правда, отвѣчалъ Ѳеогенъ, но естьли станешь

замѣчать, то самые искусные въ злорѣчіи не всегда бываютъ самые честные люди въ обществѣ; и хотя бы они впрочемъ имѣли нѣкоторыя хорошія качества, но злословящій нравъ уменьшаетъ до половины ихъ достоинство. Я хочу сказать тебѣ правило, заключающее въ себѣ все, что только можно вздумать относительно къ сей матеріи. Естьли бы кто могъ обходиться безъ того, чтобъ не сказывать о другихъ своего мнѣнія, когда оно для нихъ не выгодно, то онъ бы имѣлъ легчайшее средство избавляться отъ многихъ ссоръ; но это совсѣмъ противно тому, что дѣлается въ свѣтѣ, нѣтъ никого, кто бы осмѣлился обѣщать себѣ, что онъ удержится отъ того совершенно. Надобно по крайней мѣрѣ выигрывать то у себя, чтобъ не говорить о человѣкѣ ничего въ худую сторону при тѣхъ, кои перескажутъ ему; это хотѣть безъ всякой причины сдѣлать себѣ непріятелей.

Никто почти не прощаетъ, продолжалъ Евфимій, таковыхъ обидъ, и большая часть ссоръ между людьми

бываетъ за сказанныя слова, въ которыхъ хотятъ имѣть объясненіе. Говорить о публичныхъ дѣлахъ, которыя весь свѣтъ знаетъ, присовокупилъ онъ, будетъ ли означать злорѣчіе? На примѣръ, сказать о дурномъ проповѣдникѣ, что онъ худо говоритъ проповѣди? о женщинѣ, обращающейся въ любовныхъ дѣлахъ, что она старается вселять любовь?

Естьли дѣла публичны, отвѣчалъ Ѳеогенъ, то говорить объ нихъ не значитъ дѣлать несправедливость людямъ, потому что они отреклись отъ своего права, производя публично то, чѣмъ ихъ упрекаютъ; сочиняющій нехорошіе стихи, и приказывающій печатать ихъ, не долженъ жаловаться, что охуждаютъ ихъ, точно также и осмѣливающійся говорить проповѣди, естьли говоритъ худо, долженъ ожидать, что публика не пощадитъ его. Кокетка, не старающаяся скрывать любовныхъ своихъ дѣлъ, не имѣетъ права огорчаться отъ всѣхъ злословныхъ толковъ, какіе о томъ дѣлаютъ. Желалъ бы я однакожъ, чтобъ никто не говорилъ ничего тако-

го изъ зависти, изъ ненависти, изъ ревности и изъ мщенїя; ибо надобно опасаться порока, въ которой всѣ люди впадаютъ. Когда кто нибудь сдѣлалъ намъ обиду, мы говоримъ о томъ безпрестанно, и обыкновенно хорошаго не сказываемъ; изслѣдываемъ всю его жизнь съ величайшею строгостїю, и представляемъ весьма невыгодныя картины. Вооружаться противъ добраго имени людей, поносить самыя невинныя ихъ дѣянїя, и выводить ихъ наружу подъ красками, кои изображаютъ ихъ страшными, не иное что есть, какъ жестокость.

Трудно исправиться въ порокѣ толь укоренившемся, продолжалъ Евфимїй; всѣ посѣщенїя проходятъ въ пересказыванїи, кто что знаетъ о такомъ-то или о такой-то; увеличиваютъ ихъ пороки, дабы дѣлать ихъ ненавистнѣе, и помрачить доброе имя, когда не находятъ, чѣмъ поносить, то отравляютъ ихъ намѣренїя, и критикуютъ даже тонъ ихъ голоса. Естьли бы изкоренить въ разговорахъ злословїе, то иногда не знали бы, о чемъ говорить. Есть такїе, которые думаютъ чрезъ

свои ругательства заслужить имя остроумныхъ или прїятныхъ людей въ разговорахъ, и въ сихъ мысляхъ не щадятъ никого, поносятъ даже самыхъ лучшихъ своихъ друзей.

Это странная дружба, сказалъ Өеогенъ, я бы лучше желалъ, чтобъ они были явными врагами. Есть люди, на которыхъ не должно полагаться, они тебя хвалятъ, ласкаютъ и цѣлуютъ, подавая тысячу знаковъ искренняго доброжелательства; а какъ скоро они тебя оставили, то изрыгаютъ тьму поношенїй въ разсужденїи твоего поведенїя. Какъ таковой поступокъ гнусенъ и не свойственъ честному человѣку! Надобно имѣть низкую душу, чтобъ играть такое подлое лице; надобно потерять здравой разсудокъ, чтобъ подвергать себя разрыву дружбы для остраго словца, и для минутнаго смѣху тѣхъ, которые слушаютъ тебя.

А еще несравненно подлѣе, продолжалъ Евфимїй, выдумывать тысячу несправедливостей, и пересказывать тьму ложныхъ извѣстїй, которымъ они придаютъ тѣнь правдоподобїя. Чрезъ

это иногда они надѣются прїобрѣсть милость въ людяхъ, у коихъ въ подозрѣнїе приводятъ поведенїе другихъ, въ такомъ видѣ, будто хотятъ преподать имъ хорошїе совѣты; а о томъ и не помышляютъ, что дѣлаются весьма презрительными, и не выигрываютъ ничего, напротивъ того теряютъ имовѣрность въ разсудительнихъ особахъ, такъ что словамъ ихъ болѣе не вѣрятъ. Что ты сдѣлаешь, примолвилъ онъ, естьли пришедши кто нибудь скажетъ, что люди, которыхъ почитаешь ты друзьями, измѣняютъ тебѣ подъ рукою, и поносятъ тебя немилосердо повсюду, не смотря на то, что въ глазахъ осыпаютъ ласками.

Я не стану за это сердиться, отвѣчалъ Θеогенъ, потому что знаю, каковы люди, и что не должно слишкомъ полагаться на наружность. Естьли тѣ, которые такъ обо мнѣ отзываются, были моими друзьями, и стоятъ того, чтобъ поберечь ихъ, то я сдѣлаю имъ маленькой выговоръ, дабы привести ихъ къ своей должности; а естьли не жаль мнѣ потерять ихъ, то

оставлю ихъ при маломъ ихъ достоинствѣ, и дамъ имъ свободу говорить обо мнѣ все, что они хотятъ.

Филиппъ Македонскій не запрещалъ злословія о себѣ даже во дворцѣ своемъ собственномъ. Между прочими нѣкто Аркадіонъ былъ весьма ожесточенъ, и употреблялъ всѣ свои силы, чтобъ сдѣлать Филиппа ненавистнымъ въ цѣлой Греціи; онъ не изъявилъ и виду, и не наказалъ за то никакъ, а напротивъ осыпалъ его благодѣяніями. Будучи плѣненъ милостію Царя, Аркадіонъ совершенно перемѣнилъ языкъ, и началъ повсюду возвѣщать тысячу вещей въ похвалу своего благодѣтеля. Вы видите, сказалъ Филиппъ смѣючись, что я хорошій врачь злорѣчія.

Надобно быть чрезвычайно воздержну, отвѣчалъ Евфимій, чтобъ господствовать надъ собою въ такихъ случаяхъ; потому что нѣтъ лучше удовольствія, какъ мстить вѣроломному. Какимъ бы открытымъ непріятелемъ я ни сдѣлался, но не сохранилъ бы своего равнодушія, естьли бы мнѣ сказали, что люди, изъявляющіе пріязнь, упо-

требляютъ во зло мое довѣріе, и приводятъ повсюду меня въ посмѣяніе. Августъ въ разсужденіи сего былъ совсѣмъ другаго расположенія, подхватилъ Ѳеогенъ, можетъ статься, онъ больше могъ управлять своими страстями, нежели ты своими. Повсюду разсѣяны были письма ругательныя ради вооруженія народу противъ него: Тиверій желалъ, чтобъ непремѣнно получили месть, и были жестоко наказаны сочинители тѣхъ писемъ; а Августъ не хотѣлъ, чтобъ принимали на себя трудъ и узнавать, кто они; пусть говорятъ обо мнѣ зло, сказалъ онъ Тиверію, довольно, что я привелъ ихъ въ такое состояніе, что не могутъ они причинять мнѣ онаго.

Одни великія души, отвѣчалъ Евфимій, могутъ имѣть таковыя чувствованія: мы отъ природы ненавидимъ тѣхъ, кои говорятъ объ насъ дурно, потому что мы любимъ себя много, и хотимъ, чтобъ всѣ почитали насъ: а такія ругательства суть знаки пренебреженія, они показываютъ, что мало почтенія къ намъ имѣютъ. Одно

противное слово безпокоитъ иногда насъ несравненно болѣе, нежели важное дѣло; когда же люди, коихъ мы почитали прїятелями, говорятъ объ насъ обидныя слова, то это по моему мнѣнїю самое жестокое огорченїе, какое только можно чувствовать, и которое непростительнѣе всего.

Справедливо, сказалъ Өеогенъ, гражданское общежитїе сдѣлалось хищничествомъ нѣкотораго роду, тысяча человѣкъ увѣряютъ тебя наперерывъ, что они твои друзья, сплетаютъ въ присутствїи твоемъ тьму похвалъ твоимъ достоинствамъ, хотя мысли совсѣмъ противныя имѣютъ; и они же не могутъ удержаться, чтобъ не сказать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бываютъ, нѣчто такое, которое означаетъ истинныя ихъ чувствованїя. Не смотря на это, нужно преодолѣвать себя, и поступать съ ними лучше, нежели они съ нами поступаютъ; хотя они поносятъ насъ жестоко, мы однакожъ не должны платить имъ за обиды обидами; пусть они будутъ безчестны и вѣроломны,

но мы обязаны быть честными и великодушными.

Большая часть такихъ умовъ не будутъ чувствовать сего, прервалъ Евфимій, ежели ты отречешься слушать всѣ басни, какія о тебѣ станутъ составлять, то часто твое терпѣніе будетъ подвержено весьма нѣжнымъ испытаніямъ. Ты попадешься въ руки странныхъ людей, которые употребятъ во зло твою честность; и выходятъ такіе случаи, въ коихъ самый кроткій нравъ не въ силахъ устоять. Говори, что тебѣ угодно, отвѣчалъ Ѳеогенъ, а я не могу рѣшиться сказать дурно, объ комъ бы то ни было; таковое мщеніе весьма подло и недостойно честнаго человѣка. Для меня не великаго труда стоитъ умѣрять себя въ этомъ, потому ли, что я не имѣю великой склонности къ злословію, или потому что не люблю огорчать никого, и дѣлать досады тѣмъ, кто мнѣ причиняетъ оныя.

Но будетъ ли великое зло, говорилъ Евфимій, естьли кто скажетъ о другомъ, что онъ не имѣетъ никакихъ

достоинствъ, когда онъ дѣйствительно ихъ не имѣетъ? или когда станетъ охуждать чье поведенїе, ежели оно не хорошо, и дастъ замѣтить другимъ худыя его качества? Таковое попеченїе не прилично честному человѣку, оно означаетъ умъ и слабость женщинъ, которыя не столько властны сами въ себѣ, чтобъ господствовать надъ страстями своими, и находятъ великое удовольствїе въ злословїи. Людей, неимѣющихъ достоинствъ, надобно оставить въ ихъ мрачности; вся милость, которую имъ можно сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобъ не говорить объ нихъ ни хорошо, ни дурно. Злословїе стремящееся разторгнуть и послѣднее у бѣдняка, потерявшаго половину добраго имени, заключаетъ въ себѣ нѣчто варварское; оно есть порокъ, котораго я чувствую себя чуждымъ, и думаю, что всѣ честные люди должны быть одного со мною мнѣнїя.

По крайней мѣрѣ, подхватилъ Евфимїй, я потребую у тебя пощады женщинамъ, и попрошу умягчить строгость твоего правила изъ милости къ

онымъ: ежели отнять у нихъ свободу злословить, то надобно имъ отказаться отъ всего обращенїя, и не дѣлать болѣе никакихъ посѣщенїй. Большая часть женщинъ не знаютъ ничего, не имѣя участїя въ дѣлахъ; не возможно имъ держать длинный разговоръ, естьли не вмѣшается тутъ злорѣчїе. Даже не должно и надѣяться, чтобъ онѣ могли въ этомъ пунктѣ поправиться, онѣ уже сдѣлали привычку, и ихъ не заставишь перемѣниться.

Я знаю, сказалъ Ѳеогенъ, что женщины большую часть посѣщенїй употребляютъ ради обруганїя всего свѣта; онѣ не щадятъ никого, и сїя привычка такъ укоренилась, что онѣ не помышляютъ болѣе отъ нее освободиться. Злорѣчїе есть господствующая страсть женщинъ, къ ней влечетъ ихъ натурально ихъ склонность. Этого источникомъ, ежели я не обманываюсь, есть то, что онѣ хотятъ безпрестанно говорить, а не имѣютъ ничего, чтобы сказать; бросаются за всѣмъ, что происходитъ у нихъ въ глазахъ, что непрїятно имъ, или что огорчаетъ ихъ;

никогда онѣ пріятнѣе не бываютъ, какъ ежели найдутъ кого, кто имъ не уступаетъ въ злорѣчіи. Когда любящіе смѣяться съ ихъ стороны, то онѣ не перестаютъ, разсказываютъ тысячу забавныхъ произшествій, ничто не скроется отъ жестокости ихъ критики; онѣ обозрѣваютъ людей съ ногъ до головы, надобно, чтобы все подверглось испытанію, платье, видъ, сложеніе тѣла, поступки, разговоры и фигура.

Охотно бы можно было имъ простить, естьли бы занимались онѣ только неважными предметами, или такими матеріями, которыя не наносятъ смертельныхъ ранъ доброму имени ихъ ближняго; а ожесточаться, какъ онѣ дѣлаютъ, и поносить людей, недѣлавшихъ имъ никогда зла, есть преступленіе достойное наказанія. Такъ какъ онѣ отъ природы склонны къ подозрѣніямъ и къ недовѣрчивости, то самые слабые виды выдаютъ за преступленія; и удостовѣряютъ во всемъ, что говорятъ, такимъ утвердительнымъ тономъ, что и недовѣрчивые вѣрятъ ихъ словамъ.

Еще хуже того онѣ дѣлаютъ, продолжалъ Евфимій, когда въ игрѣ разсердятся, или имѣютъ какую досаду изъ ревности; онѣ вмѣшиваютъ въ свои ругательства столько желчи и горькости, употребляютъ столько хитростей, столько оборотовъ, что самыхъ невинныхъ дѣлаютъ виноватыми. Онѣ описываютъ подробно любовныя ихъ дѣла и волокитства, сказываютъ мѣсто и время свиданія, и приводятъ всѣ того обстоятельства съ такою точностію, что заставляютъ вѣрить всѣхъ, кои слушаютъ. Такъ онѣ умѣютъ давать видъ справедливости вымышленнымъ вещамъ. Естьли поддерживаютъ ихъ ласкатели, которые выхваляютъ все, что онѣ говорятъ, то нѣтъ злости, которой бы онѣ не изобрѣли, для удовлетворенія своихъ страстей.

Это я замѣчалъ часто, подхватилъ Ѳеогенъ, самыя злорѣчивыя женщины истощаютъ скоро всѣ свои ругательства, ежели не бываютъ поддержаны; имъ нужна помощь, надобно, чтобъ находили удовольствіе въ портретахъ людей, какіе онѣ представляютъ, или надобно,

чтобъ кто нибудь защищалъ противную сторону, потому что онѣ тогда еще больше вооружаются. Онѣ въ этомъ похожи на дѣтей, дѣлающихъ злости своимъ товарищамъ; ибо естьли они примѣтятъ, что послѣднїе за то сердятся, то продолжаютъ свои оскорбленїя съ большею жестокостїю, а ежели тѣ не показываютъ и виду, то отходятъ и оставляютъ ихъ въ покоѣ.

Замѣтилъ ли ты еще, продолжалъ Евфимїй, что самыя злорѣчивыя женщины не могутъ сносить, чтобъ объ нихъ что нибудь говорили? Бездѣлица, сказанная въ ихъ невыгоду, приводитъ ихъ въ отчаянїе; но забавно то, что онѣ не въ силахъ сказать слово къ защищенїю себя, онѣ бываютъ въ ужасномъ смятенїи, и не говорятъ ничего кстати, оборотъ сатиры повергаетъ ихъ въ крайность. Я видаю каждый день такихъ, которые приходятъ въ толь великое замѣшательство, что дабы защищать себя, то принимаются онѣ за обиды, или предаются мрачной печали, отъ которой никто болѣе не можетъ ихъ исцѣлить.

Мы не отдаемъ сами себѣ справедливости, сказалъ Ѳеогенъ, всякой позволяетъ себѣ говорить о другихъ все, что знаетъ и что не знаетъ; всякой представляетъ относительно къ другимъ весьма непрїятныя картины, а сами тѣ особы, которыя опредѣлили себя къ тому, чтобъ ругать весь свѣтъ, хотятъ, дабы всѣ другїе ихъ почитали. Однакожъ онѣ берутъ на себя трудъ совсѣмъ напрасной, что того ожидаютъ, всѣ бранятъ ихъ также, какъ онѣ другихъ, ничего имъ не прощаютъ; и часто тѣ, кои смѣются при ихъ глазахъ, и показываютъ видъ, будто ихъ хвалятъ, говорятъ объ нихъ чрезвычайныя ужасности, и считаютъ ихъ извергами рода человѣческаго. Оставимъ ихъ въ покоѣ, отвѣчалъ Евфимїй, повѣрь мнѣ, что ты ничего тутъ не выиграешь; женщинѣ, прїучившейся къ злорѣчїю, весьма трудно избавиться отъ такой злостной привычки. Погода теперь прекрасная, пойдемъ прогуляться немного, покуда мы находимся въ деревнѣ, не станемъ лишать себя удовольствїй столь прїятнаго времени.

Конецъ пятаго разговору.

ЖЕЛАНІЕ ПОХВАЛЪ.

Разговоръ шестой.

Нѣкогда сочинена была книга стихами и прозою въ похвалу одной отличной знатной особы, имѣвшей великія достоинства. Сочинитель сей книги прежде изданія ея въ свѣтъ показывалъ ее знатокамъ, и испрашивалъ у нихъ въ разсужденіи ея совѣтовъ. Такъ какъ Евфимій и Ѳеогенъ почитаемы были отъ всѣхъ людьми довольно рѣдкаго вкусу, и знающими всѣ красоты хорошихъ сочиненій; то авторъ нарочно пріѣхалъ изъ Парижа посовѣтоваться съ ними, и въ тоже время попросить, чтобъ они поддержали его своею довѣренностію, какую заслужили отъ публики.

Они читали его стихи съ несказаннымъ удовольствіемъ, и нашли въ нихъ отмѣнныя красоты, также и проза его была не меньше порядочна и хороша, каковое смѣшеніе казалось имъ довольно пріятнымъ. Однако не смотря на то,

что сочиненіе было хорошо, оно не вездѣ писано съ одинаковымъ духомъ, встрѣчались въ немъ мѣста довольно слабыя. Евфимій и Ѳеогенъ открывали объ нихъ свои мысли съ величайшею искренностію, и показывали недостатки въ совершенной ясности.

Большая часть авторовъ для того только читаютъ свои сочиненія другимъ, чтобъ услышать, какъ будутъ хвалить ихъ, а не ради поправленія оныхъ. Они бываютъ въ отчаяніи, когда найдутъ у нихъ грубыя погрѣшности, стараются всячески защищать ихъ, и никогда не хотятъ признаться, что они сдѣлали ошибки. Совсѣмъ ничего незначущіе люди имѣютъ великое снисхожденіе ко всему, что ими ни сдѣлано; и когда изданныя ими книги опорачиваются отъ всѣхъ, то они стараются сколько можно утѣшать себя, приписывая оное незнанію или злости вѣка. Сочинитель же, о которомъ я говорю, былъ не совсѣмъ такого свойства, онъ имѣлъ разумъ и достоинства, писалъ довольно пріятно; но слишкомъ ослѣплялся своими сочиненіями, и желаніе

быть хвалимымъ дѣлало его нѣсколько смѣшнымъ. По отъѣздѣ его Евфимїй и Өеогенъ еще разсуждали нѣсколько о его сочиненїи и неудовольствїи, которое онъ показывалъ въ то время, какъ говорили они ему о слабыхъ мѣстахъ его книги.

Должно признаться, сказалъ Өеогенъ своему другу, что ослѣпленїе людей относительно къ ихъ славѣ есть великой порокъ; и ничто не дѣлаетъ ихъ столь отвратительными, какъ чрезмѣрное желанїе быть хвалимымъ. Тотъ, кто теперь только оставилъ насъ, служитъ довольнымъ доказательствомъ въ сказанномъ тобою, отвѣчалъ Евфимїй, онъ имѣетъ весьма хорошїя качества; въ немъ болѣе способностей, нежели въ обыкновенныхъ людяхъ, онъ разсуждаетъ обо всѣхъ вещахъ здраво и правильно; одна чрезмѣрная жадность къ похваламъ помрачаетъ нѣсколько его достоинства. Надобно умереть со смѣху, когда помыслишь о всѣхъ тѣхъ увърткахъ, какїя онъ употреблялъ, чтобъ показать, что все написанное имъ прекрасно; сколько онъ былъ радъ, когда хвалили

его, и сколько смущенъ, когда заставляли повторять нѣкоторые стихи, кои были чрезвычайно слабы и томны.

Автору свойственно любить свои сочиненія, сказалъ Θеогенъ, такъ какъ родителямъ имѣть нѣжность къ своимъ дѣтямъ; сколько бы они ни были охуждаемы, онъ всегда находитъ въ нихъ совершенства, которыхъ другіе не примѣчаютъ, и онъ обыкновенно смотритъ на нихъ съ хорошей стороны. Нѣтъ никакого слабаго ума, которой бы писавши не включилъ иногда что нибудь хорошее, а свѣтъ исполненъ дураками, которые хвалятъ или удивляются вещамъ, незаслуживающимъ ни малѣйшаго удивленія. Человѣкъ, сочиняющій худые стихи, усматриваетъ часто самъ дурноту ихъ; но естьли между тѣмъ написалъ и хорошіе, за которые получилъ похвалу, то по оной и судитъ о своемъ достоинствѣ; и это самое есть причиною собственной слѣпоты стихотворцовъ.

Это справедливо, отвѣчалъ Евфимій, что сіи люди всегда жадны къ похваламъ; они бываютъ слишкомъ

высокомѣрны, и всѣми своими поступками показываютъ, что они весьма довольны сами собою. Какъ скоро что нибудь сочинятъ, то тотчасъ начинаютъ повсюду тѣмъ хвастаться. Они думаютъ, что сочиненной ими Мадригалъ или Сонетъ дѣлаетъ уже ихъ чудомъ, и что болѣе не нужно ничто къ учиненію ихъ славы безсмертною. Что касается до меня, продолжалъ Өеогенъ, то я не нахожу ничего несноснѣе сочинителя, ослѣпленнаго своими сочиненіями; потому что очень много надобно принуждать себя, чтобъ быть снисходительнымъ къ нему. Таковые люди хотятъ непремѣнно, чтобъ ихъ вездѣ превозносили похвалами, иначе надобно ссориться съ ними; потому что ежели они примѣтятъ, что скучаютъ ихъ сочиненіями, то выговариваютъ за то грубымъ образомъ, что ты не имѣешь хорошаго вкусу, что не достаетъ въ тебѣ ума, или что ты не въ состояніи судить о прекрасныхъ сочиненіяхъ.

Однакожъ они не всѣ такъ странны, какъ ты говоришь, подхватилъ Евфимій, есть изъ нихъ такіе, которые

умѣютъ весьма хорошо обращаться, и которые столько кротки, что становятся на колѣни, ради полученія отъ тебя похвалы, испрашиваемой со слезами; надобно быть очень жестокосерду, чтобъ отказать человѣку, которой испрашиваетъ ее съ толикою униженностію. Лучше пропустить, нежели спорить о пустомъ, присовокупилъ Ѳеогенъ, потому что не должно думать, чтобъ можно было отвратить людей отъ ложнаго мнѣнія, какое они имѣютъ о своихъ способностяхъ; это такое дѣло, въ которомъ они увѣрены, но къ ихъ нещастію не всегда другіе съ ними въ этомъ бываютъ согласны.

Развѣ ты не замѣтилъ, отвѣчалъ Евфимій, что тѣ, которые столько снисходительны къ самимъ себѣ, и влюблены въ свои сочиненія, презираютъ все, что другими написано, и охуждаютъ жестоко повсюду, гдѣ только бываютъ. Естьли они не смѣютъ сказать того, что думаютъ, то ихъ движеніе, глаза, голосъ, ядовитая усмѣшка и принужденная молчаливость измѣняютъ имъ, и показываютъ, что

у нихъ тогда на сердцѣ. Вотъ, что дѣлаетъ желанїе похвалъ, сказалъ Феогенъ, мы бываемъ тогда въ отчаянїи, когда другїе получатъ въ чемъ нибудь успѣхъ; или когда объ нихъ говорятъ хорошо, то слава, относящаяся къ нимъ, намъ въ тягость. Люди одинакаго ремесла другъ друга никогда не могутъ терпѣть, и ежели кто изъ нихъ превосходитъ другихъ, то они вооружаются противъ него всѣ.

Желанїе славы, продолжалъ Евфимїй, свойственно всѣмъ людямъ, какого бы кто чину или званїя ни былъ. Маленькїе люди, также какъ и знатные вельможи, желаютъ, чтобъ ихъ иногда хвалили; даже и тѣ, которые отправляютъ самыя постыдныя и презрительныя должности, хотятъ слыть въ оныхъ лучшими, и бываютъ довольны, ежели почитаютъ ихъ искусными. Дѣти, неразумѣющїе еще ничего, изъявляютъ совершенное неудовольствїе, ежели кто скучаетъ ими, или презираетъ ихъ; а ежели ласкаетъ или хвалитъ ихъ, то все можетъ получить отъ нихъ.

Это правда, продолжалъ Ѳеогенъ, что всѣ желаютъ похвалъ, и сїе желанїе простительно, когда оно ограничено; одно только чрезмѣрное желанїе къ онымъ дѣлаетъ насъ презрительными, вводя насъ въ тысячу сумазбродствъ, и мы столько бываемъ слѣпы, что ни о чемъ тогда не разсуждаемъ. Да и тѣ, отвѣчалъ Евфимїй, которые много разсуждаютъ, съ великимъ трудомъ могутъ исправить себя въ семъ случаѣ; это самой тонкой ядъ, которой входитъ чрезъ похвалы. Мы чувствуемъ великое удовольствїе, когда слышимъ, что насъ хвалятъ; и самые диконравные бываютъ снисходительны къ тѣмъ, кто льститъ имъ, и старается показать тѣ прекрасныя свойства, которыя въ нихъ находятся. Вотъ вѣрнѣйшїй способъ къ тому, чтобъ овладѣть умами и сердцами человѣческими. Однакожъ я знаю и такихъ, прервалъ Ѳеогенъ, которые неслишкомъ любятъ льстецовъ, и которые столько скромны, что отрекаются отъ похвалъ имъ приписуемыхъ. Они дѣлаютъ это изъ одного учтивства, отвѣчалъ Евфимїй; я тебѣ скажу въ разсужденїи сего

нѣкоторыя мысли одного изъ славнѣйшихъ сочинителей нашего вѣку.

Тѣ, кои показываютъ, что они отвергаютъ похвалы, дѣлаютъ это не по скромности, но по одному внутреннему желанїю имѣть оныхъ больше, или быть хвалимыми лишнїй разъ. Я считаю, что они очень дурно дѣлаютъ, когда только ищутъ похвалъ, ибо ничего нѣтъ ихъ обыкновеннѣе; таковая награда ничего не стоитъ, похвалами осыпаютъ насъ, но то бѣда, что онѣ не всегда бываютъ искренны. Похвала обыкновенно есть такое тонкое ласкательство, которое удовлетворяетъ взаимно какъ того, кто оную дѣлаетъ, такъ и того, кто оную принимаетъ. Одинъ ее получаетъ въ награду своихъ достоинствъ, а другой показываетъ, что умѣетъ ихъ цѣнить.

Мнѣ кажется, что мы въ этомъ ошибаемся, говорилъ Ѳеогенъ, потому что наша слава не зависитъ отъ своенравїя людей, ни отъ пустыхъ похвалъ, намъ приписуемыхъ, но собственно отъ нашихъ хорошихъ поступокъ. О достоинствахъ другихъ не должно судить, по

одной народной молвѣ: случайность, щастïе, знатное рожденïе не составляютъ истинной славы. Мы судимъ о вещахъ по одной наружности, отвѣчалъ Евфимïй, лучше не имѣть никакихъ достоинствъ, нежели быть въ такомъ нещастномъ состоянïи, въ которомъ никто объ насъ не знаетъ. Хорошая объ насъ слава дѣлаетъ все, что только мы желать можемъ; оказываемое почтенïе отъ другихъ увеселяетъ насъ, а потому и не должно удивлятися, что ищутъ оной съ такою жадностïю.

Я бы желалъ, подхватилъ Θеогенъ, чтобъ по крайней мѣрѣ были въ томъ какïя нибудь границы, потому что я не могу терпѣть такихъ смѣшныхъ тонкостей въ разсужденïи славы, ниже тѣхъ людей, которые выдаютъ себя весьма важными, и неприступными; можетъ быть они думаютъ, что показывая себя тщеславными и гордыми, могутъ сдѣлаться именитѣе, и что, дабы возвыситься самимъ, надобно унижать другихъ; но напротивъ того это есть знакъ малыхъ достоинствъ, подлой зависти и черной злости.

Всякой приводитъ себя въ различныя положенія, и употребляетъ всѣ средства, чтобъ пріобрѣсть почтеніе отъ людей, отвѣчалъ Евфимій; всякой хочетъ, чтобъ объ немъ другіе безпрестанно думали, и имѣетъ тысячу случаевъ показать имъ свои хорошія свойства. И я мыслю, что естьли сіе чрезмѣрное желаніе быть почитаемымъ достойно охужденія, то это для того, что дурное употребленіе изъ него дѣлаютъ; поелику ничто болѣе не способствуетъ къ учиненію человѣка добродѣтельнымъ, какъ любовь къ славѣ и страхъ къ безчестію. Самыя подлыя души живѣйшимъ образомъ ощущаютъ въ себѣ сіи двѣ страсти, которыя побуждаютъ ихъ часто производить геройскія дѣла; ибо въ какомъ бы кто состояніи ни былъ рожденъ, всегда желаетъ онъ имѣть своихъ обожателей, и не щадитъ ничего, чтобъ заставить говорить о себѣ. Безчисленное множество людей подвергаются лишенія жизни, и теряютъ ее безъ сожалѣнія, потому что надѣятся, что послѣ смерти превознесутъ ихъ похвалами. Самые благо-

разумные изъ Римлянъ для того только лишали себя жизни, чтобъ тѣмъ учинить имя свое безсмертнымъ. Есть и нынѣ народы, обитающїе на востокѣ, которые въ этомъ подражаютъ Римлянамъ. У нихъ всѣ собираются въ одно мѣсто въ извѣстные дни, кои на то посвящены, и многїе лишаютъ себя жизни различными образы. Между сими людьми молодая вдова, какїя бы она достоинства ни имѣла, теряетъ всю свою добрую славу, ежели окажетъ столько робости, что останется живою послѣ смерти своего мужа; ей непремѣнно надлежитъ броситься съ удовольствїемъ въ пламень, пожирающїй тѣло ея мужа.

Люди присвоиваютъ славу всему тому, что только имъ нравится, сказалъ Ѳеогенъ, и потому много есть путей для достиженїя оной; я не спорю, что желанїе отличить себя можетъ способствовать къ содѣланїю насъ добродѣтельными, потому что тогда мы напрягаемъ всѣ свои силы, чтобъ преодолѣть себя, и побѣдить врожденное нерадѣнїе, которое препятствуетъ

намѣ производить великія дѣла: но говорю, что должно довольствоваться однимѣ дѣланіемѣ оныхѣ, а не разглашать, что они нами сдѣланы; ибо это самое дѣлаетѣ людей смѣшными, и портитѣ всѣ хорошія ихѣ деянія. Я не могу удержаться отѣ смѣху, когда увижу людей, выдающихѣ себя за совершенный образецѣ, и глупымь образомѣ сѣ достовѣрностію мечтающихѣ, что всѣ почитаютѣ ихѣ таковыми; они имѣютѣ о себѣ весьма хорошее мнѣніе, и потому думаютѣ, что и весь свѣтѣ одинакихѣ сѣ ними мыслей. Вѣ нихѣ по временамѣ видны бываютѣ такія уловки и выученныя тѣлодвиженія, кои показываютѣ, что они собой очень довольны; они мучатѣ каждаго разсказами о своихѣ великихѣ совершенствахѣ; и приносятѣ благодареніе Богу, изѣ одного глупаго и смѣшнаго тщеславія, за тѣ прекрасныя качества, которыхѣ онѣ имѣ совсѣмѣ не далѣ.

Развѣ ты хочешь осудить людей на то, чтобѣ они никогда не говорили о себѣ? Чрезѣ это ты лишилѣ бы ихѣ величайшаго удовольствія; но я не по-

читаю тебя столько жестокимъ, чтобъ ты въ состоянїи былъ постановить такое тягостное правило. Въ этомъ не надобно смотрѣть на удовольствїе, которое мы вкушаемъ, говоря о себѣ, отвѣчалъ Ѳеогенъ, а надобно стараться о удовольствїи другихъ, такъ чтобъ не заставлять ихъ терпѣть скуку, дѣлая угодное самому себѣ. Изъ сего мы видимъ, подхватилъ Евфимїй, что это есть родъ дани, которая требуется за труды, понесенныя при дѣланїи добра. Эта дань очень обременительна, отвѣчалъ Ѳеогенъ, ты не найдешь ни одного человѣка, которой бы не захотѣлъ освободиться отъ нее. Никто не можетъ терпѣть тѣхъ, кои сами себя хвалятъ и тщеславятся своими достоинствами. Ежели они находятъ въ томъ нѣкоторое тайное удовольствїе, то пусть скрываютъ его въ себѣ самихъ, и никому не показываютъ. Чтобъ быть по модѣ и нравиться людямъ хорошаго вкусу, то надобно имѣть нравъ истинныхъ героевъ, которые никогда не говорятъ о себѣ, ниже о великихъ дѣянїяхъ, какїя они производятъ; для

нихъ довольно что оныя дѣлаются извѣстными, они оставляютъ публикѣ судить о ихъ славѣ, которую они заслуживаютъ.

Но не всѣ имѣютъ такой геройской нравъ, сказалъ Евфимїй, большая часть людей мало будетъ стараться о хорошихъ дѣлахъ, ежели отнимешь у нихъ свободу тѣмъ превозноситься: они повсюду разглашаютъ свои приключенїя, и всѣ собранїя наполнены шумомъ о ихъ чудесахъ. Одобришь ли ты ето средство, спросилъ Ѳеогенъ? думаешь ли, что тѣмъ они возвышаютъ свои достоинства? И можетъ ли быть что безстыднѣе, какъ человѣкъ разсказывающїй о себѣ съ холоднымъ духомъ, что никто не можетъ имѣть болѣе успѣху, какъ онъ имѣлъ, въ такомъ-то предпрїятїи, ниже соблюдать столь тонкое поведенїе, что весь свѣтъ тѣмъ плѣненъ, и что повсюду сплетаютъ ему тысячу похвалъ. Вотъ чѣмъ ослѣпляютъ простаковъ; тѣ, кои хвалятъ тщеславящихся такимъ образомъ, суть обманщики, они послѣ своихъ похвалъ почитаютъ ихъ людьми смѣшными и исполненными мечты. Все,

что я говорю, очень справедливо, многимъ бы надлежало сколько нибудь объ этомъ подумать, чтобъ не допускать ослѣплять себя прекрасными наружностями, и тѣми пустыми похвалами, которыхъ они ищутъ съ великимъ стараніемъ.

Ты представляешь сильные доводы, отвѣтствовалъ Евфимій, но тѣмъ ни сколько не успѣешь; не отвратишь людей отъ самохвальства, эта такая привычка, отъ которой никто не захочетъ отстать. Какъ молодые люди не могутъ тѣмъ хвалиться, ежели они сдѣлаютъ что нибудь отмѣнно? Ты шутить, Ѳеогенъ? Нѣтъ я не шучу, а говорю, что это такой законъ, которому каждой долженъ повиноваться. Ежели бы человѣкъ бралъ надъ собою верхъ, и не хвалилъ бы себя, то всегда былъ бы пріятнѣе. Трудно пріучить себя къ оному, это такой порокъ, въ которой всѣ впадаютъ непримѣтнымъ образомъ: но всякой долженъ о томъ стараться, ежели хочетъ нравиться въ обхожденіи съ хорошими людьми. Вотъ правило совершенно согласное во всемъ съ тѣмъ,

что я сказалъ. Великой болтунъ всегда бываетъ намъ въ тягость, а особливо когда онъ говоритъ о себѣ, потому что все разсказываетъ о своихъ хорошихъ дѣлахъ; и ежели мы не столько увѣрены въ оныхъ, какъ онъ предупрежденъ, то терпимъ двойную скуку: вопервыхъ слушаемъ противное нашимъ чувствованїямъ, а вовторыхъ удерживаемы бываемъ благопристойностїю, чтобъ въ томъ противорѣчить. Иначе, когда бы достоинства его намъ были извѣстны, то всѣ, что бы онъ ни говорилъ объ нихъ, производило бы въ насъ такое же дѣйствїе, какое производятъ въ людяхъ скромныхъ вещи, сказанныя противъ стыдливости и честности.

Мысли, заключающїяся въ семъ правилѣ, совершенно прекрасны, продолжалъ Евфимїй, и честные люди должны принуждать себя исполнять то, чему оно научаетъ. Тотъ всегда бываетъ въ тягость, кто говоритъ о себѣ много; надобно это дѣлать мимоходомъ, и будто о томъ совсѣмъ не думая, а не такъ, чтобъ каждую минуту приводить къ тому разговоръ. Это въ тягость

тѣхъ, кои насъ слушаютъ, они не смѣютъ однакожъ открыть намъ своихъ мыслей, и показать виду, что нами скучаютъ. Но мнѣ кажется, примолвилъ онъ, бываютъ такіе случаи, гдѣ можно говорить о себѣ гораздо вольнѣе. Когда мы съ такими людьми, которые насъ не знаютъ, или которые не слыхали о нашихъ хорошихъ свойствахъ, и когда мы желаемъ, чтобъ они насъ почитали; то ужли и тогда будетъ въ противность твоему правилу похвалить себя передъ ними, и разсказать лучшія приключенія своей жизни?

Весь свѣтъ дѣлаетъ то, что ты говоришь, отвѣчалъ Ѳеогенъ: какъ скоро мы увидимъ кого въ первой разъ, то разсказываемъ ему всю нашу жизнь, дабы чрезъ то произвесть въ немъ объ насъ хорошія мысли, и заставить болѣе уважать насъ; но это самое худое дѣло, это значитъ разрушать все, и возмущать умы: одни слабоумные приходятъ въ удивленіе отъ разсказовъ. Я вспомнилъ на сей случай то, что отвѣчалъ одинъ человѣкъ, когда другой себя выхвалялъ чрезвычайно передъ нимъ:

сей возвратился изъ путешествія, и хвастался, что во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только онъ проѣжжалъ, дѣлалъ великія чудеса, и между прочимъ, что въ нѣкоторомъ городѣ вспрыгнулъ такъ высоко, что всѣхъ удивилъ. Одинъ изъ тѣхъ, кои слушали его хвастовство, сказалъ ему холоднокровно, сдѣлай такой же скочекъ при насъ, мы тогда повѣримъ.

Люди, кои хвалятъ себя чрезвычайно, гораздо хуже поступаютъ, нежели какъ они думаютъ, и за то наказываются съ той стороны, которая у нихъ чувствительнѣе всѣхъ: они хотятъ, чтобъ всѣ ихъ уважали, но ихъ вмѣсто того считаютъ за сумазбродовъ; они хотятъ повсюду быть хорошо приняты, но ихъ убѣгаютъ, какъ самыхъ несносныхъ людей. Откуда это происходитъ, прервалъ Евфимій, что всякой имѣетъ врожденное отвращеніе отъ хвастуновъ, и что самые лучшіе друзья наши становятся намъ тогда непріятны, когда они говорятъ о себѣ много, и сами себя выхваляютъ? Мы слишкомъ себя любимъ, отвѣчалъ Өеогенъ, и

сносимъ съ досадою все то, что отличаетъ другихъ, когда они выставляютъ оное намъ предъ глаза. Это причиняетъ намъ жестокую муку. Никто не терпитъ щастливца горделиваго, и естьли онъ столько нескроменъ, что мечтаетъ о себѣ много передъ такими людьми, кои также собой гордятся, то изъ сего выходятъ самыя жестокїя ссоры.

То, что ты говоришь, продолжалъ Евфимїй, сходствуетъ съ мнѣнїемъ одного благоразумнаго человѣка, что между горделивцами всегда царствуетъ ненависть. Они мало имѣютъ покою, разумъ ихъ подобенъ колеблющемуся морю, гдѣ волны, раждающїяся вновь, безпрестанно ударяются одна объ другую, и прогоняютъ другъ друга. Они не знаютъ, какъ принимается то, что они говорятъ: забота, чтобъ узнать, на какой они ногѣ въ свѣтѣ, и какъ объ нихъ думаютъ такїе и такїе, заставляетъ ихъ сносить жесточайшее мученїе.

Ты можетъ быть не разсуждалъ, сказалъ Ѳеогенъ, о употребляемыхъ ими иногда хитростяхъ. Они подходятъ къ тебѣ вдругъ, и спрашиваютъ, какую они

сдѣлали ошибку въ такомъ то случаѣ, въ которомъ, считаютъ, заслужили удивленіе. Къ чему служатъ такія уловки? Ихъ намѣреніе не въ томъ, чтобъ услышать выговоръ, они ищутъ удовлетворить своему тщеславію; это можно читать во глубинѣ ихъ сердца. Весьма забавно смотрѣть на оное, отвѣчалъ Евфимій, потому что, ежели кто будучи нѣсколько слишкомъ чистосердеченъ, дастъ замѣтить имъ сдѣланную ими ошибку, то досада, показывающаяся на ихъ лицѣ, и надмѣнный видъ, ими пріемлемый, измѣняютъ имъ въ ихъ намѣреніи; они съ жаромъ защищаютъ то, чѣмъ винятъ ихъ, и чувствуютъ холодность къ тѣмъ, которые подаютъ имъ толь полезные совѣты.

Ты можетъ быть не повѣришь тому, что я хочу тебѣ сказать, прервалъ Ѳеогенъ, это имѣетъ даже нѣкоторое вліяніе и на ихъ здоровье. Малѣйшее подозрѣніе относительно къ пренебреженію поражаетъ ихъ до самой крайности. Всякой подумаетъ, что такая особа сдѣлалась больною отъ разлитія желчныхъ мокротъ, однакожъ обманется,

ея нездоровье происходитъ отъ одной внутренней досады. Это болѣзнь ея души, особа сія въ меланхолїи, она думаетъ, что недовольно ее уважаютъ; она хотѣла произвесть высокїя мысли о своихъ достоинствахъ, и не прїобрѣла тѣхъ похвалъ, коихъ ожидала. Вотъ что заставляетъ ее лопнуть съ досады.

Я читалъ нѣчто въ исторїи одного славнѣйшаго въ свѣтѣ мужа, которой утверждаетъ твои слова, продолжалъ Евфимїй: онъ признавался чистосердечно, что желанїе похвалы сдѣлало его нещастливымъ. Дабы заставить говорить о себѣ, сказалъ онъ, однажды я вознамѣрился проговорить панегирикъ въ честь Императора, въ которой много было помѣщено несправедливостей; душа моя была занята этою мыслїю, и мучила меня подобно самой жестокой лихорадкѣ. Я пошелъ въ Миланскую улицу, тревожась безпрестанно тѣмъ, что ее имѣлъ въ своей головѣ; и увидѣлъ бѣднаго ремесленика, которой мнѣ казался очень довольнымъ. Взирая на него, я вздохнулъ, и оборотясь къ моимъ друзьямъ, кои мнѣ сотоварище,

ствовали, сказалъ: сколько я жалѣю о своемъ дурачествѣ, потому что всѣ мои труды не могутъ доставить мнѣ такого совершеннаго спокойствїя, коимъ наслаждается сей художникъ; онъ очень веселъ, а я жесточайшимъ образомъ мучусь въ неизвѣстности объ успѣхѣ, которой долженъ имѣть.

Таковые люди не меньше мучатся, когда другїе имѣютъ въ чемъ нибудь успѣхъ, сказалъ Ѳеогенъ; они не находятъ удовольствїя слышать похвалы объ нихъ, даже самыя разсужденїя о ихъ достоинствахъ причиняютъ имъ неслыханныя безпокойства. Это слабость женщинъ, кои ни въ чемъ не могутъ терпѣть соперницъ. Женщина, занятая мыслями о своей красотѣ, бываетъ въ отчаянїи, когда хвалятъ красоту другихъ; она считаетъ, что это для нее обида, и потому надобно быть очень осторожну, когда кто говоритъ объ семъ предметѣ. Онѣ всегда страшатся, чтобъ ихъ не помрачили, и ежели случится впасть въ какое нибудь нещастїе относительно къ сему, то онѣ не въ состоянїи уже выттти изъ него. Тогда

онѣ ожесточаются, и заражаютъ все, что ни будетъ сказано о другихъ хорошее; ежели кто сталъ бы говорить о пріятностяхъ, то онѣ тотчасъ начнутъ разбирать ихъ подробно, и когда найдутъ что дурное, то въ ту минуту даютъ оное замѣтить. Хуже всего то, продолжалъ онъ, что лучшія пріятельницы не могутъ терпѣть одна другой, и всегда съ осторожностію обходятся, такъ какъ бы были совсѣмъ незнакомыя. Въ одной и той же фамиліи двѣ сестры смотрятъ другъ на друга съ неудовольствіемъ: ежели младшая пригожѣе, или больше имѣетъ пріятностей, нежели старшая; ежели больше ее ищутъ въ бесѣдахъ, или болѣе имѣетъ она обожателей, и людей тѣхъ, которые льстятъ ей, и ее хвалятъ, то это такія преступленія, кои никогда не могутъ быть прощены.

Стрѣлы сей страсти пронзаютъ сердца у мущинъ также, какъ и у женщинъ, продолжалъ Евфимій, одна красота тѣла бываетъ ихъ удѣломъ, и составляетъ ихъ удовольствіе. Мущины не могутъ терпѣть соперниковъ

въ разсужденіи талантовъ ихъ разума; мало сыщется такихъ, которые бы не имѣли безпокойнаго и безпорядочнаго желанія всегда возвышаться, они безпрестанно заботятся, дабы найти способы увеличить свою славу, или помрачить другихъ. Много есть мущинъ, которые въ семъ случаѣ подобны женщинамъ; когда кто скажетъ что нибудь въ похвалу ихъ совмѣстниковъ, то тотчасъ родится въ нихъ огорченіе, досада окажется на лицѣ, и смушенный видъ обнаружитъ, какимъ терзаются они мученіемъ. Изъ всего тобою сказаннаго я заключаю, прервалъ Ѳеогенъ, что желаніе быть отъ всѣхъ хвалимымъ, дѣлаетъ людей недостойными похвалъ.

Оно болѣе причиняетъ зла, нежели ты думаешь, присовокупилъ Евфимій; оно развращаетъ добрые нравы, это есть родъ ржавщины, которая съѣдаетъ и портитъ все. Безмѣрная роскошъ, которая столь сильно царствуетъ нынѣ, есть исчадіе сей страсти. Люди низкаго состоянія хотятъ сравняться съ вышшими, всѣ стараются скрывать свое зва-

нїе, чтобъ прїобрѣсть похвалу, которой они не заслуживаютъ. Отъ сего родился тотъ обычай, чтобъ переходить изъ должности въ должность, и отъ выгодъ искать новыхъ выгодъ, такъ что человѣкъ уже не въ силахъ утвердить себя въ томъ мѣстѣ, которое ему свойственно.

Они берутся за все, за что только можно, дабы отличить себя, продолжалъ Ѳеогенъ, но тѣ, кои хотятъ всегда ослѣплять, и парятъ высоко, часто теряются въ облакахъ; истинная слава должна быть основана на личныхъ достоинствахъ, коихъ зависть, происки, и заговоры ни дать ни отнять не могутъ.

Что ты думаешь, спросилъ Евфимїй, о тѣхъ, кои безпрестанно говорятъ о своихъ достоинствахъ, и о знатности своего рода? Я почитаю ихъ очень смѣшными, отвѣчалъ Ѳеогенъ: ежели они не имѣютъ другихъ титлъ благородства, и ежели они всю свою славу полагаютъ въ одномъ только старомъ паргаментѣ, то они не далеко уйдутъ въ послѣдующее время, и ихъ имена не долго будутъ жить въ потомствѣ. Мнѣ кажется,

присовокупилъ Евфимій, что они еще болѣе несносны, нежели смѣшны; когда начнутъ пересказывать свою родословную, то доводятъ ее даже до осады Трои и по томъ до потопа. Признаюсь тебѣ, что для меня нѣтъ ничего скучнѣе, какъ это, я въ разсужденіи сего одного мнѣнія съ нашимъ комическимъ стихотворцомъ, которой говоритъ о сихъ людяхъ такъ:

Нѣтъ уха у двора, котороб не устало,
Какъ знатенъ родъ его, коль отъ него слыхало.

Есть люди, сказалъ Евфимій, которые такую сдѣлали къ сему привычку, что немогутъ болѣе ни о чемъ другомъ говорить, сколько ни стараются; я зналъ одну знатную госпожу такого свойства. Она пересказывала имена своихъ предковъ всѣмъ, кто къ ней пріѣжжалъ, и когда она одумывалась, то была тѣмъ очень недовольна. Ахъ! какъ я смѣшна, говорила она, что безпрестанно разсказываю о своемъ родѣ! Но минуту спустя, опять за то принималась, и дѣлалась чрезъ то несносною для всѣхъ.

Скучно чрезвычайно слушать, продолжалъ Евфимій, когда говорятъ о такихъ, коихъ никто ни сколько не знаетъ, и въ коихъ никто не беретъ участія. Мы часто бываемъ подвержены сему неудовольствію, потому что большая часть людей всегда почти дѣлаетъ подробное описаніе своей фамиліи: а имянно, сколько имѣютъ дѣтей, что они уже въ немалыхъ чинахъ, что они собой хороши, и довольно разумны. Все это очень непріятно, и производитъ всегда худое дѣйствіе, какъ скоро мы не между искренними друзьями. Одни приключенія именитыхъ людей могутъ быть выслушиваемы съ удовольствіемъ.

Я хочу познакомить тебя съ однимъ человѣкомъ, прервалъ Ѳеогенъ, которой въ этомъ совершенно по твоему вкусу; ибо онъ безпрерывно станетъ говорить тебѣ о Князьяхъ и вельможахъ, и будетъ разсказывать отмѣнныя вещи, такъ какъ бы онъ былъ въ ихъ совѣтѣ, или имѣлъ участіе въ самыхъ тайныхъ ихъ дѣлахъ. Онъ изъ числа тѣхъ, кои хвастаются, что всѣ знатные имъ друзья, и обѣщаютъ всѣмъ

свое покровительство. Онъ довольно наказанъ за свое тщеславïе въ одной компанïи, гдѣ и я находился: онъ хвалился, что въ тотъ день былъ у одной знатной госпожи, и разсказывалъ, что тамъ говорено; между тѣмъ, какъ онъ повѣствовалъ, госпожа, о которой былъ разговоръ, вдругъ вошла, и тутъ оказалось, что она совсѣмъ его не знаетъ, и никогда его не видала. Онъ вытерпѣлъ тогда жестокую досаду, и смущенïе, въ которомъ онъ находился, меня проняло чрезвычайно.

Должно быть очень тщеславну и не имѣть здраваго разсудка, продолжалъ Евфимïй, чтобъ поставлять свою славу въ такихъ вещахъ: человѣкъ не прïобрѣтаетъ чрезъ то болѣе достоинствъ, и не становится честнѣе, ежели извѣстенъ господину Маркизу и госпожѣ Графинѣ, и ежели иногда терпимъ въ ихъ домѣ. Вотъ какъ люди созданы! Они употребляютъ все ради увеличенïя мыслей, какïя имѣютъ о своихъ достоинствахъ. Ежели они съ кѣмъ знакомы, то это самый разумнѣйшïй и честнѣйшïй человѣкъ, какой только

можетъ быть, и самый лучшій ихъ другъ. Ежели побываютъ два раза въ гостяхъ у какой женщины, которая можетъ быть бѣсилась внутренно отъ ихъ посѣщенія, то сказываютъ, что оказаны имъ отъ нее всякія ласки. Ежели разсказываютъ какую новость, то ее увеличиваютъ и размножаютъ, чтобъ придать ей больше вѣсу, и тѣмъ заслужить болѣе похвалъ.

Не рѣдко они хвастаются самыми пустыми вещами, прервалъ Ѳеогенъ, кои ни сколько нейдутъ къ нашей славѣ. Историки Нероновой жизни пишутъ, что онъ въ дѣтствѣ весь свой разумъ употреблялъ на изученіе живописи, гравированія, верховой ѣзды, музыки, стихотворства, и весьма доволенъ былъ, что почитался искустнымъ кучеромъ и хорошимъ пѣвцомъ; онъ велѣлъ было казнить Веспасіана за то, что сей зѣвнулъ въ то время, когда Неронъ пѣлъ на театрѣ. Я почитаю это также, какъ естьли бы какой предводитель арміи сталъ хвастаться, что онъ хорошій поваръ. Есть люди, продолжалъ Ѳеогенъ, кои всѣмъ тщеславятся. Я знаю одного

глупца, которой распространилъ свое щастїе до того, что сталъ имѣть карету, и онъ столько боится, чтобъ кто нибудь не остался неизвѣстнымъ, что вѣчно говоритъ объ ней. Онъ имѣетъ даръ обращать всякой разговоръ къ своимъ лошадямъ и къ своей каретѣ: ежели кто заведетъ рѣчь о такомъ человѣкѣ, которой нѣсколько глупъ, то онъ безпрестанно твердитъ, что этотъ человѣкъ не больше имѣетъ ума, какъ его каретныя сивояблошныя лошади; и такимъ образомъ упоминаетъ ежеминутно сивояблошныхъ своихъ лошадей и карету.

Человѣкъ, о которомъ ты говоришь, отвѣчалъ Евфимїй, имѣетъ жестокую чесотку хвастаться, онъ самой непрїятной ораторъ; и я согласилсябы лучше имѣть дѣло съ его сивояблошными лошадьми, нежели съ нимъ. Когда мы имѣемъ какую нибудь слабость, или недостатокъ, въ которомъ мы ненадежны на себя, то употребляемъ все, что только можемъ, дабы оный скрыть, но вмѣсто того чрезъ сїе дѣлаемся еще гораздо смѣшнѣе. Человѣкъ

подлаго происхожденїя, мнящїй быть знатнымъ, при всякомъ случаѣ упоминаетъ объ отмѣнныхъ знакомствахъ, чтобъ чрезъ то дать уразумѣть, что онъ очень старинной фамилїи, но онъ заставляетъ тѣмъ всѣхъ смѣяться. Человѣкъ, которой поетъ худо, но думаетъ, что поетъ хорошо, никогда не устанетъ отъ пѣнья; онъ спрашиваетъ, что о томъ думаютъ, и показываетъ лучшїя мѣста арїи, которую пропѣлъ; и надъ нимъ только смѣются, и говорятъ объ немъ, какъ о сумазбродномъ.

Досадно то, продолжалъ Ѳеогенъ, что сїи люди не видятъ, какое они лице представляютъ; потому что не знаютъ сами себя, и не отдаютъ себѣ справедливости; самыя грубыя наши погрѣшности для насъ непримѣтны, хотя онѣ бросаются въ глаза, и оскорбляютъ всѣхъ. Это не означаетъ того, чтобъ онѣ скрывались отъ насъ, прервалъ Евфимїй; мы часто ихъ видимъ: но мы любимъ обманывать себя, и стараемся, какъ только можемъ, и съ другими тоже дѣлать. Ты слышалъ, что говорили о томъ, которой столько хвастался

своими удачами; когда онъ разсказывалъ объ оныхъ, то можно было подумать, что онъ мужъ всѣхъ на свѣтѣ женщинъ, едва можно было счесть его человѣкомъ; но тѣ, которые его знаютъ короче, смотрѣли съ сожалѣнiемъ, слушая его приключенiя. Тогда онъ очень зналъ себя, и все то, что онъ говорилъ, было только для того, чтобъ заглушить свою досаду, и истребить то худое мнѣнiе, которое о немъ имѣли.

Должно признаться, подхватилъ Ѳеогенъ, что желанiе похвалъ заставляетъ дѣлать многiя дурачества, но тѣ самые безразсудные по моему мнѣнiю люди, кои хвалятся своими пороками, и поставляютъ себѣ то въ честь. Часто они хвастаются даже такими преступленiями, о которыхъ они и не помышляли никогда, чѣмъ выдаютъ себя еще хуже, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ. Люди сiи ищутъ славы весьма странною дорогою, отвѣчалъ Евфимiй; одно средство, къ прiобрѣтенiю себѣ уваженiя отъ разумныхъ людей, быть честнымъ человѣкомъ. Ежелибъ они разобрали пообстоятельнѣе, сколько таковыя

развратныя поступки омерзительны, и сколько все оное удалено отъ того хорошаго виду, котораго они ищутъ, хвастаясь такимъ образомъ: то нашли бы, что изо всего дѣлаемаго ими можетъ произойти одно то, что всѣ станутъ почитать ихъ за людей безъ всякаго разсудка. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ говоритъ объ этомъ одинъ весьма ученой человѣкъ, имѣвшій отличное познаніе, относительно къ тому, что можетъ нравиться, когда люди сего рода даютъ отчетъ въ томъ, что они думаютъ, то разсказываютъ такія жалкія дѣла, что надо быть очень развращенну, чтобъ имѣть подобныя чувствованія, и поставлять ихъ себѣ въ честь.

Я не хвалю и тѣхъ, сказалъ Ѳеогенъ, кои по должности имѣя обязанность быть скромнѣе и порядочнѣе, нежели всѣ прочіе, тщеславятся тѣмъ, что они не дѣлаютъ такихъ дурныхъ поступокъ, какъ люди развращенные. Я слышалъ на сихъ дняхъ, какъ одинъ человѣкъ духовнаго сану хвалился, что не бывалъ пьянъ, и не имѣлъ непозволительнаго обращенія съ женщинами. Мнѣ

кажется, что это не дѣлаетъ большой чести человѣку такого состоянія, что онъ не бывалъ бездѣльникомъ. Я бы хотѣлъ также слышать, чтобъ онъ похвастался, что никого не убивалъ и не грабилъ на большой дорогѣ. Каждое состояніе людей имѣетъ свои добродѣтели, которыя ему столь сродны, что то ужасно, ежели кто впадаетъ въ порокъ противоположенной онымъ добродѣтелямъ. Всякая женщина обязана быть столько цѣломудрена и честна, что никогда не должно тѣмъ хвалиться, что не кокетка; потому что стыдъ есть удѣлъ ихъ пола, и на тѣхъ, которыя не сохраняютъ онаго, должно взирать съ ужасомъ.

Не всякой дѣлаетъ всегда то, что должно, отвѣчалъ Евфимій: тѣ, которые въ точности исполняютъ свою должность, конечно заслуживаютъ похвалу, но не надобно оной искать. Это ребяческое дѣло публиковать повсюду, и извѣщать весь свѣтъ, какъ скоро кто что нибудь хорошее сдѣлалъ. Есть такіе, прервалъ Ѳеогенъ, которые, не говоря ни слова, себя хвалятъ: можно

примѣтить только изъ ихъ виду, что они очень довольны собою; а другїе есть такїе, кои ругая себя, и признаваясь въ учиненныхъ ими погрѣшностяхъ, себя превозносятъ: но они хотятъ, чтобъ ихъ въ томъ простили, а ежели сего имъ не сдѣлаютъ, то ту минуту перемѣняютъ тонъ. Иные презираютъ или унижаютъ тѣ хорошїя свойства, которыя дѣйствительно въ нихъ находятся. Женщина, у которой глаза совершенно прекрасные, будетъ жаловаться, что ими недовольна, съ тѣмъ, чтобъ болѣе на нихъ смотрѣли, и увѣрили ее, что нѣтъ въ оныхъ ни малѣйшаго недостатка. Мущина отмѣнно разумной, которой не хочетъ открытымъ образомъ себя выхвалять, скажетъ, что онъ ничѣмъ не тщеславится, что все въ немъ посредственное, и онъ не ищетъ славы великихъ умовъ: но онъ въ отчаянїи, когда оставляютъ его въ сей мысли, и не станутъ доказывать ему противнаго. Тѣ, у коихъ умы слабы, иногда принимаютъ на себя величественный видъ, дабы тѣмъ заставить о себѣ думать,

что они имѣютъ много достоинствъ; говорятъ не иначе, какъ считая свои слова, а потому всякой мыслитъ, что они больше думаютъ, нежели изъясняются. Ежели дуракъ будетъ молчать, то станутъ почитать его разумнымъ.

Они весьма хорошо дѣлаютъ, прибавилъ Евфимій, что хватаются за молчаливость, потому что ежели бы они стали много говорить, то легко бы ихъ узнали, и это было бы худое средство для полученія похвалъ, которыхъ они ищутъ. Есть такіе люди, продолжалъ онъ, коимъ я не могу никакъ простить хитростей, употребляемыхъ ими ради пріобрѣтенія себѣ славы. Они сказываютъ цѣлыя проповѣди, когда хотятъ другимъ внушить скромныя и смиренныя чувствованія, а изъ лица ихъ видно, что они имѣютъ великое о себѣ мечтаніе. Они вооружаются противъ славы съ великою ревностію, но хотятъ оную имѣть въ томъ, что они разумно говорили.

По крайней мѣрѣ имъ бы должно было скрывать то, что они думаютъ

о себѣ самихъ, прервалъ Ѳеогенъ, потому что не можно удержаться отъ смѣху, когда услышимъ ихъ разбирающихъ свои рѣчи, когда они говорятъ, что такое-то выраженїе прекрасно, что раздѣленїе справедливо, и что вездѣ царствуетъ здравой разсудокъ. Однажды я очень испугался, услыша одного изъ сихъ господъ говорящаго о себѣ такъ: вотъ до чего человѣческой разумъ можетъ простираться, что каждое слово стоитъ мнѣ четверти часа. Я былъ въ отчаянїи, видя глупца, которой хвалился самымъ гнуснымъ въ свѣтѣ дѣломъ. Смѣшно, что тѣ, кои должны менѣе всѣхъ хвалить себя, дѣлаютъ то весьма грубо, и принимаютъ съ великою благодарностїю учтивости, которыя имъ дѣлаются изъ одного только снисхожденїя. Хотя и введенъ обычай поздравлять тѣхъ, кои говорятъ публично рѣчи; но имъ вмѣсто того, чтобъ слушать съ такимъ вниманїемъ, когда ихъ хвалятъ, надлежало бы отвращать совершенно разговоръ отъ того, дабы не допустить другихъ имѣть неудовольствїе лгать.

Есть и такіе, отвѣчалъ Евфимій, которые дѣлаютъ то, что ты говоришь, которые совершенно отвергаютъ всѣ приписываемыя имъ похвалы; они признаются чистосердечно, что ихъ рѣчь не во всѣхъ правилахъ, и просятъ у собранія простить ихъ, что причинили ему скуку, заставя слушать такую дурную пїэсу. Кто говоритъ такимъ образомъ, перервалъ Ѳеогенъ, тотъ мыслитъ совсѣмъ противное своимъ словамъ. Такая изъявляемая ими скромность не иное что есть, какъ чистое лицемѣрство: это уловка гордости, это острой и хитрой образъ выхвалять себя. А дабы узнать истинныя ихъ чувствованія, то стоитъ только сказать въ особенности о какомъ нибудь худомъ мѣстѣ ихъ рѣчи: какой они подымутъ крикъ, ради своего защищенія? Они станутъ жаловаться на незнаніе тѣхъ, которые ихъ критикуютъ, и близки будутъ къ тому, чтобъ насказать множество обидъ.

Тѣ, которые уже отъ всѣхъ оставлены, продолжалъ Евфимій, довольствуются похвалами, какія они при-

писывают сами себѣ; утѣшаются, читая свои сочиненія, жалуются на худой вкус вѣка, и полагают надежду на тѣ похвалы, кои отдаст потомство их изданіям. Все это довольно показывает, сколько мы слѣпы в вещах, относящихся к нам. Я знаю таких людей, у которых не достает талантов к поддержанію себя в маленьких мѣстах, и они надѣются имѣть успѣх, ежели бы взяли их ко двору. Они безпрестанно твердят, что то, что они пишут, чрезвычайно хитро и замысловато для простаго народа, и что одни только просвѣщенные люди могут судить о достоинствѣ и о тонкости их сочиненій.

Ты правду говоришь, подхватил Өеоген, что эта слабость довольно означает, сколько человѣческой разум тщетен; он питается собственными своими химерами, и принимает на себя множество трудов для самых бездѣлок; можно сказать о сих людях весьма прекрасную мысль одного из остроумных древних Римлян:

O curas hominum! quantum est in rebus inane! О заботы человѣческія, сколько вы тщетны!

Люди мучатъ себя въ жизни, и предаются многимъ безпокойствамъ для самыхъ пустыхъ вещей. Мы подобны въ семъ случаѣ нѣкоторымъ насѣкомымъ, кои истощаютъ весь свой составъ, устроя сѣти для маленькихъ мухъ; пять или шесть словъ, сказанныхъ изъ одной учтивости, служатъ довольною наградою за дѣяніе, которое намъ стоило безчисленныхъ безпокойствъ, и мы беремъ на себя съ радостію новыя заботы.

Я прощаю тѣхъ, отвѣтствовалъ Ѳеогенъ, которые стараются заслужить себѣ славу храбростію и трудами, и которые тщатся исполнять должности своего служенія; но не могу простить тѣмъ, которые ни о чемъ не думаютъ, какъ только о разрушеніи у другихъ добраго имени. Когда молодой человѣкъ начинаетъ входить въ свѣтъ, то охуждаютъ его всячески, и стараются привести въ безславіе. Онъ не окончилъ еще своей рѣчи, а уже злословятъ его безъ всякой пощады, и разбираютъ его слова

самымъ жестокимъ образомъ. Замѣтилъ ли ты это слово, скажетъ одинъ, найдется ли что нибудь, чтобы было столько подло, и такъ походило на дѣтское? Другой скажетъ: онъ худо изъясняется, у него нѣтъ ни въ чемъ ни справедливости, ни правильности. Обманывается тотъ, кто думаетъ пріобрѣсть себѣ славу, понося другихъ. Разумные люди имѣютъ отвращеніе къ тѣмъ, которые подвержены такой подлой зависти, и терпятъ ихъ съ великимъ трудомъ.

Вотъ одно изъ худыхъ послѣдствій желанія похвалъ, продолжалъ Ѳеогенъ; оные люди стараются привести всѣхъ въ безславіе для того, чтобъ получить себѣ пользу отъ разрушенія ихъ добраго имени; но чрезъ то ничего не выигрываютъ, а становятся еще ненавистнѣе, и заставляютъ презирать себя по справедливости. Можетъ быть ты не примѣтилъ, присовокупилъ Ѳеогенъ, что это есть знакъ малоумія, знакъ, что они сами на себя не надѣются: а великіе умы не имѣютъ прибѣжища

къ такимъ подлостямъ, они поддерживаютъ себя своими собственными силами.

Ежели не почитаютъ сатириковъ, сказалъ Евфимїй, то по крайней мѣрѣ ихъ боятся, и жестокая критика приводитъ ихъ нѣкоторымъ образомъ въ безопасность. Ты вѣрно слыхалъ, что сдѣлалъ орелъ въ собранїи птицъ, когда они разсуждали о избранїи короля; орелъ спросилъ, не лучше ли всѣхъ онъ, и всѣ утвердили, что лучше; павлинъ, которой тѣмъ былъ нѣсколько недоволенъ, отвѣчалъ ему, что это не по перьямъ его, но по носу и по кохтямъ. Никто не хочетъ попасть въ кохти нѣкоторыхъ людей, всякой скорѣе согласится исполнять все, чего они желаютъ, и признаетъ ихъ за людей остроумныхъ, нежели навяжетъ ихъ себѣ на руки.

Они бы гораздо разумнѣе сдѣлали, естьлибъ постарались освободиться отъ порока толь достойнаго посмѣянїя, сказалъ Ѳеогенъ; ибо естьли бы и вѣры не было, которая повелѣваетъ намъ имѣть смиренномудренныя чувствованїя,

что по одному благоразумїю надлежало бы предостерегаться отъ безмѣрно великаго желанїя быть хвалимыми. Но возвратимся къ свойству тѣхъ людей, о которыхъ мы говоримъ: Вотъ правила, которымъ должны они слѣдовать, дабы всѣмъ нравиться.

Они не должны хвалить ни самихъ себя, ни свои разсужденїя, ни поступки; не должны осуждать того въ другихъ, и быть слишкомъ скорыми, чтобъ читать тотчасъ, что ими сочинено: это тяготимъ и причиняемъ безпокойство, это чисто глупое тщеславїе, которое дѣлаетъ ихъ презрительными, и происходитъ отъ испорченнаго сердца. Не должно ни у кого вскружать головы разсказыванїемъ своихъ дѣянїй, и когда мы не имѣемъ передъ глазами страху Господня, то обязаны избѣгать того по видамъ прямаго человѣколюбїя. Гордость не можетъ быть безъ великой слабости, и чѣмъ больше сїя гордость возрастаетъ, тѣмъ слабость виднѣе становится. Тѣ, которые поставлены ради исцѣленїя слабостей у другихъ, въ обязанности находятся менѣе оныхъ

ощущать въ себѣ; это бы было самое постыдное дѣло, ежели бы они оказались болѣе исполненны собою, болѣе надмѣнны, завистливы и злоязычны, нежели прочїе люди. Такъ какъ они знаютъ совершенно, что имъ не повѣрятъ въ разсужденїи сего; то должны приготовиться терпѣть всякаго роду сужденїя, иногда ложныя, а иногда и справедливыя, хотя и не найдутъ они ихъ таковыми. Надобно, чтобъ они трудились съ такимъ рвенїемъ, какъ будто бы пристрастны были къ славѣ, а желали оной столь мало, какъ будто бы ничего не сдѣлали. Чтобъ до сего достигнуть, то потребно много добродѣтели и твердости ума, а я не вижу ничего, чтобы было столько достойно какъ христїанина, такъ и честнаго человѣка.

Вотъ правила, которыми я восхищаюсь, отвѣчалъ Евфимїй, я ихъ слушалъ съ великимъ удовольствїемъ, и думаю, что они могутъ служить для всякаго роду людей, какого бы они свойства ни были. Мнѣ весьма прїятно, что ты находишь ихъ столь хорошими,

продолжалъ Θеогенъ, я занялъ ихъ отъ самаго честнѣйшаго человѣка нашего времени, въ особенныхъ разговорахъ, которые мнѣ случалось съ нимъ часто имѣть. Думаю, что никто никогда не обладалъ такимъ хорошимъ сердцемъ и разсудкомъ, какъ онъ. Я былъ свидѣтелемъ славы, какую пріобрѣлъ онъ чрезъ первыя свои рѣчи; и могу сказать о немъ безъ ласкательства, онъ началъ тѣмъ, чѣмъ другіе оканчиваютъ. Слабое здоровье, въ коемъ онъ находится около трехъ или четырехъ лѣтъ, не позволило ему болѣе трудиться; это потеря для всей публики и для знаменитаго общества, котораго онъ прямо достойный членъ.

Я скажу нѣкоторыя изъ его правилъ двумъ или тремъ моимъ друзьямъ, подхватилъ Евфимій, они съ немалыми дарованіями, но слишкомъ ихъ знаютъ, и твердятъ объ нихъ всѣмъ: надобно, чтобъ я имъ далъ почувствовать, сколько человѣкъ бываетъ смѣшонъ, когда онъ мечтаетъ много о своемъ достоинствѣ. Что ты думаешь, присовокупилъ онъ, о свойствѣ тѣхъ людей,

кои поставили себя на такую ногу, чтобъ хвалить весь свѣтъ? Они дѣлаютъ тысячу восклицанiй для малѣйшей бездѣлицы, и съ головы до ногъ осыплютъ тебя похвалами безъ всякаго разсужденiя и безъ разбору.

Этотъ порокъ царствуетъ наипаче въ нынѣшнемъ вѣкѣ, въ которомъ мы живемъ, отвѣчалъ Ѳеогенъ; всякой не смѣетъ болѣе говорить людямъ, не льстя имъ, и не насказывая тысячи такихъ вещей, которымъ никто не вѣритъ: это родъ комедiи, которую безпрестанно играютъ, и къ какой бы кто сторонѣ ни обратился, вездѣ душатъ его соплетатели похвалъ. Такiе люди весьма смѣшны, и ежели они не остерегаются, то становятся несносны, превознося столько же другихъ похвалами, сколько выхваляя самихъ себя.

Это правда, продолжалъ Евфимiй, что ничего нѣтъ отвратительнѣе, какъ глупыя похвалы, и не у мѣста сказанныя. Тѣ, которые составляютъ изъ оныхъ кучи, и осыпаютъ ими всѣхъ приходящихъ, мало свѣдущи въ томъ, что можетъ нравиться благомыслящимъ. Сiи

люди съ трудомъ вытерпливаютъ таковыя нападенія: когда кто ихъ хвалитъ, то долженъ закрывать то, что говоритъ, и дѣлать это съ великимъ искуствомъ и тонкостію.

Мало такихъ, кои къ этому способны, подхватилъ Ѳеогенъ, никто не имѣетъ столь оборотливаго ума, каковой нуженъ, чтобъ хвалить тонкимъ образомъ, и потому поступаютъ въ этомъ очень худо; а тутъ надобно употреблять гораздо болѣе искуства, нежели мы думаемъ. Нѣтъ ничего въ свѣтѣ столь обыкновеннаго, какъ комплименты, всякой наперерывъ старается оныя дѣлать; но большая часть вещей, которыя мы слышимъ, нехорошо выдуманы, и часто бываютъ чрезвычайно безразсудны. Одинъ человѣкъ проницательнаго ума, которой писалъ о сей матеріи, говоритъ, что слишкомъ явныя похвалы всегда бываютъ грубы, надобно выбрасывать изъ нихъ то, что онѣ имѣютъ отвратительнаго. Воатюръ, которой былъ столь искусенъ въ наукѣ нравиться, и которой провождалъ свою жизнь между лучшимъ

людьми, никогда не хвалилЪ иначе, какЪ вЪ шуткахЪ, и никто не могЪ никогда дѣлать сего сЪ большимЪ успѣхомЪ, какЪ онЪ. ОнЪ говорилЪ людямЪ все, что только можно выдумать самаго вѣжливаго и самаго ласкательнаго, и говорилЪ то непринужденнымЪ образомЪ, и вЪ такихЪ дружескихЪ выраженіяхЪ, какЪ будто онЪ никакой не подразумѣвалЪ тонкости.

Этого-то и не достаетЪ у записныхЪ льстецовЪ, отвѣчалЪ Евфимій, и это самое дѣлаетЪ, что они столько противны и отвратительны. Уста ихЪ всегда наполнены площадными похвалами; не можно спасти себя отЪ ихЪ преслѣдованія: они вездѣ тебя находятЪ, и ожидаютЪ только той минуты, чтобЪ начать твой панегирикЪ. Нѣкто вЪ древности сравнивалЪ ихЪ сЪ хамелеонами, которые принимаютЪ на себя всѣ роды цвѣтовЪ; и кажутся всегда различными, ежели кто смотритЪ на нихЪ сЪ разныхЪ точекЪ зрѣнія. Подобнымъ образомЪ и сіи люди, о коихЪ говорю, представляются вЪ разныхЪ

видахъ, и поддѣлываются ко всякому вкусу тѣхъ, къ кому приходятъ.

Этому не должно удивляться, продолжалъ Өеогенъ: таковы обыкновенно бываютъ подлыя, робкія, и рожденныя для рабства души; они дѣлаются невольниками всего свѣта, и ищутъ себѣ подпоры, исполняя всякія угодливости. Я жилъ нѣкоторое время въ одной провинціи нашего государства, гдѣ всѣ люди такого свойства, о которомъ я говорю; они для полученія отъ васъ какой нибудь вещи принуждаютъ себя ко всему, дѣлаютъ тысячу непристойностей, и входятъ въ самыя крайнія подлости. Люди, о которыхъ ты говоришь, не изъ числа самыхъ чистосердечныхъ въ свѣтѣ, отвѣчалъ Евфимій, но за то они чрезвычайно привязаны къ корыстолюбію; а тѣ, которые хвалятъ изъ прибыли, дѣлаютъ то по большой части безстыднымъ образомъ; да они о семъ мало заботятся, лишъ только бы достигнуть до своей цѣли.

Дабы хвалить пристойно, то не довольно сего, чтобъ быть только чистосердечнымъ, подхватилъ Өеогенъ,

надобно еще имѣть хорошїй вкусъ, и знать достоинства вещей, и по томъ уже цѣнить, чего онѣ стоятъ. Знаешь ли ты, что однажды сдѣлалъ Махометъ Вторый, желая узнать въ точность достоинство одного солдата, дабы наградить его за великїя услуги ему оказанныя? Онъ велѣлъ положить его въ вѣсовую чашу, а въ другую насыпать золота, и эту сумму отдалъ ему, расхваля его всячески. Потребно великое благоразумїе на то, чтобъ отличать достойнаго человѣка отъ бездѣльника, а поступать одинаково съ негодяями и съ честными людьми, есть великая несправедливость.

Это не всегда происходитъ отъ неразумїя, отвѣчалъ Евфимїй, мы можемъ довольно отличать истинное отъ ложнаго, и чувствуемъ сами нѣкоторыя укоризны, когда хвалимъ людей противъ совѣсти, но не въ силахъ быть чистосердечными: мало людей, которые имѣютъ такую мужественную вольность, что не хвалятъ принужденно, и не удивляются въ угодность другимъ. Тѣ, кои такъ не кстати хвалятъ, хотятъ,

чтобъ ихъ почитали учтивыми. Они того самаго свойства, о коемъ мы сїю минуту говорили; они считаютъ, что чистосердечїемъ можно привесть другихъ въ безславїе, и что надобно быть очень глупу, чтобъ говорить то, что думаешь.

Вотъ что причиною тому, прервалъ Өеогенъ, что люди здравомыслящїе не любятъ похвалъ. Ими превозносятъ такихъ, которые ни сколько ихъ не заслуживаютъ. Какъ бы кто дуренъ ни былъ, онъ всегда найдетъ людей, у коихъ душа столь низка, что они станутъ его хвалить: это такая подлость, которая недостойна честнаго человѣка, и которая заслуживаетъ всякое наказанїе. Теокритъ пишетъ, что въ его время боги наказывали раздавателей пустыхъ похвалъ, тѣмъ, что посылали волдыри каждому изъ насъ на носъ.

Ежели бы это случилось въ нашемъ вѣкѣ, прервалъ Евфимїй, то мало бы осталось незапятнаныхъ; потому что всѣ стараются льстить, и думаютъ, что сдѣлали славное дѣло, когда кому

нибудь наговорили множество лжи. Въ этомъ великая несправедливость, подхватилъ Феогенъ, что людей безъ всякаго достоинства осыпаютъ похвалами, кои принадлежатъ единственно отличнымъ особамъ. Сей порокъ не отъ чего инаго происходитъ, какъ отъ подлаго ласкательства, или отъ недостатка разума.

Но мнѣ всего досаднѣе то, присовокупилъ Евфимій, что ни одинъ человѣкъ, думаю, не хочетъ исправиться отъ сего порока; всякой забралъ себѣ въ голову, что дабы быть по модѣ, то должно пріучить себя льстить всѣмъ, что это долгъ честнаго человѣка, и что безъ сего не льзя жить между знатными, коимъ служатъ пищею пустыя похвалы. Это правда, продолжалъ Феогенъ, что знатные въ разсужденіи сего очень странны; они хотятъ, чтобъ всегда ихъ превозносили, и выхваляли даже самые ихъ пороки, такъ что ежели кто хочетъ войти въ любовь къ людямъ, то нѣтъ короче дороги, какъ узнать ихъ чувствованія, и хвалить ихъ за все, что они ни дѣлаютъ.

Одинъ человѣкъ, котораго я безпредѣльно почитаю, и которой имѣетъ великую разборчивость, отвѣчалъ Евфимій, сказалъ нѣчто весьма сходное съ твоими мыслями: а имянно, что тѣ, которые говорятъ намъ прïятности, обыкновенно хорошо бываютъ нами приняты, и чтобъ принаровиться ко вкусу людей, то должно угождать ихъ склонностямъ и даже самымъ страстямъ. Мы всегда любимъ тѣхъ, которые намъ удивляются, не смотря на то, что непрïятны для насъ тѣ, коимъ мы сами удивляемся.

Смѣшно то, продолжалъ Ѳеогенъ, что мы разсуждаемъ о достоинствахъ другихъ, по мѣрѣ, какъ насъ почитаютъ и хвалятъ. Мы считаемъ ихъ умными, когда они стараются открывать наши хорошïя качества или когда искуснымъ образомъ извиняютъ въ насъ погрѣшности, и представляютъ ихъ подъ такими красками, отъ которыхъ дѣлаются оныя непримѣтными въ нашихъ глазахъ.

Я думалъ, прервалъ Евфимій, что такимъ образомъ могутъ обольщаемы быть одни тѣ, которые не знаютъ

самихъ себя. Увѣряю тебя, продолжалъ Ѳеогенъ, что для самыхъ проницательныхъ и разсудительныхъ весьма трудно противустоять ласкательству и всѣмъ хитростямъ, употребляемымъ льстецами для угожденія людямъ. Должно имѣть всѣ предосторожности, когда насъ хвалятъ, не надобно никогда забываться, иначе сочтутъ насъ дураками: тѣ, которые показываются въ семъ случаѣ чрезвычайно усердными, всегда имѣютъ какое нибудь намѣреніе; а потому и нужно всегда быть въ недовѣрчивости къ приписуемымъ похваламъ, онѣ не иное что, какъ сѣти для насъ разставленныя. Мы живемъ въ весьма лукавомъ свѣтѣ, гдѣ не даютъ ничего за ничто; осыпающіе тебя похвалами приготовляютъ себѣ чрезъ то путь къ полученію того, о чемъ хотятъ тебя просить.

Я знаю такихъ, сказалъ Евфимій, которые употребляютъ такъ тонко сію хитрость, и которые столь искусно дѣйствуютъ похвалами отъ нихъ приписуемыми, что онѣ у нихъ какъ деньги, съ коими достигаютъ во всемъ

до желаемаго конца. Повѣришь ли ты, присовокупилъ онъ, что большая часть женщинъ колеблются отъ нихъ; самыя постоянныя съ величайшимъ трудомъ устаиваютъ противъ нихъ, и ихъ благосклонности бываютъ не рѣдко воздаяніемъ за пустыя похвалы? Для нихъ весьма пріятно слышать, что онѣ прекрасны, и имѣютъ тьму прелестей; и онѣ столько бываютъ довольны тѣми, кои берутъ на себя трудъ имъ говорить то, что въ награду за оное не отказываютъ имъ даже въ послѣднемъ снисхожденіи.

Когда молодыя дѣвицы допускаютъ ослѣплять себя похвалами, то подвергаются чрезъ сіе великой опасности; онѣ недолго будутъ сопротивляться, самыя боязливыя отъ природы ходятъ съ безопасностію по слѣдамъ своихъ ласкателей, кои ихъ поощряютъ, и служатъ ихъ путеводителями. Въ сложеніи имъ дѣлается нѣкоторой родъ перемѣны; онѣ становятся предпріимчивы, смѣлы и безчинны. Едва сожалѣютъ онѣ о дѣлаемой ими потерѣ, что лишаются своей невинности. Онѣ

привыкаютъ къ распутству, и чтобъ освободиться отъ всего того, что стѣсняетъ ихъ страсть, онѣ не щадятъ самаго нѣжнаго имущества, полагаясь на совѣсть своихъ ласкателей. Когда онѣ свергли съ себя бремя стыда, то всякое преступленіе въ состояніи сдѣлать, какъ-то обманъ, измѣну, вѣроломство: онѣ болѣе не краснѣютъ отъ самыхъ послѣднихъ непотребствъ, и вдаются въ оныя съ величайшимъ бѣшенствомъ.

Я не знаю, для чего Пиѳагоръ сравниваетъ льстецовъ съ кокетками, спросилъ Ѳеогенъ: сіи просятъ боговъ, чтобъ даровали ихъ любовникамъ богатство, чести, здоровье и всякаго рода щастіе, кромѣ разума. Онѣ имѣютъ причину, отвѣчалъ Евфимій, поступать такимъ образомъ, потому что ежели кто сколько нибудь имѣетъ разсудка, то нетрудно для него увидѣть, что онѣ дурныя шутки играютъ съ простаками, увѣрившимися на ихъ ласки. Но чтобъ опять начать то, о чемъ я говорилъ тебѣ, прибавилъ онъ, то скажу, что нѣтъ ничего, чтобъ могло больше

увеличивать ослѣпленіе людей, какъ естьли они найдутъ такихъ, которые станутъ подкрѣплять оное чрезъ приписуемыя имъ похвалы. Мы видимъ, что нѣкоторые были бы довольно порядочны, естьли бы ихъ оставили при ихъ хорошемъ нравѣ, но они нѣсколько злы для того, что ихъ увѣряютъ, что все имъ позволительно, и что ихъ чинъ извиняетъ всѣ преступленія, какія бы они ни учинили.

Всегдашняя политика льстецовъ, отвѣчалъ Евфимій, состоитъ въ томъ, что они хвалятъ или охуждаютъ людскія дѣла, по прихотямъ тѣхъ, къ коимъ хотятъ притти въ милость. Это мысль святаго Августина; онъ говоритъ, что у насъ два рода гонителей: одни хулятъ то, что мы дѣлаемъ, а другіе хвалятъ, и сіи опаснѣе, нежели первые; потому что все, что ни говорятъ они, согласно бываетъ съ нашими слабостями. Онъ несравненно болѣе имѣлъ свѣдѣній о семъ, нежели другой кто, подхватилъ, Ѳеогенъ; и хотя никто никогда не былъ столь разуменъ, какъ онъ, однакожъ часто ласкатели обманы-

вали его: онъ имѣя добрую душу, простиралъ свое снисхожденіе на все, чего хотѣли отъ него требовать, хотя нерѣдко впрочемъ чувствовалъ въ себѣ сопротивленіе, потому что онъ отъ природы исполненъ былъ прямодушія и честности.

Это самыя лучшія сердца, отвѣчалъ Евфимій, кои допускаютъ обольщать себя удобнѣе, и которые доходятъ до послѣдней крайности, когда они предупреждены, и когда ихъ разумомъ овладѣли другіе.

Я очень доволенъ, продолжалъ Евфимій, что наши мысли подкрѣплены теперь такимъ важнымъ мнѣніемъ: ничего больше ненадобно къ тому, чтобъ родить отвращеніе какъ къ ласкательству, такъ и къ самимъ льстецамъ, и чтобъ заставить разумѣть, сколько сіе лице недостойно честнаго человѣка. Тѣ, кои ищутъ нравиться въ обхожденіи съ лучшими людьми, не должны достигать сего столь подлымъ и презрительнымъ способомъ: эта дорога хороша только для тѣхъ нещастныхъ, которые стараются втереться въ ми-

лость къ знатнымъ, и которые, чтобъ поддержать себя у нихъ, всегда бываютъ готовы дѣлать всякія подлости, какія кто захочетъ.

Это удобнѣе можно простить людямъ ничего незначущимъ, а особъ почтенныхъ никакъ нельзя извинить въ ономъ; всякой негодуетъ на нихъ, когда слышитъ что нибудь такое, которое пахнетъ подлымъ и нещастливымъ воспитаніемъ. Я за то немогу терпѣть одного изъ моихъ друзей, которой впрочемъ множество имѣетъ хорошихъ качествъ, но льститъ людямъ самымъ низкимъ образомъ. Когда кто попроситъ его отобѣдать, онъ хвалитъ всякое кушанье, какое ни подадутъ, и всякой кусокъ, которой ѣстъ, какъ будто бы онъ поданъ ему вмѣсто милостыни; онъ безпрестанно восклицаетъ: ахъ какъ эта похлебка прекрасна, какъ это рагу плѣнительно, какъ этотъ соусъ вкусенъ и пріятенъ, надо быть вашему повару очень знающему. Для меня это жестокимъ мученіемъ, когда слышу, что онъ такъ говоритъ, и говоритъ вездѣ одно и тоже. Должно

всячески остерегаться входить въ такую неприличную подробность: можно сказать слово мимоходомъ, ежели что нибудь находишь по своему вкусу; но не надобно считать это за важное и изыскивать высокія выраженія, чтобъ расхвалить всѣ соусы.

Что лучше, спросилъ Евфимій, хвалить слишкомъ или совсѣмъ не хвалить, какъ дѣлаютъ другіе, которые пришли бы въ отчаяніе, ежелибъ въ жизни своей сказали когда хотя малѣйшую учтивость? Что бы кто ни сказалъ, они никогда ничего не одобрятъ; кажется, это для нихъ обида, ежели кто имѣетъ достоинство, я употреблю слова одного стихотворца:

Qu' il n' appartient qu' aux ſots d' admirer et de rire,
Et penſent que louer n' eſt pas d' un bel eſprit.

Однимъ лишъ дуракамъ прилично удивляться,
А тѣмъ, въ комъ разумъ есть, нейдетъ хвалить, смѣяться.

Честной человѣкъ, отвѣчалъ Ѳеогенъ, равно долженъ избѣгать обоихъ сихъ пороковъ: и хвалить слишкомъ, и со-

всѣмъ не хвалить. Хвалить негодяевъ есть глупость или чрезмѣрное снисхожденїе, а отказывать въ похвалахъ тѣмъ, кои оную заслуживаютъ, значитъ великую несправедливость. Всякой дѣлается смѣшнымъ, оказывая пустую тонкость, и это не иное что есть, какъ злость, всегда влекущая за собою презрѣнїе, ежели мы не удивляемся тому, что достойно удивленїя. Катонъ говаривалъ, что ежели отнять у добродѣтели славу, то не останется никто добродѣтельнымъ, и что большая часть производящихъ великїя дѣла побуждаются къ тому одною надеждою, что за оныя ихъ болѣе станутъ почитать.

Слѣдовательно не должно быть такимъ угрюмымъ, и такимъ человѣконенавидцемъ, чтобъ не хотѣть сказать какой нибудь вѣжливости и благопристойности, ради поощренїя людей къ дѣланїю добра: такъ введено уже у насъ въ обычай, что тѣ, кои не исполняютъ онаго, почитаются слишкомъ гордыми, или слишкомъ завистливыми.

Что ты думаешь, сказалъ Евфимїй, о людяхъ другаго свойства, кои

хвалятъ, какъ кажется, но дѣлаютъ то самымъ ядовитымъ образомъ? Они избираютъ злостныя похвалы, означающія прямо, что тѣ, которыхъ они хвалятъ, имѣютъ пороки, коими нельзя имъ укорять ихъ, явно или не столь сокрытымъ образомъ. Они говорятъ двусмысленныя слова, которыя отъ непонимающихъ въ нихъ тонкости принимаются за истинныя похвалы, а напротивъ того тѣ, кои съ ними въ томъ согласны, смѣются и забавляются онымъ.

Я не одобряю ни сколько всѣхъ этихъ хитростей, отвѣчалъ Ѳеогенъ, одно чистосердечіе и праводушіе свойственны характеру честнаго человѣка. Очень нетрудно обманывать людей въ разсужденіи похвалъ: мы считаемъ, что ихъ заслуживаемъ; для насъ столь пріятно, естьли хвалятъ насъ, и мы столько слѣпы, что совсѣмъ не можемъ замѣтить, когда смѣются надъ нами, или говорятъ намъ чистосердечно.

Для меня кажется страннымъ то, прервалъ Евфимій, что тѣ самые, кои видятъ, что льстятъ имъ дѣйстви-

тельно, и приписываютъ похвалы такія, коихъ они совсѣмъ не заслуживаютъ, не перестаютъ считать за удовольствіе слушать и поставлять оныя себѣ въ честь. Я вспомнилъ въ разсужденіи сего одно острое выраженіе, которое сказалъ нѣкогда льстецу любимецъ нѣкоторой славной Королевы: Вы меня хвалите, а я вижу, что не имѣю такихъ прекрасныхъ качествъ, о которыхъ говорите, однакожъ вы дѣлаете мнѣ удовольствіе.

Вотъ какими пустыми воображеніями и тщетой мы питаемся, подхватилъ Ѳеогенъ; мы очень дурно дѣлаемъ, что поддерживаемъ слабости людей, осыпая похвалами ихъ сумазбродства. Можно хвалить то, что достойно похвалы, но надобно это дѣлать съ разсудкомъ, и говорить только то, что прилично характеру каждаго человѣка, а мы стараемся наперерывъ изыскивать необычайности. Мы хвалимъ женщину, что она свѣдуща въ наукахъ, что собою составляетъ видъ, имѣетъ высокій разумъ, и способна къ самымъ труднымъ дѣламъ, но не думаемъ ни-

когда похвалить ее за скромность, умѣренность, за исправность и прилѣжность въ смотренїи за всѣмъ своимъ домашнимъ. Ежели молодой человѣкъ надѣлаетъ много шуму, ежели покажетъ себя запальчивымъ и хвастливымъ, то мы будемъ говорить объ немъ, какъ о совершенно храбромъ; но ежели онъ хорошїй и вѣрный другъ, ежели рачителенъ и исправенъ въ своей должности, то о семъ ничего не скажемъ, потому что все это слишкомъ обыкновенно и никакого не дѣлаетъ блеску. Я каждой день слышу, что хвалятъ молодыхъ дѣвицъ за ихъ проворство, за живость, веселость и за кокетство; а не говорятъ ничего о тѣхъ, которыя стыдливы, честны и сохраняютъ во всемъ скромность.

Однакожъ за сїе не менѣе ихъ почитаютъ, отвѣчалъ Евфимїй; но служитъ въ доказательство твоимъ словамъ то, что всегда, ежели кого хвалятъ, стараются изыскивать что нибудь отмѣнное и нерѣдко такое, которое не дѣлаетъ насъ достойными похвалы. Одинъ знаменитый писатель говоритъ

объ Архимедѣ, что онъ пріобрѣлъ бы отъ всѣхъ великое уваженіе, не бывъ знатнаго происхожденія; онъ не находился ни въ какихъ сраженіяхъ, но оставилъ свѣту прекраснѣйшія изобрѣтенія. Чтобъ учинить свою славу безсмертною, то ненужны дѣянія, которыя бы сопряжены были съ великою пышностію.

Тотъ, кто сожегъ Ефеской храмъ съ тѣмъ, чтобъ заставить о себѣ говорить, сказалъ Ѳеогенъ, имѣлъ самое сумазбродное воображеніе; и надобно признаться, что есть люди, у которыхъ въ умѣ заключается, я незнаю, что-то такое странное. Нѣкто, дабы выдать себя за щеголя, купилъ въ три тысячи драхмъ глиняной ношникъ, какой Епиктетъ употреблялъ при своемъ ученіи. Вотъ какъ люди сотворены; желаніе похвалъ ихъ ослѣпляетъ, и заставляетъ дѣлать великія дурачества. Мы удивляемся иногда, видя людей долженствующихъ нравиться, которые однакожъ противны; показываемое ими сильное желаніе пріобрѣсть себѣ рукоплесканія, портитъ все, что они ни

имѣютъ въ себѣ хорошаго, и эта одна слабость въ состоянїи сдѣлать ихъ смѣшными.

Подлинно, отвѣчалъ Евфимїй, чтобъ нравиться, то недовольно имѣть только хорошїя качества, должно при томъ умѣть управлять оными; мы никогда не прїобрѣтемъ почтенїя отъ честныхъ людей, ежели не имѣемъ истинныхъ достоинствъ: но съ какимъ бы кто достоинствомъ ни былъ, онъ теряетъ половину его цѣны, когда слишкомъ много мечтаетъ о себѣ, и изыскиваетъ всякїе случаи, чтобъ сказать что нибудь себѣ въ похвалу. Сїе каранїе надо оставить другимъ. Нѣкогда одинъ, весьма свѣдущїй въ обращенїи, сказалъ другому хвастающемуся въ хорошей бесѣдѣ сочиненїемъ такой рѣчи, которая всѣхъ привела въ восхищенїе. Онъ сдѣлалъ обширное и подробное повѣствованїе объ оной, и наговорилъ себѣ множество похвалъ: вы здѣсь имѣете довольно хорошихъ друзей, сказалъ ему съ холоднымъ видомъ тотъ человѣкъ, оставьте имъ старанїе хвалить васъ, и говорить то, что вы сами говорите.

Хотя всякой обыкновенно имѣетъ нѣсколько зависти противъ тѣхъ, кои одарены отмѣнными качествами, подхватилъ Ѳеогенъ, однако сїе не мѣшаетъ отдавать имъ справедливость, и то уже есть знакъ истиннаго достоинства, когда самые чрезвычайно завистливые принуждены его хвалить. Естьли же бы злость людей была столь велика, что они не захотѣли бы отдать похвалу тѣмъ, которые ее заслуживаютъ, то и въ такомъ случаѣ не должно слишкомъ огорчаться, и негодованїемъ своимъ показывать чрезмѣрную жадность къ похваламъ. Надобно, чтобъ каждой честной человѣкъ положилъ себѣ за первое основанїе нравственности не говорить никогда ничего въ свою похвалу, чтобъ онъ былъ увѣренъ, что желанїе похвалъ приводитъ въ великое посмѣянїе, что люди тщеславящїеся бываютъ всегда ненавидимы, и что самые лучшїе ихъ друзья не могутъ ихъ терпѣть. Ничто не возвышаетъ болѣе хорошаго мнѣнїя о людяхъ, какъ ежели всякъ видитъ, что они имѣютъ кроткїя чувствованїя, и не мечтаютъ много о себѣ

Въ то время, какъ такимъ образомъ говорилъ Ѳеогенъ, Евфимій показалъ ему, что приближается къ нимъ нѣкоторой Кавалеръ. Когда онъ пришелъ въ то мѣсто, гдѣ они находились, то увѣдомилъ, что одинъ изъ ихъ друзей вступилъ въ великую ссору, что это произшествіе надѣлало много шуму, и что онъ проситъ ихъ непремѣнно къ нему пріѣхать и помочь своими совѣтами и своимъ заступленіемъ. Евфимій и Ѳеогенъ были чрезвычайно тронуты сею новостію, они не колебались ни одной минуты въ разсужденіи того, какія имъ принять мѣры; и не смотря на то, что великое удовольствіе вкушали въ деревнѣ, и что ихъ присутствіе нужно было въ оной, по причинѣ производимыхъ тамъ работъ, они тотчасъ сѣли на лошадей, и отправились по почтѣ въ Парижъ.

Конецъ VI и послѣдняго разговора.

Въ
разомъ
казалъ
нѣкото
въ то
увѣдом
вступи
произш
что о
нему п
ми и
и Θеог
сею но
ной м
какія
на то,
шали в
ствїе н
произв
часъ с
по поч

Конец

